

Кинная Форми

Порядочный Хаосит

Великий ветер, проходя через три континента, несет в себе две силы — Хаос и Порядок, и у каждой из них есть множество последователей. Давняя вражда между ними не торопится заканчиваться, несмотря на явную власть хаоситов, стоящих во главе священного города Ван-Елдэр.

В эту вражду оказывается вовлечен беспечный и молодой наследник древнейшего рода Алых — Ройт Айнхейн, чья судьба подвластна лишь ветру Хаоса, и теперь все, кто встречаются ему на пути, становятся частью великой игры сил.

Священный город Ван-Елдэр, столица Гегемонии Хаоса. Девять лет назад.

— Все семьдесят человек — одна семья?

— Да. Они разделяют всю свою жизнь друг с другом, пока ошибка одного не убьет их всех.

Члены рода Айнхейн стояли на проспекте Негасимого Пламени и смотрели, как команда начертателей готовится к построению новой Великой Печати. Гигантский проём — двести восемьдесят восемь метров в высоту, пятьдесят два в ширину — был, словно сеткой, затянут канатами, по которым ходили крохотные фигурки. Построение печати должно было начаться с закатом.

Ройт достал из кармана складную подзорную трубу и взгляделся:

— Они все лысые и голые!

— Ну-ка, Ройт, отдай мне трубу, — Айя протянула руку.

Ройт нехотя отдал её матери. Вилириан прокашлялся:

— Видишь ли, сын, это для того, чтобы лучше чувствовать ветер. И, конечно, чтобы не задеть случайно волосами создаваемый узор.

— Я хочу домой! — пятилетний Ликс не очень понимал, что происходит. Он тер глаза и беспрестанно зевал.

— Мы не можем сейчас пойти домой, — в пятый раз уже повторила Айя. — В башне небезопасно. Если начертатели ошибутся, печать начнет высасывать жизнь из всего, что вокруг неё, и мы можем пострадать.

— И все начертатели разом станут сухими мертвецами? — кровожадно поинтересовался Ройт.

— Нет, не разом. Они начнут стремительно стареть. Но перед тем, как умереть, они потратят свои последние минуты на то, чтобы разрушить Печать. Это их долг. Иначе весь Ван-Елдэр окажется в опасности. Теперь понимаешь, почему они беспредельно доверяют друг другу? Совершает ошибку один, а умирают все. И, умирая, они будут, решительно и внимательно, без страха и паники, устранять последствия этой ошибки. Возможно, если они успеют это сделать быстро, то просто вернуться с башни стариками и старухами. Но — живыми.

— То есть, они знают, что никто из них не ошибётся? И поэтому идут?

— Нет, этого недостаточно. Нужно заранее быть готовым принять, что один из твоих ошибётся, и не винить его за это. Иначе давление ответственности на каждого будет невыносимым.

— Не понимаю, — сказал Ройт.

— Ну смотри, — Вилириан указал на четыре плиты на проспекте. — Можешь пропрыгать их на одной ноге, не задевая края плит и наступая на каждую только один раз?

— Легко, — сказал Ройт, тут же подтверждая свои слова делом.

— Теперь — ещё раз! Но, если ты заденешь границу одной из них, следующий месяц проведешь, не выходя из своих покоев, читая только учебники.

— Так нечестно!

— Ройт, это те же самые плиты.

Ройт послал ему сердитый взгляд и прыгнул на первую плиту. В этот раз он делал это

медленно и внимательно. На третьей плите он застыл, покачиваясь, но выровнялся и совершил последний, точный прыжок.

— Ух! Я смог!

— А теперь — сделай это ещё раз. Но, если ты промахнешься, я сразу же отрублю свою правую руку.

Ройт с ужасом посмотрел на отца.

— Я не буду прыгать! Ты что, на Якшар ночами любишься?

— Те же самые плиты, Ройт.

— Давай, сынок, — Айя улыбнулась. — Я тоже ставлю свою правую руку, что ты справишься.

— Да вы оба обезумели! Это какие-то ничтожные плиты!

— Мы с твоим отцом — Алые. Безумие — это часть нашего здравомыслия. И да, плить — ерунда. Но доверие, страх, семья, урок, понимание — это важно. Давай, Ройт.

— Ну вы придурки! Тогда я тоже ставлю правую руку, — заявил сердито Ройт.

Напевая, он проскакал все четыре плиты, наступая всякий раз в самую середину.

— Плевое дело, — заявил он, возвращаясь назад к родителям. — А вообще, интересно. Ух! У меня даже волосы на голове дыбом встали немного. Стойте, а откуда... вы что, были начертателями?

— Однажды тебе тоже предстоит узнать о тонкостях создания плетений, — ответила Айя. — Но да, мы с отцом некоторое время занимались этим искусством довольно серьёзно.

— А где ваша огромная семья? Я хочу ещё тридцать пап и мам, по меньшей мере!

— Не все начертатели — члены громадных семей. Да и такое количество людей обычно не требуется. Эта Печать станет самой большой в Ван-Елдэре, Ройт. Для повседневных нужд такие не требуются. Мы с отцом работали вдвоём как раз потому, что могли доверять только друг другу.

— Голые и лысые, — ехидным голосом проговорил Ройт.

Вилириан и Айя обменялись взглядами и ничего не ответили.

На вершинах башен, окружавших домен Айнхейн, утробно взревели громадные трубы. Начали мерно бухать барабаны. Начертатели пришли в движение: в такт ударам они чертили в воздухе сияющие золотые линии, раскачиваясь на верёвках, пробегая по канатам. Порой несколько, взявшись за руки, подбрасывали одного высоко вверх, и он в полете успевал прочертить пылающую черту — прежде, чем его ловили руки стоящих на верхних ярусах. Скородвигающиеся фигурки людей уже не были заметны на фоне яркого золотого узора, полыхавшего в вечернем небе.

Меньше, чем через час самая большая Печать за всю историю Ван-Елдэра зажглась ровным светом, подсветив золотым темные ночные тучи.

1. Дуэль

Священный город Ван-Елдэр, столица Гегемонии Хаоса. Наши дни.

Накануне вечером меня оповестили, что дуэль, в которой участвует мой друг, назначена на семь утра. Конечно, я не мог её пропустить. Но я также не мог пропустить и витрину книжного магазина, не заглянув туда в поисках новинок.

Сочетание этих двух факторов привело к тому, что я перевернул последнюю страницу книги «Путешествие к вершине мира», когда часы отбивали четыре. Ложиться спать уже, очевидно, не имело смысла, но взбодриться не помешало бы. Придётся подняться ступеней этак на восемьсот, но для живущего на семьдесят первом этаже Алой башни Айнхейн — это пустяковая прогулка.

Встав с кресла, я подошёл к окну и увидел, что стекло покрыто мелкими дождевыми каплями, и порывы ветра несут полотнища тумана, освещённого жёлтым сиянием Великой Печати. После прочтённой книги мне показалось слабостью пользоваться уютной внутренней винтовой лестницей и, надев кожаный пыльник и прихватив с собой юхатский термос с медовым пуншем, я распахнул окно и вышел на балконную площадку.

Ступени внешней лестницы были мокрыми и скользкими, и весь подъём я крепко держался за каменные перила.

Двадцать кругов вокруг башни вверх — и я оказался выше границы облаков. А ещё через десять кругов я, наконец, добрался до верхней площадки. Здесь двойная башня смыкалась, и на ее вершине был разбит маленький сад, посередине которого стояла каменная беседка. Как раз занимался рассвет — длинные лучи солнца поднимались из-за далёкого горного хребта, озаряя двойные башни, поднимающиеся из облаков.

Махнув рукой двум алым гвардейцам, несущим почётный караул, я подошёл к беседке. Присел на прохладную после ночи деревянную скамью, кутаясь в кожаный пыльник, и, глядя на восход, отпил горячего напитка. Доводилось ли вам пить утренний пунш на вершине одной из Алых башен священного города Ван-Елдэр? Если вы не член древнего Алого рода — наверняка, нет. И это одна из тех несправедливостей, которую я собираюсь исправить. Нет, я не обещаю каждому работяге из Белых кварталов по башне высотой двести восемьдесят шесть алдов. Я лишь предлагаю сделать вход на обзорные площадки свободным — хотя бы, на один день в декаду. Простое дело, но это наверняка поможет Алым, Белым и серым улучшить взаимоотношения.

В сотне алдов от меня на площадке чуть пониже, чем наша (впрочем, любая башня Ван-Елдэра была ниже башни рода Айнхейн) показалась фигурка, одетая в красную мантию и махнула мне рукой. Я приветственно помахал в ответ, и сделал приглашающий жест.

Человек перешагнул через край площадки и завис в воздухе, а затем, широко шагая, направился ко мне. Его светлые волосы развевал утренний ветерок. Подойдя к лестнице в паре десятков метров подо мной, он начал подниматься вверх, и через две минуты мы уже пожимали друг другу запястья.

Способность Йонка — ходить по воздуху. Именно ходить, а не летать. С одной стороны, это очень впечатляюще выглядит, с другой — он не может набирать высоту и перемещаться быстрее, чем бегущий человек. Зато ему не грозит опасность разбиться. Как, например, мне.

На самом деле, никто в Ван-Елдэре уже несколько поколений не получал способностей к неограниченному полёту. Я знаю Алых, которые могут взлетать, но только вертикально

вверх, и Алых, которые могут сделать своё тело невесомым и быть унесёнными ветром. Сурас Необузданный способен отправлять в полет любые предметы, кроме собственного тела, и пару раз я видел, как он парит на здоровенной каменной плите. Подобный метод перемещения расходует значительное количество великой эссенции, но у Сураса её целый бассейн.

— Не выспался? — Йонк увидел, что я шурюсь и зеваю, глядя на солнце.

— Ага. Книжка хорошая попалась — дневник путешественника к центру мира. Представляешь, они достигли третьего внутреннего кольца гор и обнаружили там племя, ничего не знающее о внешнем мире, которое...

— Ты знаешь, что мне это не интересно, — в глазах Йонка читалось пренебрежение. — Ничего за пределами скального круга Ван-Елдэра не имеет большого значения. Мы идём впереди всего мира, и мир следует за нами.

Я закатил глаза и открыл было рот, чтобы начать длинную речь о чудесах безграничного мира, но Йонк снова прервал меня:

— Ройт. Не ходи никуда сегодня. А если пойдёшь, а ты наверняка пойдешь, не делай никаких глупостей.

— Ты, по-моему, меня с кем-то перепутал. Я никогда не делаю глупостей, — объявил я уверенно. — Всё, что я делаю — вдохновенная импровизация, изысканная и безупречная. Если закосневшие в своих традициях Алые не могут её оценить — мне остается только пожалеть их.

— Постарайся, чтобы среди твоих импровизаций не оказалось ничего, что противоречило бы Максимумам Хаоса.

— Хм? При чём здесь древние уложения времён Двух Братьев? — удивился я. — Мы живём в современном мире.

Йонк прикрыл глаза и покачал головой. Когда он заговорил, я уловил в его словах страх, которого раньше не замечал за ним.

— Ройт, ты даже не представляешь, в какую историю ввязываешься. Ты думаешь, что, гуляя по Белым Кварталам, распивая пиво со своими новыми друзьями, печатая в подпольных типографиях листовки с воззваниями и сочиняя песенки про Архонтов, просто дёргаешь за хвост старого, беззубого пса. Но на самом деле этот пёс не реагирует на тебя не потому, что он бессилён тебе помешать. Он слишком занят, ведь он — древний страж, охраняющий ворота в логово чудовищных змеев. И если змеи заметят твои действия и решат, что ты — на их стороне, Ройт...

Йонк выразительно посмотрел на меня.

— Не ходи никуда сегодня. Не делай глупостей. И никому не говори о нашем с тобой разговоре.

Он коротко пожал мне запястье и прыгнул через парапет.

Какое-то время я наблюдал, как Йонк спускается к своей башне, недоумевая. Чем была эта пространная речь? Паранойей или заботой? Может, жаждой поучать? Я призадумался, но нет — никакая моя деятельность не вела к событиям таких масштабов, на которые так красиво намекал Йонк. А жаль.

Я недоуменно пожал плечами, достал из кармана часы и глянул на стрелки. Однако, пора было поторапливаться.

Спустившись к себе, я быстро переоделся по погоде, нацепил кобуру с револьвером и побежал по ступенькам вниз, перепрыгивая через пять-семь сразу.

Побегали бы вы с моё по этой башне! Честно говоря, я не уверен, что, даже если однажды мы откроем свободный вход, многие не-Алые дотащатся до обзорной площадки. Я как-то заикнулся отцу о том, чтобы устроить в башне нормальный лифт, из тех, какие сейчас делают в Белых кварталах. Он посмотрел на меня так, как будто я сошёл с ума. Ну, не знаю. Сам-то он живет на девяносто четвёртом, так что предложение было и в его интересах тоже. Неужели ему так нравится тратить полчаса в день только на то, чтобы подняться к себе домой?

Выбежав из ворот домена, я услышал первые гудки, доносившиеся с фабрик Белых Кварталов. Шесть утра. Дождь прекратился, хотя небо всё ещё было затянуто серыми тучами. Рядом с боковым входом стояла вереница холодных фургонов, и поставщики с курьерами по цепочке передавали ящики со свежими продуктами для кухонь дома Айнхейн. Несколько дворников в серых долгополых кафтанах сметали кленовые листья с каменных плит проспекта Негасимого Пламени. При виде бегущего аристократа они прекратили работу и почтительно приложили пальцы ко лбу. Я приветственно махнул им рукой и побежал вниз по холму, мимо величественных Алых доменов.

Четырьмя кварталами ниже уже начинался монорельс, и меня обогнала платформа, полная рабочих в белых фартуках, с саквояжами в руках. Они держались за поручни, и несколько из них хмуро посмотрели в мою сторону.

Эх, с каким удовольствием я бы сейчас подъехал хоть на конке, хоть на платформе! Но делать этого не следовало: если я запрыгну на платформу, согласно неписаному правилу Ван-Елдэра, все, кроме Алых и кондуктора, будут вынуждены тут же сойти. В результате двадцать хороших парней опоздают на работу.

Ветра, как глупо!

Я прибавил ходу, стараясь не поскользнуться на лужах; брызги разлетались из-под моих ног. Раз-два, раз-два. Люди шарахались, уступая мне дорогу, кто-то крикнул: «дурень!»! Тем временем, я спускался всё ниже и ниже к набережной канала. Башни здесь стояли уже поскромнее и поновее: алдов по пятьдесят-семьдесят. Совсем рядом с каналом располагался обширный участок, огороженный стеной, из-за нее торчал куцый огрызок башни в лесах. Эти ребята затеяли строительство лет десять назад, но немного преуспели. Над незаконченным фундаментом слабо светилась растянутая на металлическом кольце двухалдовая Печать. Хозяева участка, очевидно, хотели собрать немного эссенции, чтобы продать ее и продолжить работы.

По мне, они с таким же успехом могли повесить плакат «Мы — неудачники».

На мосту я остановился, чтобы перевести дух. Выбрасывающий облака пара буксир вёл длинную вереницу гружёных барж. На носу буксира стояла капитан с дочкой, одной рукой держась за рычаг штурвала, а другой — приобнимая за плечи девочку. Двое матросов сгоняли с палубы дождевую воду щётками. Старик в брезентовой куртке, развалившийся в кресле на той же палубе, грел на коленях маленькую белую кошечку, курил и глазел по сторонам. Я поприветствовал его кивком головы, он кивнул мне в ответ и выпустил огромный клуб дыма, видимо, соревнуясь с пароотводной трубой. Я невольно залюбовался картиной. Сразу видно, люди занимаются делом, ведут интересную жизнь, не то, что некоторые Алые, не желающие знать ничего за пределами города.

Часы в кармане прозвенели половину седьмого. Штиль, куда делось время? Я же гнал всю дорогу!

Поминая нечестивые ветра, я сорвался и побежал. Вот как, скажите, сапоги из

укреплённой эссенцией Порядка кожи могут пропускать воду? Это логически невозможно. И, однако, я почувствовал, что мои носки отсырели и начали сползать с пяток.

— Ройт? Привет! Ещё не под арестом?

Я обернулся. С высоты огромного буланого коня на меня смотрела, улыбаясь, Охранительница Йис. Ровесница и подруга моего отца, которая уже десять лет была Архонтом, отвечавшим за безопасность в Ван-Елдэре. Худая, сероволосая женщина с хищным орлиным профилем, добрым сердцем и сокрушительными способностями.

— Вот как раз сбегая, — отозвался я. — Привет, Йис. Не хотите меня арестовать и срочно доставить к площади Дружелюбия — а там ненадолго отпустить под честное слово?

— Спешешь на дуэль Токри и Хака?

— Вы уже знаете?

— Я знала о ней ещё тогда, когда они не познакомились.

— Ого! А знаете, чем закончится?

— А то. Если ты там через двадцать две минуты не появишься, будет плохо дело, так что тебе лучше поторапливаться. Правда, тебя я не подвезу, уж извини. Так тебя твои приятели за агента охраны примут. Но подскажу: если ты через два квартала свернёшь направо в проулок, то успеешь.

Я было припустил туда, но Йис щёлкнула пальцами, и ноги мои примёрзли к плитам.

— Рано. Через семь... три... один... теперь беги! И, когда наворишь глупостей, постарайся, хотя бы, не включить в их число подлость, — крикнула она мне вслед.

Поразительно, день только начался, а я получил уже целых два предупреждения и совета, которых не спрашивал. Несправедливые обвинения рано утром, когда скачешь по осенним лужам — не самое приятное начало дня. Разозлённый, я обернулся на полдороге, чтобы показать Йис пару оскорбительных жестов. А затем скрылся в проулке.

Там никого не было. Я нёсся, перепрыгивая через ещё не убранные бутылки из-под молока, которые выставили хозяйки, и пару раз едва не налетел на бельевую верёвку. Вдруг одна из дверей отворилась, и наперерез мне с грохотом выкатился странный механизм. Четыре колеса были укреплены вокруг двух небольших кресел; под ними виднелись какие-то зубчатые передачи и цепи.

На левом кресле восседал Радардан, одетый в кожаный плащ и белый пробковый шлем. Я не успел затормозить и с грохотом врезался в очередное гениальное изобретение моего Белого приятеля.

— Радардан, чтоб тебя, я едва шею не свернул!

— Садись скорее, Ройт, — он показал мне рукой на кресло, — я тебя подвезу!

— Спаси ветер, мне ещё жизнь дорога, — возмущённо отказался я. — Твоя колымага развалится по дороге на первой же ступеньке.

— Не развалится, я уже неделю на ней гоняю, — он настойчиво похлопал рукой по креслу. — Садись!

Я вспомнил слова Йис и сел.

— Ремнём пристегнись, — зачем-то сообщил Радардан, пристёгивая меня самостоятельно. — Теперь найди внизу педали и крути их ногами, как будто играешь на органале с педальным приводом.

Я никогда не играл на органале с педальным приводом и не собирался, однако послушно начал нажимать на железные педали.

Они с трудом начали вращаться, и сразу же механизм пришёл в движение. Радардан

вывернул руль вбок, и мы, развернувшись, помчали по проулку, сокрушая пустые бутылки.

Когда мы свернули на улицу, Радардан начал трезвонить в колокольчик и орать «поберегись». Пара сонных лошадей, везущих фургоны, вскинулись и захрапели, с трудом удерживаемые возмущенными возницами. К счастью, сейчас как раз наступал тот час, когда трудолюбивые ремесленники уже приступили к работе, а скучающие аристократы ещё досматривали утренние сны, и на Белых улицах было почти пусто.

Я жал педали, Радардан поначалу пытался делать то же самое на своей стороне, но понял, что одного меня хватает с лихвой, и сосредоточился на управлении. Мы прогрохотали по всей аллее Почтительности, пересекли площадь Дружелюбия и свернули на гравийную дорожку в парк Девяти Добродетелей. Там началась тряска, причём настолько неприятная, что я едва мог крутить педали.

В конце парка уже собралась изрядная толпа Белых в светлых нарядах, среди которых мелькала пара красных мантий. Я выскочил из нечестивой машины и немедленно понёсся к ним.

Я сразу заметил темноволосую голову Токри. Обычно растрепанная, сегодня она заплела две плотные косы. Токри выглядела потерянно: она приподнималась на цыпочки и щурилась, вглядываясь в лица окружавших её людей. Я крикнул:

— Токри! Я здесь! — и она, услышав мой голос, подбежала ко мне.

Мы обнялись. В затылке холодком сквозила мысль, что это, возможно, последний раз, когда я её обнимаю, но я решил не поддаваться панике. Меньше всего Токри нужно сейчас чувствовать мой страх.

— Я начала бояться, что ты не придёшь, и тогда мне придётся менять видящего.

Я хмыкнул: подводить друзей в столь важный момент точно не в моих правилах.

— Смотрю, ты уже подготовилась.

На ней было белоснежное кимоно и мягкие войлочные тапочки. Под мышкой висела кобура.

— Я очень зла, — сообщила она сквозь зубы. — Этот мерзавец не заслуживает жизни.

Я глянул на противоположную сторону от Квадрата, где стоял Хак со своими приятелями. Хак, жилистый мужик с хищным взглядом, смотрел прямо на меня. Его видящий был похож на рептилию — сутулый парень с невыразительным взглядом и мягкими движениям словно бы бескостных рук. Он что-то шептал Хаку на ухо.

В моём кармане часы начали отбивать семь утра. Токри бросила на меня последний взгляд и, отвернувшись, подошла к арбитрам.

Тройка арбитров стояла на небольшом возвышении. Я не знал никого из них.

Стоявший посередине мужчина с узким лицом начал обычную в таких случаях речь. Пожалел о размолвке, спросил, не желают ли участники дуэли примириться, вся эта чушь.

Токри молча помотала головой, Хак отказался жестом ладони. Прислужники, подойдя, замотали им глаза плотной тканью, завязав на затылках узлы.

Я вспоминал всё, что знал о правилах слепой дуэли.

Двое участников с завязанными глазами спускаются в Квадрат — широкий каменный колодец глубиной пять метров, шириной где-то двадцать на двадцать. Один сопреник тихо перемещается, другой пытается его пристрелить, следуя указаниям своего «видящего» — секунданта, который сидит на краю колодца и руководит его действиями. После первого выстрела они меняются местами: теперь уже прячется стрелявший, а стрелок укрывается. Так продолжается вплоть до шести выстрелов.

Смертельные случаи в Квадрате — сравнительная редкость, и примерно с половины дуэлей участники уходят на своих ногах. Однако эта забава далека от безопасной. Впрочем, Хак действительно зарвался: мало того, что он публично назвал отчёты Токри о проведенных экспериментах плагиатом, так ещё и усердно распространял эти слухи среди Белых мастеров, из-за чего её без объяснений уволили из исследовательской мастерской. В ответ моя подруга вызвала его на слепую дуэль.

На самом деле, у Токри были неплохие шансы, учитывая её близорукость. Я читал, что у людей с ослабленным зрением в качестве компенсации развиваются другие способы восприятия. Незрячих вообще не допускали до слепой дуэли. Однако первый выстрел был не её.

Дуэлянты спустились в квадрат и заняли места по углам. Я встал на краю, оглядел Квадрат и нахмурился, заметив на полированном песчанике многочисленные выбоины от пуль, а на полу — потемневшие пятна. Люди начали громко хлопать в ладоши и топтать ногами, создавая шум, позволявший участникам двигаться незаметно.

Радардан подошёл ко мне и встал за левым плечом.

— В первый раз водишь? — спросил он.

Я напряженно кивнул.

— Странно, что она выбрала тебя, а не меня, — он произнёс несколько растерянно. — Ты даже, вероятно, не можешь посчитать правильный угол. Как ты её наведёшь?

— Буду говорить: правее, левее, выше, ниже, стреляй. Вот и всё, — я раздосадовано буркнул:

— чего ты пристал ко мне?

Радардан моргнул и отошёл. Присутствовавшие замолчали. Токри стояла посередине Квадрата, припав на одно колено. Хак стоял в трёх метрах от неё, глядя чуть в сторону, и держа ствол револьвера прямо перед собой.

Его видящий быстро проговорил:

— Три, двадцать два, сорок.

Хак молниеносно развернулся и выстрелил, но Токри уже прыжком отскочила в сторону. Пуля ударилась в то место, где она только что сидела, а Хан убрал пистолет и отбежал в сторону, прижавшись к стене.

Толпа зашумела и снова замолкла.

Токри достала револьвер. Я прокашлялся.

— Значит, Токри, привет. Хак стоит слева... нет, не настолько слева... так, он от тебя в пяти метрах, левее... так, он отходит. Целься правее... так, он пригнулся и бежит налево, теперь повернись... А, нечестивые ветра! Слушай меня. Ты умеешь танцевать вальс?

Токри растерянно кивнула головой.

— Отлично. Будем танцевать вальс. Позиция! Руку с револьвером положи на талию воображаемого партнёра. Раз-два-три, раз-два три, раз-два-три.

Токри медленно кружилась, поворачиваясь вокруг своей оси. Хак крутил головой, прислушиваясь.

— Раз-два СТРЕЛЯЙ!

Токри спустила курок и промазала метра на полтора. Собравшиеся засмеялись.

Я заткнулся, досадуя на себя. Токри быстро убрала револьвер в кобуру и встала, раскинув руки в стороны.

Хак медленно шёл к ней, очевидно, ориентируясь на выстрел. Честно говоря, звук в

каменном мешке был оглушительным; полагаю, что бой не продолжают после шестого патрона потому, что дуэлянты уже могут и не слышать своих видящих.

Видящий Хака снова выпалил:

— Два, минус двенадцать, ноль.

На слове «ноль» Токри подогнула ноги и присела, выхватывая при этом свой револьвер; пуля просвистела над её головой, выбивая каменную крошку из стены. Хан уже бежал зигзагами.

Вероятно, самый опасный момент — сразу после выстрела. Токри трясла головой: видимо, звук выстрела всё же оглушил её.

Я вспомнил своего учителя танцев, и начал командовать сварливым, раздражённым голосом:

— Снова вальс! Слышишь? Теперь в два раза медленнее! И-раз, и-два, и-три, и-раз, и-два, и-три! Прямее спину! Твёрже держи револьвер! Что ты ногу заворачиваешь? Ровно ступай! И-раз! И-два! И-три! Ещё медленнее! Деревенщина, что, в первый раз танцуешь! Может быть, и в последний! А ну ещё раз, в первую позицию. Нормальный танец — самое главное в дуэли! Ох, хорошо, Хак тебя не видит!

Хак издал нервный смешок, Токри развернулась и выстрелила.

Хак мешком повалился на пол.

— Ты попала! Попала! Молодчина! — заорал я.

Токри стянула с головы повязку и, пошатываясь, пошла наверх по лестнице. С другой стороны сбегали вниз врач и друзья Хака.

2. Эссенция

— Спасибо, — сказала Токри.

Мы вдвоём стояли в глубине парка. Я чувствовал себя выжатым и сонным. Токри уже переделалась в свой обычный наряд. Серьёзно раненого Хака унесли; будет ли он жить, покажут следующие дни. Токри, похоже, совершенно не волновала его судьба.

— Да не за что, — отозвался я. — Спасибо за доверие.

Она, помолчав, продолжила:

— Слушай, Ройт, это, конечно, против закона, но... — Токри нервно обернулась, будто волновалась, что нас может кто-то подслушать, — в общем, если что, я тут кое над чем работала последнее время. Возможно, тебе это может пригодиться... в нашем общем деле.

Токри достала из сумки маленькую бутылочку тёмного стекла и сунула мне её в руку.

— Что это?

— Активная эссенция порядка. Действует быстро, при попадании на кожу. Не убивает, устраняет враждебность, внушает послушание и верность тому, кто нанёс эссенцию.

Я помотал головой, пытаюсь проснуться.

— Зачем бы мне это?

— Предположим, у тебя есть злобный враг. И ты хочешь избавиться от его злобы. Но не хочешь его убивать, — Токри смотрела, не мигая, видимо, надеясь, что так я лучше усвою информацию. — Несколько капель — и он твой верный друг.

— То есть, скажем, за мной гонятся друзья Хака и пытаются вышибить мне мозги. Я разбрызгиваю на них содержимое, и они проникаются ко мне любовью?

— Именно. Понимаешь теперь, почему Хак пытался помешать моей работе и выгнать меня из мастерской? Он требовал, чтобы я отдала ему эссенцию. Полагаю, он использовал бы её в своих целях.

— Да, — протянул я. — Тут всё серьёзно, очень серьёзно. А теперь я, если позволишь, пойду посплю. Спасибо за доверие, спасибо за эссенцию, постараюсь не попадать в ситуации, после которой у меня в друзьях будут всякие ублюдки. Спасибо за заботу.

Я убрал бутылочку в карман штанов.

Токри обняла меня. Я почувствовал лавандовый запах её духов.

— Никому не говори, что получил её от меня, хорошо? Иначе я окажусь в опасности.

— Ни за что на свете, — зевнул я. — Пока. Хорошо, что ты живая.

И я поплёлся домой. Мне предстояло пересечь полгорода и забраться на семьдесят первый этаж.

Лестница вызвала у меня привычное раздражение. Первые двадцать пролётов я одолел легко, а после тридцатого почувствовал нарастающую усталость. Бегаешь-бегаешь, бегаешь-бегаешь... почему я не заночевал у друзей? К слову, отличная идея.

На тридцать втором этаже жил мой младший брат Ликс. Ну, правда, братишка же не откажет мне в том, чтобы я пару часов покомарил в кресле? Спать хотелось просто невыносимо. Я толкнул дверь и зашёл.

Ликса не было в его покоях. Вообще не понимаю, как он здесь живёт, если честно.

Даже гостиная напоминала зверинец. В трёх висящих под потолком клетках сидели нахохлившиеся птицы, посередине гостиной стоял здоровенный стеклянный террариум, в

котором жирная чёрная жаба что-то пережёвывала, вращая глазами. По стенам были развешаны разные дикарские приспособления: деревянные щиты, раскрашенные яркой краской, дротики, ассегаи, какие-то дубинки. В общем, комнаты Ликса полностью отражали его натуру. Я вынул из кресла какого-то уродливого божка, поставил его рядом с собой на пол, сел и прикрыл глаза.

— КРРРА! — сказал какой-то птиц.

Я проигнорировал его, не открывая глаз.

— КРРРА! — послышалось снова.

Я схватил с соседнего кресла подушку и укутал свои уши. Мне нужен сон! Я не могу быть великолепен без перерыва!

Вдруг кто-то ткнулся в мою ногу. Да что еще?! Я открыл глаза. Передо мной стояла здоровенная псина с квадратной мордой и рычала на меня. Птицы орали не переставая. Даже жаба и то начала мерзко квакать.

Что за новая игрушка Ликса? Я не то что не понимаю идею восхищения животным миром, но всему есть какие-то границы. Нет, хорошего сна здесь не получится. Надо подняться к себе. Я начал было вылезать из кресла, но собака зарычала громче и неожиданно клацнула зубами в опасной близости от моей ноги.

— Слушай, псина, я брат твоего хозяина, — сказал я. — Я зашёл поспать, но мне это не удалось сделать. Я иду домой.

Псина не отреагировала, но когда я попытался встать снова, она зарычала так громко, что я понял — до этого она лишь ласково мурлыкала.

Я опустил обратно в кресло. Вот гадство. Собачище село на мою ногу, уставилась мне в лицо и продолжила рычать. Ярость начала заливать мне глаза.

— Так, сидеть! — сказал я лучшим командным тоном Алого.

Псина не отреагировала.

— А ну сидеть!

Рычание стало ещё громче.

Я потянулся к кобуре.

— Слушай, ты, злобная тварь! Я тебя пристрелю, если ты меня не выпустишь! А ну отошёл от меня!

Тут из моего кармана вывалилась бутылочка с эссенцией и упала на кресло. Я усмехнулся и переменял свои планы.

— А ну, псина, нюхни-ка этого, — я брызнул в неё россыпью капель.

Большая часть, конечно, пролетела мимо, но несколько попали на шкуру собаки.

Та взвизгнула и отпрянула, начиная суетливо вылизывать шерсть. Потом замерла и легла на пол. Я встревожился, не померла ли она.

— Эй, псина, слышишь меня? Сидеть! Голос!

Зверюга безропотно села и гавкнула.

— Ну вот. Хорошая собачка. Иди, поспи себе в уголку где-нибудь, а я, всё же, в кресле подремлю, — ответил я и провалился в сон.

Собака послушно пошла в угол, положила голову на лапы и заснула.

Пробудил меня Ликс, который с воодушевлением пинал мою ногу.

— Ройт, вставай! Что ты делаешь у меня в гостиной?

— Здорово, братишка, — я с трудом разлепил глаза.

Братья, которые моложе тебя на десять лет — это ужасно. Сначала они слишком тупы,

потом слишком энергичны, а потом слишком молоды, и ты на их фоне кажешься стариком. Ликсу достался отцовский квадратный подбородок и чёрные волосы, и потому мне спросонок показалось, что меня пинает отец, только маленький и щуплый.

— Я, понимаешь ли, шёл к себе, но понял, что соскучился и захотел тебя проведать. Ну, и уснул в ожидании любимого брата.

— Ты дрыхнешь как убитый, — довольно сказал Ликс. — Я уже будил тебя, орал на ухо, звонил в колокольчик, махал твоими руками и даже вытащил тебя из кресла, а ты всё спишь.

Я, действительно, лежал на ковре. Приподнимаясь, я посмотрел в угол на псину.

— Удивительно, что Торра тебя пропустила, — продолжал безобразно бодрый Ликс. — Эй! Торра! Фьють! Ко мне, девочка!

Собака лежала, не двигаясь и не открывая глаза. Ликс подбежал к ней и начал было теревить, но сразу же отёрнул руку.

— Торра... каменная.

— Что? — я поднялся и подошёл к псине.

Действительно, её шкура, раньше беспорядочно лохматая, теперь стала будто мраморной.

— Эй, как тебя — Торра? Встань.

Каменная собака подняла голову и приподнялась на лапы. Ликс в ужасе отпрянул. Зрелище и правда было диким — мы наблюдали ожившую скульптуру собаки.

— Ройт, что ты с ней сделал?

— Эм, я хотел спать, а она пыталась меня загрызть, и я плеснул в неё эссенцией Порядка, — растерявшись не меньше брата, я выложил всю правду.

— Что?!

— Я не ожидал такого эффекта, Ликс, правда, — я неловко пожал плечами. — Я думал, она...

— Ты убил мою собаку, потому что она мешала тебе спать?!

— Технически я ее не убивал. Она теперь упорядоченная, но так же ходит, слушается и все остальное.

Я попытался что-то сказать еще, но Ликс сперва побледнел, потом покраснел, потом его лицо перекосило так, что я понял: никакие слова уже не помогут. Я ринулся к двери, выскочил в коридор и тут же задвинул за собой задвижку.

Когда-то Ликса в наказание оставляли сидеть в его комнате. Те времена давно прошли, но засов не убрали, и я был благодарен за это небесному ветру. Да, нехорошо вышло, но Ликс со временем остынет. Куплю ему новую собаку, да хоть трёх собак. Хотя и эта собака была вполне себе жива и даже, на мой взгляд, стала несколько лучше. Впрочем, хорошо, что я не применил эссенцию Токри на, например, Охранительнице Йис.

Я одолел-таки лестницу и зашёл в свои покои. Великолепному Ройту нужно время. Голова была тяжёлая, я не выспался и перенервничал сверх меры за это утро.

Я подошел к зеркалу и глянул на себя. Из-за стекла на меня смотрел невыспавшийся аристократ — очевидно, проведший ночь за буйными развлечениями. По правде говоря, мне не очень нравилось то, что я видел — иссиня-чёрные волосы, здоровенный нос, треугольный подбородок, тонкие, ярко-алые губы, узкие, словно вечно прищуренные глаза — наследство воинственных степных предков. Порода, штиль её поberi! С таким лицом только приговаривать пленных к казни.

Я попытался дружелюбно улыбнуться. Мой двойник насмешливо осклабился. А,

нечестивые ветра!

Мира убиралась в моей комнате, и я был рад увидеть дружелюбное лицо — после злобной псины и разъярённого Ликса. Мира слегка касалась поверхностей, и они сразу же начинали сверкать чистотой.

— Привет, Мира, — сказал я, снимая обувь.

— День добрый, мастер Ройт, — улыбнулась мне пожилая, полная женщина в красной робе. — Как день прошёл?

— Ох, Мира, довольно безумно.

— Ну, вы же Альий, так что всё правильно, не так ли? Я вам сласти принесла, попробуйте.

— Ты такая же Алая, как и я, не забывай об этом, — напомнил я ей сварливо.

— Помилуйте, Ройт, какая я Алая? Ваши предки жили здесь с основания Ван-Елдэра, а я родилась по ту сторону Отпорного хребта.

— Знаешь, Мира, я был бы не прочь побывать как-нибудь в твоих краях, — задумчиво сказал я, рассматривая корешки книг на стеллаже. Мне сейчас срочно требовалась хорошая книга — отключиться от всего происходящего и расслабиться.

— Да ладно, чего там хорошего? Песок да колючки. Солнце палит день-деньской, дождь бывает раз в десять лет. Пыль повсюду. А здесь — какая благодать, посмотрите, — Мира махнула рукой в сторону окна.

Оно снова было покрыто крупными каплями дождя.

— Обязательно побываю, если там такая погода, как ты описываешь. Вот надо было нашим предкам поселиться в скальном кольце! Здесь всё время задерживается влажный воздух и три дня в неделю дождь.

— Но, мастер Ройт, а где же им ещё было бы поселиться? Храм Хаоса-то здесь упал.

— Ну, выковыряли бы Храм и перетащили куда-нибудь в место с тёплым морем и солнцем круглый год, — в детстве я частенько предлагал такой проект отцу и до сих пор считаю это одной из моих лучших идей по благоустройству жизни сразу всех сословий.

— Ну, Ройт, вы опять чушь говорите, — закатила глаза Мира. — Как можно Храм переносить? Он же весит как, наверное, половина домена Айнхейн. Да и неправильно это.

— Вот так, — я подцепил с тарелки, стоящей рядом с креслом, красный шарик, обсыпанный пудрой, и перенёс его себе в рот. — Ах, Мира, не слушай меня, это, конечно, чушь. Я просто устал от Ван-Елдэра. Представляешь себе, сегодня я был на Белой дуэли. Слыхала о такой?

— Это когда Белые с завязанными глазами друг в друга палят из револьверов?

— Именно. Вот посмотри: вроде разумные люди, а решили друг друга ухлопать. И эта забава у них возникла лет двадцать назад, в подражание Алым. Мы все вопросы решаем поединком — и, значит, Белым тоже хочется поединок, но на свой, упорядоченный и законопослушный, лад. Нет бы нашим брать пример с Белых. У нас ведь даже законов нет, понимаешь, Мира?

— Максимы, мастер Ройт, куда лучше законов.

— «Ярость взгляда пустоты», — процитировал я Четвёртую Максиму.

Мира почтительно приложила пальцы ко лбу.

— Что это значит, хотел бы я знать?

— Узнаете, мастер Ройт, — уверенно сказала Мира. — Уж кому ещё понять истинный смысл, если не вам.

В дверь постучали, уверенно и спокойно. Я сразу понял, что это отец.

— Заходи, папа, — я захлопнул скандальные «Вопросы к Алым», засунул книгу под подушку и поднялся с кровати.

— Здравствуй, Ройт, — мой отец посторонился, и в комнату зашли, сверкая алым атласом, Наставник Эрд, Охранительница Йис и... Верховный Старший Шоннур.

Великие Архонты в моей спальне! Добрым знаком это не назовёшь точно.

Пока я недоумённо здоровался с ними, они зашли и расселись. Йис с ногами залезла в единственное кресло, Эрд аккуратно примостился на краешке стула, Шоннур сел на шахматный столик. Отец огляделся, потом хлопнул в ладоши. В полу образовалась дырка, из неё показался стремительно растущий стебель, и через минуту посредине моей спальни красовался здоровенный лист какого-то лопуха. Отец невозмутимо уселся на него, лист прогнулся, превращаясь в сидение.

— Здорово, — я не скрыл восхищение. — Давно так умеешь? Я не знал. Но разве не проще принести стул из гостиной?

— Ты многого не знаешь, Ройт, — наставник Эрд по-птичьи наклонил набок седую голову и посмотрел на меня насмешливым взглядом. — Даже о способностях Вилириана.

— Ройт, — начал тем временем мой отец, — мы пришли бросить тебе вызов.

— Что? — я опешил. — Вы не можете со мной сражаться! Я не принимал великую эссенцию, и у меня нет способностей. Нельзя вызвать того, кто не может защитить себя.

— Да-да, — махнул рукой Шоннур, глядя на меня неподвижным, немигающим взглядом. — Мы знаем это не хуже тебя. Ты Алым по праву рождения, и неподвластен обычному суду. Ты не принимал эссенций, и поэтому тебя нельзя вызвать. Именно поэтому ты беспечно заигрываешь с заговорщиками, устраиваешь дикие розыгрыши и думаешь, что обманул весь мир. Парень, ты наивнее, чем лист, на котором сидит твой отец. Лист, по меньшей мере, знает, где его корень и зачем он вырос. А ты, видать, забыл.

После его слов в комнате повисло тяжёлое молчание.

— Ты слышал об Алом Суде, Ройт? — спросил меня отец.

— Это же из каких-то древних времён, вроде ордалии изначальным Хаосом?

— На самом деле, последний Алым Суд проводился всего тридцать лет назад. Это просто не то, что попадает в газеты.

«Всего» тридцать лет! Мне целых двадцать три.

— Алым Суд, Ройт, это... — Эрд сделал неопределённый жест, — суд чести. Тебя вызывает круг равных тебе и разбирает твои поступки, насколько они соответствуют пониманию Максим Хаоса. Любой может бросить тебе обвинение. Ты можешь принять или не принять это обвинение. Наказание назначает старший в круге. В данном случае это будет Шонн. То есть, прошу прощения, Верховный Старший Шоннур.

— Эм, — все это звучало слишком уж напыщенно и абсурдно.

Я точно помню, например, как в детстве дергал Верховного Старшего за волосы и нос, сидя у него на коленях.

— И какое наказание хотел бы мне назначить Верховный Старший Шоннур? — я выгнул бровь.

Шоннур кашлянул:

— Ройт, я вообще не хочу назначать тебе наказание. Я хочу, чтобы у меня не было поводов назначать тебе наказание. Ты — один из самых талантливых Алым в своём

поколении, пламя Хаоса горит в тебе необычайно ярко, хотя ты и отказываешься это признавать. Однако, всё будет зависеть от твоего поведения на суде. Возможно, ты будешь оправдан. Возможно — изгнан в пустоши. Возможно — изгнан и исключён из рода Айнхейн. Возможно, казнён.

— Казнён? — я совершенно растерялся. — Но, Старший Шоннур... вы старый друг моего отца. Я знаю вас всю жизнь. Я, ветра, знаю каждого из вас всю жизнь! Вы славные ребята, хотя и немного заостенели в своих традициях, как по мне, но, знаете, когда вы вот так приходите и говорите: «Ройт, мы завтра подвергнем тебя древнему испытанию, а по его итогам, возможно, казним» — это как-то чересчур. Я даже не знаю, что сказать!

Шоннур снова направил на меня тяжёлый взгляд:

— Тридцать лет назад я уже слышал подобные речи.

— И что случилось тридцать лет назад с... эम्म... тем, кто вёл подобные речи?

— Его исключили из рода. Но он не воспринял это всерьёз и продолжил поступать глупо. Тогда его судили как серого и казнили.

Я сглотнул: это звучало невыносимо. Архонты поднялись со своих сидений.

— Мы придём завтра утром, Ройт, — сказал отец. — До этого ты не можешь покидать свои покои.

Наставник Эрд задержался около полок с моими книгами.

— Интересная подборка, Ройт, — заметил он негромко. — Много можно понять о человеке, глядя на его книжные полки. Ты, я смотрю, интересуешься приключениями. О, занятный экземпляр!

Наставник Эрд потянулся за одной из книг, попробовал её вытащить, но вместо этого уронил с полки сразу десяток.

— О, извини, Ройт, извини. Я, пожалуй, пойду, — сказал он и улизнул за дверь.

Я со вздохом нагнулся и начал заново расставлять книги. «Рождение воина», «Девять лет на затерянном плато»... А это что?

В моих руках была незнакомая мне книга в чёрной обложке, с ярко-алым тиснением на ней. Все свои книги я знал наперечёт. Это были в основном истории о необыкновенных приключениях, путешествиях в неизвестные земли, сражениях, подвигах, верности и предательстве. Проще говоря, о том, чего в моей жизни, как мне казалось, было недостаточно.

«Алый Суд. Традиции, история, примеры лучших речей» значилось на обложке.

Я широко улыбнулся. Славный Эрд! Похоже, мне предстоит очередная ночь с книгой.

3. Суд

Священный город Ван-Елдэр

Серые тучи уже второй день сеяли мелкий дождь, и почитаемые Старшие вместе с уважаемыми Алыми месили чёрную грязь своими дорогими сапогами, пробираясь между скал к Храму.

Храм Хаоса располагался в самом центре города на священной заповедной земле. Сюда нельзя было входить тем, кто не принадлежал к древним кланам Алых — или не влил в свои жилы достаточно великой эссенции, чтобы считаться полноправным Алым. Здесь нельзя было ни возводить строений, ни сажать растения.

Впрочем, тут и так ничего не росло. И прогуливаться здесь как-то не тянуло. Заповедная земля была скорее огромной ямой, примерно семьсот алдов в поперечнике и алдов сорок — в самом глубоком месте. В центре её располагался Храм — исполинский клубок алых каменных шипов, возлежащий на круглой чёрной платформе из гладкого камня. Вокруг неё, словно гребни волн, расходились кругами изломанные гряды чёрных скал.

По легенде, этот храм некогда упал с неба и своим ударом породил нашу окруженную горами долину. Долину священного города Ван-Елдэр, с его миллионами жителей, широкими проспектами и узкими переулками, кварталами Белого Сословия, лабиринтами подземных уровней и пронзавшими облака двойными башнями кланов Хаоса, на которых растянулись сияющие полотна плетений, денно и ночью извлекающие из мирового ветра драгоценные эссенции — Хаоса и Порядка. Во всяком случае, так учили нас на истории родного города.

«Ван-Елдэр, Ван-Елдэр, ты мечтаний предел, твои башни — святые мосты в небеса... что-то там, что-то там, кто избрал ремесло — почитает закон, а волшебник в ладонях сжимает огонь».

Вот почему, спрашивается, именно сейчас мне в голову лезет эта чушь?

Наверное, дело в том, что меня судят, как избравшего ремесло. Будь я настоящим хаоситом, был бы поединок — и по его итогам решила бы моя судьба. Но я упорно отказывался от принятия великой эссенции, и поэтому все, что со мной можно сделать — судить, поскольку в любом поединке с хаоситом я проиграю.

Достали, если честно, с этой эссенцией! Ройт, не хочешь принять эссенцию? Ройт, когда ты уже примешь эссенцию? Ройт, а твои друзья уже все приняли эссенцию, а некоторые даже две! Ройт, я беспокоюсь за тебя! Ройт, ты так и не будешь принимать эссенцию? Ты боишься? Не хочешь поговорить об этом с наставником Эрдом?

У принявшего эссенцию хаоса наступало состояние, известное как «нигрето», «чёрная ночь души», или, по-простому, гречка. Человек валялся, как труп, при этом его душа переживала некие невероятные испытания, о которых впоследствии никто не мог рассказать ничего конкретного. Продолжительность гречки различалась — от получаса до нескольких месяцев. Многие так и умирали, не выйдя из неё, ещё некоторые становились безумцами. Впрочем, если предки уже в течение нескольких поколений принимали эссенцию, шанс пережить нигрето у детей возрастал экспоненциально — в результате чего, собственно говоря, и возникли великие рода. Среди Айнхейнов последний, эммм, неприятный случай был две с половиной сотни лет назад. У меня больше шансов помереть, подавившись рыбной костью, чем влив в себя эссенцию.

Переживший гречку получал способности и могущество. В силу самой природы хаоса — непредсказуемые способности. Один получал силу испепелять горы, другой — растёгивать взглядом застёжки на одежде. Некоторые утверждали, что каждому даётся наиболее подходящая ему способность.

Как по мне, это чушь. Мой друг Айфур всю жизнь бредил холодным оружием, посвящая тренировкам два часа ежедневно. Первая великая эссенция! Что же это? Нерушимые клинки? Сверхскорость? Супер-сила? Как бы не так! Провалившись шесть дней в гречке, Айфур стал способен безошибочно определять пол у животных, лишь поглядев на них. Любой ветеринар умеет делать то же самое без всяких способностей. Следующего вливания Айфур не пережил.

Я не осуждаю тех, кто проводил недели в нигредо, а потом возвращался, хвалясь новообретёнными способностями, или — не возвращался вовсе. Но мне хотелось понять, чего я стою сам, без дарованных алой жидкостью сил. Во всяком случае, сначала. Потом, когда я включился в борьбу против несправедливостей, которые творят Алые, чистая кровь стала моим оберегом: меня не могли приструнить, вызвав на поединок.

Оглянувшись назад, я нашёл взглядом башню нашего клана. Высочайшая в городе. Сколько раз я клял эту высоту, поднимаясь на свой семьдесят первый этаж. Догадываетесь, что говорили мне подруги, когда я приглашал их к себе домой посмотреть коллекцию метеоритов?

Впрочем, теперь это уже не моя проблема. Что-то мне подсказывает, что после этого суда я уже не вернусь в свои покои.

Я отвернулся и снова посмотрел на Храм. Суд должен был проходить у его подножия — ведь Храм, как предполагалось, сам участвовал в суде — оправдывал невиновных, карал виноватых, наделял силой тех, кто её достоин... ну, и всё прочее в таком роде. Впрочем, я никогда особенно об этом не задумывался. Может, пора?

Мы как раз приблизились к Храму, и я мысленно потянулся к нему: «Эй, Храм, ты слышишь меня?»

Никакого ответа, естественно, не последовало.

Вот и поговорили.

Один за другим Архонты поднялись на платформу по каменным ступеням. Старшие и судьи выстроились полукругом, спиной к шипастой стене. Я медлил занять предназначенное для меня место.

— Ройт, — я услышал голос отца. — Поверь, нам так же не хочется в этом участвовать, как и тебе.

— Ну, так за чем же дело стало, — я раздраженно закатил глаза. — Давайте не будем тогда? Если никто не хочет — расходимся.

Верховный Старший посмотрел на меня тяжёлым взглядом и указал рукой туда, куда я должен был встать — небольшое светлое пятно на чёрном камне.

Я встал на отметину, и мои подошвы нащупали два небольших углубления — вытертые в камне следы от многочисленных стоп. В голове мелькнула мысль, что на этом месте стояли уже, наверное, тысячи обвиняемых. Я представил себе подобного мне бедолагу, стоящего здесь в те дикие времена, когда преступников сжигали, вешали, колесовали и подвергали перед этим жестоким пыткам. Везёт мне, что и говорить. Худшее, что меня может ожидать, учитывая моё происхождение и проступки — это бессрочное изгнание. Впрочем, мы ещё поборемся.

Я глянул на недружелюбно оскалившийся шипами Храм, а после — на лица стоявших передо мной. Знакомые лица: родственники, наставники, друзья и коллеги отца. Осуждения на них было немного — больше недоумения, усталости, печали. Многие сожалели, что мои действия привели меня сюда. Не могу сказать, что я совсем не разделял их чувств.

Верховный Старший медленно заговорил.

— Ройт, сын Вилириана, из рода Айнхейн! Обвинения тебе, пошедшему против воли Хаоса. Первое из них: ты не пожелал встать над Законом, хотя был способен на это. Кара за это: отныне ты склонишься перед Законом, как слабейший. Ты отверг Хаос, и теперь проведёшь жизнь, подчиняясь Порядку. Я, как сильнейший из сильных, назначаю тебе меру наказания: ты, Ройт, сегодня подчинишься суду.

— Ылч Еал Ндону Дуге, — медленно проговорил мой отец.

Право для сильного — закон для слабых. Я слаб, и подлежу суду.

Первая Максима Хаоса произнесена. Хотя я и прочёл вчера, что с этого начинается Алый Суд, мои кулаки сжались сами собой, а перед глазами поднялась красная пелена гнева. Для хаосита нет больше унижения, чем смирить свою волю. Это то, чему меня учили всю жизнь, то, во что я верил — большую часть жизни. Пара лет с друзьями в кварталах Порядка не вытравили из меня алой гордыни. Слова отца провели черту, отделяющую меня от Алых, и это был болезненный удар. Но это суд. И я теперь кое-что знаю о правилах суда Хаоса.

— Отец, я не принимаю твоего отказа. Архонты, я не принимаю вашего права меня судить. Я действовал в своём праве и согласно своему решению.

Отец слабо улыбнулся, но промолчал.

— Что ж, — наклонил голову Верховный, — это хорошо.

Он помолчал немного. Затем посмотрел куда-то поверх моей головы.

— Пусть Керд, уважаемый наставник Алой академии, выйдет вперёд, чтобы предъявить обвинение.

Прекрасно, они вытащили всех, кто имел на меня зуб.

— Почитаемые Старшие! Уважаемые члены суда! Уважаемые собравшиеся! Сегодня мы должны вынести приговор по делу Ройта из рода Айнхейн. Мне особенно горько говорить последнее слово, почитаемые Старшие. Когда член рода, пользующегося заслуженным уважением, совершает проступок, это подрывает основы доверия, на которых зиждется наше государство...

Зиждется на доверии! Я думал, мы, хм, зиждемся на том, что способны испепелить любого, несогласного с нами.

Дальше он долго и страстно плел про то, как я веселился во время учебы, обводя его вокруг пальца. Ну, было дело, что уж там. Я слушал с улыбкой, посмеиваясь, когда он рассказывал про особенно удачные мои проделки. Главные мои преступления уж точно не издевательства над однокурсниками и дерзостное вмешательство в священные обряды. Это он про тот раз, когда мы с друзьями заменили церемониальные флаги с благоприятными надписями на «иные, непристойные крайне». Не думаю, что хоть кто-то из присутствующих верил, что я не отобьюсь от Керда.

— Вы видите, что уже перечисленных проступков достаточно для того, чтобы почитаемые Старшие и уважаемые члены суда хорошо представили себе, с кем мы имеем дело, — продолжал он свое занудство. — Провокатор, наслаждающийся своим мнимым превосходством над другими, пользующийся своим положением, трус, прячущийся за спинами других, когда приходит время платить за свои проступки. В чём причина того, что

он раз за разом уходит от наказания? Единственно, — и тут Керд вздыбился, как змея и ткнул в меня пальцем, — в том, что он принадлежит роду Айнхейн! Не в его силе, не в его уме — единственно лишь в его происхождении! Его не трогают, потому что он принадлежит к древнему роду! Что говорит Четвёртая Максима?

— Сила наследует Силе, — хором ответили Архонты.

— А какова сила Ройта, я спрашиваю? Он умнее? Он сильнее? Он обладает особыми способностями? Он впитал множество эссенций? Нет! Он, Ройт — сын почитаемого Вилириана! Но слабость не должна наследовать силе. Я требую для Ройта бессрочного изгнания!

Керд картинным жестом взмахнул алым рукавом. Затем шагнул на свое место.

Верховный Старший посмотрел на меня с непроницаемым выражением лица.

— Я не принимаю обвинения Керда! — воскликнул я, не дожидаясь вопроса. — Он — наставник Академии и призван следить за всем, что касается учебного процесса, и вся ответственность лежит на нём. Если он не может справиться со своими учениками, он слаб. Если он проиграл мне, он слаб. Я использовал ложь, хитрость и внушение, я делал всё, что хотел, с теми, кто были слабее меня и глупее меня. Я делал всё, что хотел с Кердом и с его слугами. Не Керду обвинять меня в нарушении Четвёртой Максимы, Архонты. Я приму, если меня обвинит Старший Наставник Эрд, который ловил меня и поймал. А тебя, Керд, я и сам могу обвинить в несоответствии седьмой Максиме — Слабый да не возглавляет сильных; и что ты ответишь мне? Но у меня нет желания обвинить Керда, Архонты.

Верховный Старший наклонил голову.

— Старший наставник Эрд, есть ли у тебя желание обвинить Ройта?

— У меня нет такого желания, — ответил Эрд, слегка улыбаясь.

— Тогда, обвинение Керда отклоняется, потому что обвиняемый не принял его.

Я медленно выдохнул. Славный Эрд! Если я выберусь из этой передраги, с меня причитается. И за книжку, и за отказ предъявить обвинения. Хотя, конечно, вряд ли я выберусь.

Алые выходили один за другим. Новые обвинения отбросить было уже сложнее, но я подготовился заранее. Свои проступки я знал как никто здесь: пособничество антихаоситским организациям, участие в стачках и сходках, распространение листовок, составление петиций с абсурдными требованиями в Совет... наверное, не осталось Архонта, которому бы я не наступил на ногу.

Можно скептически смотреть на мои революционные убеждения. С чего это аристократу горячо радеть за каких-то беляков? В глазах Архонтов я выглядел скучающим аристократом, решившим немного позаигрывать с недовольной чернью. Тем хуже для них.

Хаоситы гордятся своими способностями; но пока Архонты оберегают свои бессмысленные традиции, уповая на несокрушимую силу эссенций, прогресс науки Порядка не стоит на месте, и близок час, когда Алым придётся признать это.

И всё же, меня судили судом Алых, поэтому под каждое обвинение притягивались за уши Максимы Хаоса. Например, пособничество антихаоситскому движению — подали как «непонимание природы Силы». Но на Алом суде побеждает тот, у кого лучше подвешен язык, и я срезал Охранительницу Йис, прочитав пламенную речь о могуществе Порядка. Она даже, вроде, призадумалась.

В какой-то момент мне начало казаться, что я выкручусь. Обвинения разваливались одно за другим, Архонты покровительственно усмехались, но снимали их. Отец начал

бросать на меня одобрительные взгляды. Ну, действительно, нельзя же обвинить Алого в чрезмерной хаотичности! Хотя, конечно, они старались.

Поток обвинений иссяк. Архонты переглядывались. Наставник Эрд кивал головой, Старший целитель Хаор улыбался во весь рот. Сейчас Верховный Старший объявит...

— Пусть Ликс из рода Айнхейн выйдет вперёд.

Братец? А ты что здесь делаешь?

— Ликс, желаешь ли ты предъявить обвинение Ройту?

— Да, — выпалил он. — Я обвиняю Ройта в том, что он использовал эссенцию Порядка на мою собаку!

Я понял, что мне крышка.

— Что? Seriously, Ликс, что это за обвинение такое? Это же обычная собака, уймись.

— Она теперь мертва! — Ликс не отступал. — Ты превратил живое в мертвое! Мою собаку!

— Твоя собака не мертва! Она изменилась, но всё такая же живая собака! — я закатил глаза. — Мало того, она стала гораздо лучше!

— Собака обросла неживой материей! Она покрылась каменной коркой и потеряла самое себя! Это больше не живой зверь и не друг!

— Она и не мёртвый зверь, Ликс. А другом она никогда и не была! Злобная зверюга, рычавшая на меня, готовая сожрать! Ну, то есть, какой-то своей частью она окаменела, но по-прежнему ходит и гавкает. А ещё, наконец, слушается меня, как собаке и положено. Нет повода для выступления перед Архонтами.

Я глянул на Архонтов в поисках поддержки. На их лицах было отвращение.

— Знаете ли вы, Ройт, что изменение живого посредством воплощающей эссенции — дело, отвратительное для Хаоса. Вам это было известно, Ройт? — медленно произнёс Верховный Старший.

— Этого нет в Максимах!

Конечно, я знал это. Ликс прикончил меня. Именно это было самым тяжким и непростительным. Изменение живого с помощью эссенции порядка — действие, которое ни разу не обходилось без наказания, будь преступник хоть трижды Алый. Штилева собака! На мой взгляд, моя революционная деятельность, направленная против безраздельного господства Хаоса была в разы важнее какой-то псины. Но эти фанатики...

— Это есть в сердце любого, кто принял Хаос, Ройт. Вы уничтожили хаотическую, живую волю собаки с помощью эссенции Порядка. Это обвинение не может быть отклонено. Согласно закону и совести Ройт, сын Вилириана приговаривается к изгнанию из священного города Ван-Елдэр и владений Гегемонии Хаоса, на пять полных лет с сохранением статуса, полученного при рождении. Приговор суда вступает в силу немедленно.

Не может быть... Я посмотрел на Верховного Старшего, отца, дядю, тётю, мелкого предателя-брата, учителя, родных и знакомых...

— Штиль! Да вы смеетесь что ли, это же не...

Договорить мне не дали. Зрение померкло, и я почувствовал, что моё тело словно бы взрывается изнутри.

Вилириан смотрел на пустое место, где только что стоял его сын. Шоннур, Верховный Старший, положил ему руку на плечо.

— Всё рассчитано, Виль. Сейчас он уже должен быть в пустыне Юклан-нар, в трёх

километрах пути от форта Хытыр-Кымылан. Там живёт мой старый друг, которому я ещё вчера послал сообщение пирографом. Твоего сына сегодня же вечером доставит в форт разъезд, и ближайшие два года он проведёт, отдавая долг жизни в пустынных войсках. Это пойдёт ему на пользу. Ройт славный парень, ему просто не хватает опыта.

— Я знаю, — ответил Вилириан. — Каждый порядочный хаосит должен бросить вызов сложившемуся порядку вещей. Дело не в этом... Что ты видишь на камне?

Шоннур подошёл поближе и прищурился.

Там был медленно тускнеющий, но всё ещё отчётливый рисунок: сложное переплетение алых линий — знак Хаоса.

4. Пустошь

Где-то в пустошах, наверное

Я катался по земле, сбивая огонь с горящей одежды. Лицо, волосы, кожа рук — всё было опалено. Потушив пламя, во всё ещё тлеющей мантии, я вскочил с земли, вдохнул — и в мои обожжённые лёгкие ворвался холодный воздух. Я закашлялся, протирая глаза.

Перед глазами все плыло. Что это такое было? После фразы Шоннура меня словно ударило сорвавшейся с неба звездой: вспышка и тут же полная слепота, хорошо, что временная.

Я снова согнулся в приступе кашля. Нашупал в кармане ветровки горячую фляжку, которая болезненно упиралась мне в ребра. Запасливая Мира сунула ее мне перед началом слушания, а я даже удосужился не глянуть, что там. Я принялся, но не смог уловить запах: вроде — не алкоголь.

Настой на травах, сладкий. Я мысленно поблагодарил Миру и сделал пару глотков. Так-то лучше. Я огляделся — для начала было бы неплохо понять, где я.

Я стоял на каком-то камне — скале, в паре метров от меня догорал высохший лишайник — очевидно, последствия моего появления здесь. Голова внезапно закружилась, и я снова сел на камень.

Надо было привести в порядок себя, и поскорее.

Я сделал несколько ритмичных вдохов и выдохов, закрыв глаза.

«...на пять лет с сохранением статуса, полученного при рождении. Приговор вступает в силу немедленно», — вспомнил я последнюю фразу Шоннура.

Мной прожгли пространство. Перенесли, забросив ветра знают куда. Я изгнанник. На пять лет.

Вдох, выдох. Меня колотила странная дрожь: как если бы все частицы моего тела немного сместились друг относительно друга, и теперь пытались вернуться на свои места. Я выпрямился, положил руки на колени и спокойно ждал, не открывая глаз, когда моё тело придёт в порядок. Меня никогда раньше не переносили — но я знал о таких способностях некоторых Алых. Значит, вот как оно ощущается!

Я начал построение сферы спокойствия. В ямке между ключицами — основа здоровья, в животе — основа действия, в груди — основа самого себя. С медленным вдохом я сплетал три основы, с выдохом — расширял сферу. Скоро она накрыла меня, как купол, и дрожь начала медленно отступать. Я почувствовал знакомое тепло, расходящееся из сердца.

Алый, практикующий методы Белых! Искренне говоря, я начал изучать эти методы лишь потому, что сама идея учиться у Белых была немислимой для хаосита. Однако, приёмы дыхания и сосредоточения, которые преподавал мне старик Анекар, неожиданно пришлось мне по душе.

— Кто ты, Ройт Айнхейн? — я будто снова слышал его спокойный, хриловатый голос. — Кем ты будешь, если исчезнут Великие семьи и Ван-Елдэр, Алые и Белые, люди, животные, земля и море, да и сам мир Небесного ветра растворится в пустоте? Как ты себя позовёшь, если забудешь все слова и все звуки? Найди ответ, и ты найдёшь своё бессмертие.

Я сломал голову в поисках ответа на этот вопрос, а старик лишь мягко улыбался, когда я спрашивал его — кто ты такой, Анекар?

Ну, что ж. Вот, исчезли семьи и Ван-Елдэр, Алые и Белые. И кто теперь я?

Я — это я. Я храбр и умён, хитёр и изобретателен. Я силён, вынослив, молод, здоров. Я нашёл себе друзей среди тех, кто ненавидит таких, как я. Я быстро учусь, пытлив.

Я ухмыльнулся и открыл глаза. Теперь я изгнанник, но это по-прежнему я.

Под моими ногами находился длинный каменный уступ, поросший мхом и лишайником. Он нависал над живописной равниной — пологие холмы, покрытые густым хвойным лесом, и поблескивающие здесь и там озёра. Такой пейзаж простирался, куда хватало глаз.

Обернувшись, я увидел горный хребет. Его можно было бы назвать величественным, если бы так не описывали пейзажи моих родных мест. Я-то думал, что привык к виду гор — в конце концов, каждый день я мог любоваться видом горного кольца Тегершул вокруг Ван-Елдера. Однако, наблюдаемые мною сейчас громадины были, наверное, вдесятеро выше самых высоких пиков Тегершул. Я и представить не мог себе такие масштабы. Четырехсотметровая башня Айнхейн выглядела бы рядом с ними, как декоративная собачка рядом с боевым конём. Острые вершины, покрытые сверкающим снегом, словно бы разрезали само небо, и мне казалось, что я даже вижу тёмные царпины, которые они оставляют на нём.

От этого вида у меня закружилась голова, и я опустил взгляд.

Ниже гряды исполинских пиков, ниже их меньших собратьев — чёрно-серых гор, у которых заснеженными были только вершины. С обломанных скал словно бы текли полноводные реки, но реки эти были каменными. Ближе ко мне, чёрные камни словно бы зеленели, порастая мхом; среди этих рек островами поднимались обломки скал, покрытых мелким кустарником; на некоторых я заметил даже сосны. Поток камней, сошедший с этих гор тысячелетия назад, застыл в неподвижности.

Во всяком случае, я на это рассчитывал. Если вся масса камней решит сдвинуться вниз ещё на пару десятков метров, от меня мало что останется, хоть я буду трижды уверен в себе и своей глубинной сути.

Я стоял, очевидно, на одном из таких островов — последней глыбе в ряду принесённых каменной рекой. Не так плохо для места приземления — я ведь мог попасть в болото или реку.

«Река не дала бы тебе обгореть» — возразил я сам себе, просто от нечего делать.

Подойдя к краю уступа, я глянул вниз. До вершин елей было метров десять, а летать я пока что не умел. Лес внизу темнел и выглядел не слишком дружелюбным. Признаков человеческого жилья тоже не наблюдалось.

Тем не менее, лес казался мне более подходящим местом для выживания, нежели горы.

Выживание. Штиль! Я снова сел на уступ, свесив ноги с его края, прислонился спиной к нагретому солнцем замшелому валуну и уставился в панораму перед собой. Пора было признать очевидное: я в пустошах.

Я сослан в дикие земли, как и многие изгнанники до меня. Обширные регионы к северу от Гегемонии Хаоса были тем местом, куда столетиями отправляли провинившихся серых, Алых, не ужившихся в Ван-Елдере, взбунтовавшихся данников, банкротов и многих, многих других.

Они уходили туда, сжимая зубы от негодования, потрясая кулаками, обещая вернуться... и не возвращались. Алые не любили отнимать жизнь. Обычно они предпочитали, чтобы за них это делали другие.

Что я знаю о пустошах? Там властвуют непокоренные ветра. Там нет печатей и

мастеров, что их чертят. Там не собирают эссенций, нет науки и искусства. Ветра свободно гуляют по неосвоенным землям, и до них нет дела никому. Там царят дикость и беззаконие.

Не там. Здесь. Теперь для меня это называется «здесь».

И всё же, получалось, что я не знаю о пустошах почти ничего, не считая тех сведений, что я почерпнул из приключенческих романов, авторы которых даже не пытались как-то соответствовать действительности в своих текстах, поскольку сами наверняка никогда не бывали в этих местах. Сюда бы Ликса, который с детства бредил дикой природой, хотел стать натуралистом и изучать животных.

Вспомнив услужившего мне братца, я скривился. На Ликса я злился, хотя и не без чувства собственной вины. На суде Ликс подвел меня круто. С другой стороны, я и сам был хорош. С третьей стороны, откуда было мне знать? Штиль да покарает всех Алых, что сослали меня сюда из-за этого недоразумения!

Проклиная суд и всех причастных, я все же принял решение спуститься к лесу.

Спрыгнуть с этого каменного языка я не мог, и решил обходить его и слезать, цепляясь за камни, пока не доберусь до земли. Справа склон показался мне более пологим, и я начал медленный спуск. Солнце было практически в зените, и я надеялся до темноты добраться куда-нибудь. План был не очень продуманный, впрочем, сидеть на скале в ожидании каких-то событий точно не имело смысла.

Спуск оказался проще, чем мне виделось сверху. Я довольно ловко перешагивал с камня на камень, предварительно проверяя их на устойчивость.

Половина пути была уже позади, когда я пошевелил носком ботинка очередной камень на своем пути. Он легко поддался, покатился вниз, а под ним обнаружилось гнездо с тремя взъерошенными птенцами с темно-зеленым оперением и такой же кожей, подстать поросшим мхом камням. Птенцы уставились на меня подернутыми бледно-голубой пеленой невидящими глазами, разом открыли рты и заголосили.

На этом мое никем не обнаруженное присутствие в полных монстров и злодеев пустошах официально завершилось. Я начал осторожно обходить гнездо, как вдруг затылком почувствовал приближение опасности и инстинктивно пригнулся. Прямо над моей головой пролетела птица — вероятно, мать, спешащая на помощь своему потомству. Пока она, растерявшись от первого промаха, наворачивала круги над моей головой, я успел её разглядеть: такая же темно-зеленая, как и птенцы, каждое крыло — примерно в полметра длиной. У неё были вытаращенные глаза-бельма, когтистые лапы с растопыренными когтями... и отдельным, особенно длинным когтем-крючком, что торчал примерно из-под ее зоба.

Она им, что ли, камни ворочает?» — догадка, пожалуй, была верная, вот только пользы от неё мне было никакой.

Птенцы снова зашлись криком, мать ответила им воинственным визгом, развернулась в полете и устремилась ко мне. Я метнулся прочь, уже не пытаясь выяснить, какой камень под ногами надёжен.

Штиль! Птица прицелилась точнее, и первый же удар клювом пришелся на мою макушку, а мерзкий коготь оцарапал шею. Я взвыл и замахал руками, пытаюсь отогнать разъярённую тварь, но она, наконец уверившись в том, что я её смертельный враг, зависла надо мной, хлопая крыльями, и принялась слепо долбить клювом то по воздуху, то по моим рукам. Прикрывая голову, я ринулся вниз по склону, рискуя сломать себе ноги. Ноги я не сломал, но ещё один покотившийся камень вскрыл другое гнездо с вопящими птенцами.

Вторая птица не заставила себя долго ждать. Ей было проще найти меня — шум от моих скачек по камням и крики ее соплеменницы служили отличным сигналом. Я попытался отбиться, запустив в одну из них камнем, но промахнулся. Оставалось снова бежать.

До спасительной (как я надеялся) полосы леса оставалось всего метров десять, как сразу два подряд камня на моем пути оказались скрытыми гнездами. Краем глаза я заметил несущуюся ко мне уже, практически, стаю — целых пять тварей. Вероятно, к матерям подоспели еще и отцы. Раздумывать времени не было. Выбросив руку вперед, я ухватил за ногу самую наглую из птиц — ту, что уже зависла перед моим лицом, вытягивая шею и хлопая крыльями, и, размахнувшись, двинул ею о ближайший камень, надеясь, если не убить, то хотя бы оглушить. Что-то из этого точно вышло — тварь замолчала, вытянулась и словно бы заоченела. Отлично! Я быстро развернулся и ударил ею по второй, как раз нацелившейся на мой затылок. Та отлетела, перевернулась и опять ринулась в бой, но снова была откинута моей новой битой. Неплохо. Я рассмеялся и перехватил одеревеневшую тварюгу поудобнее. Не зря я был одной из лучших ракеток академии!

Бамс-бамс-бамс! Первый из пятерки — очевидно самец — крупнее, с почти черным оперением, достиг меня, но был тут же отброшен назад. Вслед за ним отправилась его подруга, сбившая по пути соседку. Второй самец метнулся вперед, растопырив когти, и чуть не выцарапал мне глаза. Шаг назад, новый замах — он тоже летит прочь, кувыряясь, и врезается в камни. Аут! Нет, птиц оказался стойким бойцом и, встряхнувшись, устремился ко мне, явно требуя реванша. Остальные не отставали.

Через минуту я уже крутился на месте, раз за разом посылая разъяренных тварей в неконтролируемый ими полет. Ор стоял немислимый. Если в лесу были какие-то хищники, они, наверняка все попрятались, оберегая свои уши. Ну, или уже со всех ног спешат присоединиться к развернувшемуся веселью. Но у меня не было времени думать ещё и о них. Птица оказалась куда тяжелее ракетки, мое дыхание давно сбилось, я оступался на мшистых камнях, рискуя все время сорваться. Птицы оказались неутомимыми, я — нет. Надо было уходить. Я продолжал отступать к лесу.

Прижавшись спиной к переплетению густых еловых ветвей, я погрозил птицам их заоченелой подружкой. Их напор ослаб, сейчас они большей частью только орали, но к деревьям лететь не спешили. Интуиция меня не подвела. Может, они боялись оставлять своих детенышей без присмотра, а может быть, в лесу водился кто-то пострашнее этих крылатых гадов. Вдруг птица, которую я держал в руках, раскрыла глаза, истошно заорала и клюнула меня в запястье. От неожиданности я разжал руки, и невероятно живучая тварь тут же взмыла в воздух.

Я присел, раздвинул колючие ветки и пролез в спасительную, как я надеялся, тень. Несомненно, это был доблестный бой, Ройт из рода Айнхейн! Один против птичьей армии. М-м, птичьего отряда. И главный вопрос: что же нужно сделать с такой птичкой, чтобы она, наконец, подохла? Избивать монстров монстрами — новый приём, безусловно, но, вроде, не особенно эффективный.

Этот ельник разительно отличался от величественных дубрав на картинах Анро и Рессама. Нижние ветви крон переплетались над моей головой так плотно, что я счёл за лучшее перемещаться сейчас ползком. Землю устилал сырой слой опавших иголок. Я постоянно оборачивался — мне чудилось, что меня преследует очередная хищная тварь. Через десяток метров я остановился, запыхавшись, извозившись в смоле и грязи, исколовшись об ветки, разбив коленку о твёрдый корень и набрав в рукава и за шиворот

полные пригоршни сухих иголок. Погони слышно не было. Вообще ничего не было слышно, кроме шороха расправляющихся после моего прорыва ветвей.

Я перевернулся на спину, выдохнул и помянул нечестивые законы.

Наверное, я был несправедлив к бедным птицам, называя их монстрами — ну да, они не самые симпатичные зверюшки под небом, но ведь это я был тем, кто побеспокоил их в первую очередь. Легендарные чудовища пустошей, согласно рассказам, охотятся на людей, как на дичь — подстерегая их в тёмных лесах, на бесплодных равнинах, под покровом ночи проникая в поселения. Эти же птицы, полагаю, не жаждали моей крови. Наверное, они питались всякими жуками да мокрицами.

Мне тоже не помешало бы поесть — как раз подошло время обеда.

Я отогнал неуместную мысль.

Итак, Ройт, ты хотел спуститься с утёса — ты спустился. Теперь ты в лесу. Куда двигаться? И, главное, как долго?

Вспоминая открывавшуюся мне с утёса картину, я попытался представить, где же может находиться одно из озёр, но понял, что не имею ни малейшего представления. И да, до самого горизонта не было видно ни единого строения, ни одной поляны. Что ж. Бесконечный ельник. Прекрасно. Вероятно, скоро я обживусь здесь, научусь питаться сырыми грибами, спать под корнями и ловить зубами кротов. Одежда, конечно, скоро обдерётся, но я наверняка зарасту диким волосом. И вернусь домой через пять лет, полный величия и блох.

Я застонал от бессилия. Мерзкие иголки кололи в самых неудобных местах, а мой природный оптимизм давал всё более широкую трещину. Почему-то я полагал, что пустоши населены несколько гуще. Мне казалось, что самое страшное — столкнуться с бандитами, которые захотят меня поработить или убить, но я рассчитывал на свою удачу, хитроумие и хорошо подвешенный язык. Однако, бандитов поблизости не наблюдалось, и мне, судя по всему, грозила банальная смерть от обезвоживания, диких зверей или холода.

Я попытался вспомнить, что когда-то читал или слышал о выживании в лесу. Сведения были крайне скудны: мох находится на севере, хищники боятся огня, надо идти вниз по течению реки. Мха хватало — очевидно, я был на севере. Огня у меня не было, реки поблизости тоже не наблюдалось. Было еще что-то про поиск воды и даже какой-то способ извлечения ее из стволов деревьев, но я при всем желании не мог вспомнить ни единой подробности. Керд и его сторонники сейчас бы отлично поглумились надо мной, конечно.

Что у меня есть с собой? Я обшарил карманы, хотя уже знал, что найду там. Полупустая фляжка с настоем, кошелек с парой банкнот, карманный блокнот с наметками оправдательных речей, коротенький карандаш — все бесполезно! Я сделал ещё пару глотков из фляжки. В горле пересохло после драки.

Почему, спрашивается, мне было не надеть под мантию хотя бы егерский наряд? Почему я не взял пистолет, верёвку, нож, зажигалку... Наверное, я всё-таки до конца не верил в то, что меня сошлют. Или, что это произойдёт так стремительно.

И главное — почему я, дурная голова, потушил горящий лишайник? Я мог бы сделать импровизированный факел из обрывков мантии и пары веток. Наверняка!

Болван ты, Ройт Айнхейн.

Однако что толку жалеть о прошлом? Так можно было дожалеться до эры Основания — дескать, если бы Двойная Мать не солгала о своих детях, мы все были бы бессмертны. Я не мог изменить события этого утра так же, как не мог изменить события тысячелетней

давности. Так что приходилось играть теми картами, которые оказались на руках.
Я встал и начал пробираться сквозь лес, раздвигая ветки.

5. Ногач

В каком-то непролазном лесу в пустошах

Наверное, прошёл час. Или два. Или три. Я не видел, высоко ли еще солнце — я вообще не особо-то мог что-то разглядеть из-за постоянно лезущих в лицо веток. Возможно, я ходил кругами. Пот, смешанный с грязью, стекал по моему выпачканному смолой лицу. Я бессчётное количество раз ударился всеми возможными частями тела о корни, ветви и стволы. Кажется, я вошел в какое-то дурное состояние транса, потому что, несмотря на то, что совершенно обессилел, остановиться уже не мог. Я был движим единственной идеей. Идеей двигаться. Надо было идти, и я шёл. Порой я опускался на четвереньки и проползал под ветвями деревьев, порой перебирался через поваленный ствол ели, оскальзываясь на коре. Я двигался, игнорируя боль и усталость. Куда невыносимее их была мысль о том, что через какое-то время силы неизбежно покинут меня, и мне придётся остановиться. Это будет означать проигрыш — я не вышел никуда, не нашел людей, воду, открытое место, ничего вообще. Я проиграл в суде, я проиграл птицам, проиграл лесу, и останусь здесь под очередной равнодушной ко всему елкой и сгнию. Пропаду в первый же день собственного изгнания.

Внезапно под ногами захлюпало, и туфля провалилась в воду.

Я схватился за ствол ближайшего дерева, протёр глаза и увидел, что стою в маленьком ручейке, журчавшем между корней. В старинных балладах часто говорилось о том, что кто-то напился из ручья. И никогда я не слышал, чтобы после этого умирали. Вероятно, опасности сырой воды несколько преувеличены.

Что до приключенческих романов, то там герои, по-моему, вообще никогда не пили безалкогольных напитков.

Подозрительно посмотрев на воду, я, как мог, отмыл в ней руки от смолы и напился, черпая воду ладонями. Затем начал пробираться вдоль ручья — куда-то он же должен меня привести. Ручьи, как известно, впадают в реки, а реки — в моря.

Вскоре ручей привёл меня к какой-то дыре между корнями поваленного дерева, в которой он с журчанием исчезал. Очередной совет показал свою бесполезность. Пожав плечами, я уселся на землю, аккуратно, стараясь не зацепить песок, набрал воды во фляжку и снова вдоволь напился. У воды был странный земляной привкус — вроде как у очень дорогого чая из Кутха.

Подышал, поворачивая руками и ногами, восстанавливая чувствительность. Ну и насажал же я себе синяков, наверное. Впрочем, хорошо ещё, что я в запале не налетел глазом на сучок. Куда я так гнал, спрашивается? Может быть, я двадцать таких ручейков по дороге пропустил.

Немного передохнув, я двинулся дальше. Куда-то. Через какое-то время поймал себя на том, что насвистываю, и даже с интересом разглядываю встречающиеся по дороге валуны и коряги. Мне даже начало здесь нравиться — тихо, свежо, солнечно. Стоп. Только произнеся про себя эту мысль, я осознал, что это значит. Лес поредел! И правда, дело было не в моем неожиданно приобретенном умении безболезненно продираться сквозь чащу — деревьев вокруг было немало, но стояли они все же не непролазной стеной, как раньше, а отдельно друг от друга. Я спокойно шёл между ними, и ветки не лезли мне в глаза. Глянул наверх: действительно. Это были вроде как тоже ели, но гораздо выше и в несколько раз толще; а их

нижние ветви начинались выше моего роста. Между елей, на мшистых кочках росли кустики с какими-то подозрительными чёрными ягодами. Я никогда не видел таких ягод и решил для себя, что они наверняка ядовиты.

Впрочем, мне вскоре уже было не до размышлений о природе вещей, потому что впереди через несколько десятков алдов я заметил отблеск. Я прибавил шаг, и вот уже взгляду открылось милейшее лесное озеро. Никогда не считал себя романтиком, но в этот раз возглас восхищения сам собою вырвался у меня из груди. Зеркальная гладь, отраженное в ней солнце, склоненные к воде еловые лапы... Моя ссылка не так уж плоха, если в ней встречаются такие красоты!

Мысль о том, чтобы окунуть свое израненное, вспотевшее тело в прохладную воду была столь притягательна, что я не раздумывал ни секунды. Даже если там водятся самые жуткие подводные твари мира, я умру хотя бы чистым.

Однако, заплывать на глубину я, все же, не рискнул. Мне хватило и окунания у самого бережка. Точнее, я просто рухнул всем телом прямо в илистое дно, подняв мутную волну взвеси — то ли торфа с водорослями, то ли чего-то в этом роде. Волна блаженства тут же накрыла меня с головой — вода оказалась ровно такой, как мне хотелось — холодной, освежающей, обжигающей, совершенно точно — целебной.

«Вот теперь на мне и пылинки от прежней жизни нет,» — злорадно думал я, погружаясь в довольно-таки мутные воды с головой.

Какое наслаждение!

Впрочем, долго это не продлилось. Остудив себя и оттерев песком грязь, я понял, что слишком усердствовать, все же, не хочется. Солнце клонилось к закату, в голове появились смутные мысли насчет костра... которого, конечно, я развести не мог. Немного почистив свою несчастную одежду, я прилёг на мягкий мох — с целью немного поразмыслить о своих дальнейших действиях. Наверное, мне нужен огонь? Или сперва шалаш от дождя? Как, всё-таки, досадно, что я не курю. Была бы у меня сейчас зажигалка — был у меня и жаркий костерок, и возможность постирать и высушить одежду. Если бы у меня было бы ещё мыло. Я начал мысленно собирать в своём уме вещи, которые бы точно взял с собой, если бы знал, куда меня закинут...

Разбудил меня какой-то звук. Он ворвался извне, совершенно точно, потому что в моем сознании не было никаких звуков — черный провал сна. Никаких сновидений, даже намек на них. Не люблю такое — будто ты что-то потерял, выпал из жизни, что ли. Так бывает, когда спишь слишком крепко. Тело ломило, голова была каменная. Вероятно, я опять заснул в кресле посреди дня, и...

Я открыл глаза и поднял голову.

Вокруг меня была густая, холодная ночная тьма, лишь озеро блестело в неярких красноватых лучах Якшар, выглядывавшей из-за редких облаков. Я физически почувствовал, как извилины в моей голове со скрипом зашевелились. А следом за ними — и мои волосы. Вечный штиль меня накрой, Архонты сослали меня ветра знает куда! Я в лесу! Вся сонливость испарилась в тот же миг. Я вспомнил, где я и кто я. Точнее, что я теперь никто и непонятно где. Я вырубился сразу после купания, прямо на берег озера, не найдя никакого убежища. А теперь... меня что-то разбудило.

Грудь сдавил непонятный страх. Якшар вышла из-за туч, и осветила темные ели, дикий, жуткий темный лес. Вечный штиль! Я лежу в ночном лесу, проснувшись от резкого звука, который даже не мог вспомнить. Помнил только, что он был.

Скрип повторился, и я замер, стараясь не выдать себя ни одним движением. Я даже дышать перестал.

Тихо. Ветер слегка шевелил ветви на верхушках деревьев, в озере плеснула рыбёшка. Я слышал прерывистый стук собственного сердца. Осторожно выдохнул. Тишина. Наверное, это скрипело какое-то накренившееся дерево в лесу.

Я уставился в чистое звёздное небо. Якшар медленно плыла по сверкающему драгоценному морю. Мать говорила, что нельзя смотреть на неё двумя глазами сразу, когда она в зените: Якшар может подумать, что ты просишь о безумии и наградить тебя им. Я суеверно прикрыл левый глаз. Потом, рассмеявшись, открыл оба: детские сказки. И снова прикрыл левый глаз: детские сказки, конечно, но я уже пережил достаточно, чтобы лишний раз рисковать рассудком.

И услышал совсем близко резкий щелчок. Такие щелчки издавал разошедшийся шкаф в моей гостиной.

Я испуганно вскочил и огляделся.

У самой кромки воды стояла человеческая фигура. Якшар снова скрылась за тучами, и я не мог разглядеть, кто именно там стоит. На всякий случай я решил заговорить первым.

— Вечер добрый!

Молчание. Затем послышался новый щелчок, и ещё один. Под аккомпанемент сухих щелчков фигура двинулась по направлению ко мне. Я начал медленно отходить.

— Эй? — снова спросил я. — Вы меня слышите?

Но в этот момент Якшар вышла из-за туч, и ярко осветила всю картину зловещим красным светом.

У берега стояло нечто... я затрудняюсь это описать. Какая-то мешанина из звериных шкур, принявшая форму человека? Вместо головы был мёртвый, изуродованный бобёр — я понял это по торчащим зубам. Тело — наверное, медвежья шкура. Правая и левая руки — одна мёртвая тушка лисы, другое... вероятно, волк? Фауна и монстрология северных пустошей во всей красе. Из распяленных пастей волка и лисы торчали совершенно человеческие кисти рук. Пальцы на одной из них пошевелились, затем монстр поднял руку-лису и вроде как бы почесал голову-бобра. Затем медленно направился ко мне.

Он вышел из кустов, и Якшар осветила деревянные ноги монстра. Совершенно как человеческие, но деревянные. На шарнирах. Они скрипели при ходьбе.

Наверное, увидев такое, мне надлежало убежать с криком в лес или сесть на землю, обхватив голову руками, и раскачиваться. Но я не мог. Такая штилева дичь была слишком страшной, чтобы её бояться. Я нервно хихикнул. Ситуация была слишком абсурдна, чтобы паниковать по-настоящему.

— Хей, ты шкурник? А? Как тебя звать? Боброголов? Медветел? — меня охватила истерика. — Ногун? Ножич? Чего тебе надо от меня?

Штуковина заковыляла по направлению ко мне быстрее. Я отбежал.

— Какого штиля тебе надо? Ты говорить умеешь? А? Ногач-шкурник?

«Это» издало серию щелчков, и внезапно присело. Затем ноги «ногача» распрямились с треском, и он прыгнул по направлению ко мне, растопырив свои странные руки.

Я с трудом отскочил, и, сохраняя расстояние, заплясал по берегу.

— Не догонишь!

Монстр повернулся ко мне и снова присел.

— Ногач руколисий!

Я увернулся от ещё нескольких прыжков. Мне начало казаться, что я играю в догонялки с неуклюжим взрослым. Мы скакали по поляне, и я непрерывно выкрикивал дразнилки, войдя в раж.

Страха не было. Ногач прыгал и даже бегал, но не очень хорошо. Его не составляло труда обмануть, или обогнать. Пока что.

Тут я запнулся о корень и упал на бок. Ногач подскочил ко мне, присел, гулко ухнул и схватил меня за ноги твёрдыми деревянными пальцами.

— Я в домике! — заорал я мёртвой бобриной голове, складывая руки крестом перед грудью.

И он остановился. Разочарованно взмахнув лисой и волком, он начал ходить туда-сюда по поляне. Затем застыл столбом.

Я, продолжая удерживать руки перед грудью и уповая на один лишь этот защитный жест, перекатился на колени и встал на ноги. Осторожно подошёл к Ногачу. В голове билась только одна мысль: «он схватил меня за ноги, чтобы... что»?!. У этого парня только ноги были деревянными, а все остальное в мертвых кусках плоти — лучше не будем думать о том, зачем ему мои ноги.

Ногач застыл, медленно, со скрипом вращая головой. Вблизи он оказался не таким большим — примерно, мне по плечо. От шкур тошнотворно несло мертвечиной. Хорошо, может быть, всё же, не стоило смотреть двумя глазами на Якшар.

Я присел, разглядывая его нижние конечности. Деревянные суставы, круглые сочленения. Где-то я уже видел такие ноги, но где? Ну точно! Это же один в один портновский манекен из того магазина, где я недавно заказывал одежду! Сложный, полноразмерный манекен с подвижными руками и ногами, который меня так восхитил! Какая ирония: сегодня он меня тоже восхитил, пожалуй. Если не сказать больше.

Я привстал. Значит, под этими тушами скрывается полностью деревянное тело. Очевидно, это оживлённый. Воздействие великой эссенции хаоса в некоторых случаях дает жизнь ранее неживым предметам — например, если пролить эссенцию на стул, может случиться так, что стул начнёт скакать по комнате. Кутхские мастера создавали одушевлённых големов и какими-то хитрыми способами приручали их. Но кому могло понадобиться в этих пустошах вливать эссенцию в манекен? Я знал, что, скажем, живое оружие — столько же своенравно, сколь и могущественно. Оно может даже обратиться против своего собственного хозяина.

Однако, манекен — не оружие, это вещь, созданная, чтобы служить людям. Оживление не может сделать его агрессивным. Но зачем тогда на нем эти трупы? Зачем он ловит меня?

— Братишка, ты же, наверное, одеться хочешь? — осенило меня.

Изнутри мёртвого бобра послышался тоскливый скрип.

— погоди, не лови меня. Стоп игра. Я тебе штаны дам. Хорошо? Стоп игра.

Монстр издал очередной скрип. Согласие? Я, конечно, не кутхский погонщик големов, но в конце концов, чего мне терять, кроме собственных штанов — или собственной жизни, если я неверно понял его желания. Впрочем, моя жизнь сейчас выглядела так же незавидно, как и штаны.

На всякий случай отойдя на десяток шагов, я быстро стянул с себя штаны. Однако, не жарко. Монстр — ну, скорее, уже манекен — скрипя суставами, подошёл ко мне и медленно протянул просительным жестом ко мне деревянную ладонь.

Я вложил в неё грязную, драную и измазанную смолой деталь моего парадного

облачения.

Он аккуратно расправил их и бережно надел. И застыл в позе манекена, выставив одну ногу вперед и упираясь рукой в бок. Гордый, сильный, ужасающий. Но, кажется, более не опасный для меня.

Я усмехнулся. Видели бы сейчас Ройта Айнхена Великие Архонты: посреди леса, без штанов, зато в компании живого манекена, одетого в трупы мёртвых животных. Жаль, что рассказать обо всем этом мне вряд ли удастся. Если в пустошах нападения непонятных тварей случаются с такой же периодичностью, как в мой первый день, долго я не протяну. Прочь дурацкие мысли, Ройт!

Я сел, натянув на колени куртку. Якшар начала заходить за край леса, но небо, кажется, уже светлело. Видимо, я проспал всю ночь — и неудивительно: последнюю пару дней мне едва ли удавалось выспаться. Манекен стоял, покачиваясь и пощёлкивая.

Я старался всё время держать в поле зрения моего нового знакомого. Но тот, похоже, потерял ко мне всякий интерес. Признаться, было даже несколько обидно. Я ведь ему буквально последние штаны отдал.

Однако, выходило, что где-то в обозримой близости здесь есть поселение, рассудил я здраво. Ведь этот деревянный пришел откуда-то, а не самозародился из пня. Конечно, теоретически оживлённый мог шататься по лесу годами, ведь вода и пища ему не нужны, но туши на нем были относительно свежие.

— Эй, Ногач! — новое имя присвоилось как-то само собой. — А ты сам откуда?

В ответ до меня донёлся скрип.

— Ты пришел сюда сам?

Полагаю, это был утвердительный скрип? Кррр-ццц — означает "Да?" Или, быть может, это вводное слово? Попробуйте понять своего соседа, если он изъясняет свои мысли, раскачиваясь на скрипучем стуле. Хаос, просвети мой ум.

— Там, откуда ты пришел, много таких же, как ты?

Непонимание.

— Как я?

Похоже, что так.

— Слушай, а почему ты от них убежал, приятель?

— Цц, — Цак-цак, скр-скрррр, цак! Скррры! Цак, цак-ццц! Кррр — Цак!

Наверняка увлекательная история!

— Ты знаешь, как туда идти?

Не понял вопроса. Или не хочет идти?

— Ты меня нашел?

Непонятно.

— Найдешь таких же, как я?

— Скрыррлы!

Найдет! Клянусь Высоким Солнцем, я начинал понимать его! Он как-то чувствовал людей — или, может быть, их одежду? Неважно! Важно, что он знал, как найти таких же. Вот это удача!

— Слушай, Ногач, давай ты доведёшь меня до людей, а я найду для тебя одежду?

Манекен скуксился, покачал головой, посмотрел на меня мёртвым бобром и махнул рукой. Потом встал и потопал прочь. Я вскочил, запутавшись в куртке, и поспешил за ним — поминая вечный штиль всякий раз, когда мои голые ноги оказывались в очередном росистом

кусте.

Долгими уговорами я убедил Ногача снять с себя эти несчастные туши; когда он их себя содрал, под ними оказалось, действительно, деревянное тело манекена. Правда, в дерево намертво въелась звериная кровь, так что выглядел он жутковато: туловище и руки были покрыты бурыми потёками, а деревянные пустые глазницы Ногача словно плакали кровавыми слезами. Несмотря на столь устрашающий вид и запах мертвечины, оживлённый манекен вёл себя, как десятилетний мальчишка — бегал взад вперёд, носился вокруг меня, что-то рассказывал на своём щёлкающем и скрежещущем наречии. Я вежливо кивал и отвечал ему «да-да, дружок». Мне уже казалось, что я начинаю его понимать. Впрочем, хоть какой компаньон!

Лес здесь был довольно редким, и перемежался уютными лужайками; мои озябшие ноги радовались каждому лучу поднимающегося солнца. Тропинка, которой мы придерживались уже около получаса, постепенно превратилась в хорошо утоптанную дорожку, и вскоре впереди послышались голоса. Я тут же воспрял духом. Манекен действительно вывел меня к людям!

Я прибавил шагу, и за очередным поворотом мы наткнулись на занятную картину: двое бандитского вида мужиков с двух сторон подпирали светловолосого паренька.

Несмотря на уверенность Архонтов в том, что я беспробудно шляюсь по самым злочным районам Ван-Елдэра и постоянно влипаю в неприятности, реальность несколько отличалась — мои вылазки скорее развили во мне умение не влипать в неприятности, чем искать их на свою голову. И поэтому я смог легко оценить ситуацию: мой деревянный проводник вывел меня напрямиком к местным разборкам.

Было понятно, что парня сперва лишат кошелька, а потом изобьют. Возможно, кошелька его уже лишили, и теперь на радостях собираются почесать о него кулаки. Дело, конечно, не моё...

— Приветствую! — радостно объявил я; возможно, Архонты были не так уж неправы насчет того, что я часто влипаю в неприятности.

Троица предсказуемо дернулась, услышав мой бодрый голос. При этом лица перекошились почему-то у всех троих сразу. Смотрели они удивлённо — похоже, даже в этих диких краях люди без штанов встречались нечасто. Равно как и одетые в штаны окровавленные деревянные манекены. Повисло молчание, благодаря которому я успел оценить своих первых знакомых в пустошах. Один из мужиков был лысый, безбородый, с мясистым лицом; второй напротив, был черноволосый, бородатый и узколицый, но оба они, как на первый, так и на второй взгляд имели вид самый бандитский, и я сомневался, что они захотят оказать мне какую-то помощь и поддержку, разве что наоборот — избавят от остатков моего скудного имущества. Паренек подавал гораздо большие надежды. Я прикинул, что после счастливого спасения от обидчиков у него может возникнуть желание отблагодарить меня словом и делом, а я, конечно же, не стану отказываться. Впрочем, сперва бедолагу необходимо было ещё спасти. Ну, Ройт, нужна очередная великолепная импровизация!

Лысый сплюнул в мою сторону через дырку в передних зубах, и толкнул паренька ещё разок:

— Что, Золто, дружок твой, а? — с издёвкой протянул он.

— Да я его первый раз вижу, — ответствовал этот честный парень.

— А что тогда тебя этот голожопый приветствует? — гыгыкнул лысый.

Я решил вмешаться в беседу.

— Это правда — я всех вас первый раз вижу, господи! Я не из этих мест и ни с кем пока не знаком.

— Слушай, артист, — бросил мне щербатый — пошёл быстро отсюда!

— погоди, — вмешался бородатый. — Живуля, а?

Лысый ослабилась, явив чёрные гнилые зубы.

— Слушай, Сайбар, — почти моляще начал парень, хватаясь за рукав черноволосого — я, правда, не...

Сайбар отмахнулся от него, а лысый дал ему подзатыльник. Затем лысый направился ко мне, держа руку на рукояти поясного ножа.

— Никого не знаешь, да? А деревянного болвана в лесу нашёл? Он твой — или ты его?

— Здоровенная живуля какая! — одобрительно проговорил бородатый, которого я как-то сразу определил как главу этой маленькой, но опасной преступной группировки. — Это он с тебя штаны снял? А что после того сделал?

Вопрос явно не требовал ответа. Что ж, первая часть плана по освобождению угнетаемых представителей Пустошей осуществилась успешно. Я прикинул свои дальнейшие шансы. Против двух агрессивно настроенных бандитов, чьи пояса отягощали здоровенные — надеюсь, охотничьи — ножи, я вряд ли смог бы выстоять, впрочем, я всё ещё рассчитывал на помощь угнетённого. Зря.

— Да забери у него живулю, и дело с концом! — предательски предложил парень.

— Чего?! — мне стало даже обидно: я ведь собрался ему помогать — конечно, взамен на его будущую помощь мне. — Я тебя спасаю от хулиганов вообще-то!

Ответа я дожидаться не стал: к Ногачу уже тянулись загребущие руки лесных разбойников.

— Ногач! — заорал я. — Это плохие люди! Они хотят забрать твою одежду! Но ты можешь забрать их одежду сам!

Я не очень-то рассчитывал на понимание и успех. Тем приятнее было наблюдать, как эти самые плохие люди уже через пару минут удирали с позором от охочего до их одежды куска дерева. Ногач проявил неожиданную ловкость — сейчас он двигался куда как быстрее, чем ночью, когда я бегал от него по поляне. Хотя мужики и пытались оказать ему какое-то сопротивление, Ногач взял неожиданностью: повалил подсечкой старшего, ловко стянул с него куртку и начал снимать с него обувь; когда же лысый попытался зайти Ногачу за спину, тот преспокойно, не меняя положения тела, развернул назад голову с руками и потянулся к нему. Тот отпрянул, споткнулся и быстро пополз в кусты. Ногач отпустил поваленного им разутого бородача, встал и начал не спеша облачаться в его куртку.

Получив такой отпор, разбойники обложили меня и манекена проклятиями, но предпочли продолжению борьбы бегство. Я стоял, с победоносным видом оглядывая поле боя.

— Какого штиля?!

Парень, которого я пытался спасти, не убежал вместе со своими обидчиками, а остался стоять на дороге, скрестив руки на груди и сердито глядя на меня. Я никак не мог взять в толк, отчего он злится на меня теперь — когда именно моё с Ногачом неожиданное появление уберегло его от жестокой расправы; об этом я и поспешил ему напомнить.

— Много ты понимаешь! — огрызнулся тот в ответ, прожигая злым взглядом почему-то Ногача. — У меня всё нормально было, пока вы здесь не появились!

— Ну да, я заметил, — я только покачал головой.

— Что это такое? — парень подошел ближе и кивнул на Ногача.

— Манекен, который хочет одеться, — я пожал плечами, мы встретились в лесу.

Парень недобро пялился на Ногача, потом шагнул к нему и попытался то ли потрогать его, то ли снять с него куртку Сайбара. И он тут же, получив мощный толчок в грудь, отлетел к ближайшему дереву.

— Чего он такой бешеный?! — завопил парнишка. — Чуть голову мне не разбил!

— Он не любит быть раздетым, — я пожал плечами.

— А ты любишь, что ли? Без штанов гуляешь по лесу!

Парень поднялся. Я, наконец, оглядел его: с виду обыкновенный деревенский — одежда ближе к охотничьей или лесной — наверняка удобные мягкие сапоги, тёплая куртка, перчатки, на поясе небольшая сумка, может быть, для табака или денег. Странно, что она осталась при нём после встречи с Сайбаром и его другом. Из-под отороченной мехом кожаной шапки торчали светлые волосы. Я почувствовал в себе страсть Ногача — мне бы очень пригодилась одежда этого парня.

— Чего улыбишься? — между тем недружелюбно поинтересовался мой новый знакомый.

— Я подумал о том, что мне твоя одежда тоже нравится, — заржал я, замечая, как округлились его зеленоватые глаза. — Спокойно! — я поднял руки, демонстрируя мирные намерения, я же не манекен, а человек разумный — никого насильно не раздеваю.

Парень грязно выругался и сплюнул себе под ноги. Ничего другого я, в общем, и не ждал.

— Слушай, давай с начала, а? — мне всё ещё нужна была помощь, так что обижаться на грубость не стоило. — Меня зовут Ройт. Я изгнанник. Мне бы пригодилось немного помощи, в долгу не останусь.

— А мне-то что? — моё чистосердечное признание не произвело никакого эффекта.

— Чего ты такой недружелюбный? — я поморщился. — Может, я и помешал твоим задуманным беседам, но что-то ты не побежал за своими друзьями.

— Тебе какое дело? — ответы парня не баловали разнообразием.

— Послушай, не помню, как тебя звать, житель пустошей, — я тоже начал раздражаться, — но я — Ройт Айнхейн, сосланный сюда Судом Хаоса. У меня был так себе денек, ещё хуже ночь и сейчас начинается очень хреновое утро. Я хочу найти людей, дома, тепло, еду и возможность как-то жить в Пустошах, про которые не знаю ничего. И я буду очень благодарен словом, делом и деньгами, если ты мне поможешь в этом!

— Какие пустоши? — недоуменно поинтересовался парень. — Здесь же лес!

— Неважно! — махнул я рукой. — Что же, если меня не ведешь к людям ты, то мы с Ногачом пойдём к ним сами!

Я уже готов был развернуться и двинуться дальше, как парень всё-таки выдал что-то кроме оскорблений. Я сперва не понял, что именно он пробурчал, так что пришлось переспросить.

— Идём к нам, говорю, — бросил он с явной неохотой. — Я — Золто.

По дороге я попытался разговорить своего нового проводника. Тот отвечал односложно и, кажется, за каждым моим вопросом подозревал какой-то подвох или провокацию.

Выяснилось, что Золто живёт «тут недалече» с отцом и сестрой, и что они — ведьмаки. Я попытался пошутить про то, что я — самая страшная нечисть, которую ему удалось обнаружить, но тот шутки не понял. Чем занимаются ведьмаки, я и сам толком не знал, а из нещедрых ответов Золто выходило, что стерегут лес.

— Это наш лес, — сообщил он мне хмуро, — нечего шляться пришлым.

— Я теперь не пришлый, а местный! — объявил я из чистой вредности. — В ближайшие пять лет буду жить тут — бегать по лесам и питаться сырым мясом.

— Ага, как же, — Золто презрительно скривился, — будешь ты.

— А что мне делать ещё, если меня сослали?

— Знамо что — в города пойдёшь.

Его ответ заставил меня задуматься. Жизнь на природе, вероятно, имела свои плюсы, но кажется, я всеми ими уже успел вдоволь насладиться за прошедшие сутки. «Города» звучали заманчиво. Точнее, Золто это слово произнес пренебрежительно, что мне показалось добрым знаком. То, что для деревенского парня плохо, для столичного — наоборот, подойдет. Другое дело, что до этого момента я и не слышал, что в Пустошах есть какие-то города. Может быть, это места, где разбойники, изгнанники и, например, ведьмаки собираются вместе для планирования разбойных нападений на земли Гегемонии Хаоса? Нечто вроде громадных полувоенных лагерей?

Я тут же представил себе карьеру идейного вдохновителя местного населения, но быстро отбросил ее. Говорить пламенные речи перед вооруженным строем я не умел, это было дело Воителя Ягира.

— Так, — сказал мне Золто, остановившись. — Бате моему не говори про Сайбара и Шило.

— А спросит? — удивился я. — Ну, вроде, как мы познакомились?

— Не спросит, — процедил сквозь зубы Золто. — Ему вообще на всё наплевать.

И продолжил путь, не оборачиваясь.

"Мне-то что», — подумал я на местный манер, и не стал забивать себе голову чужими делами.

7. Сандак

Тем временем Золто вывел меня и Ногача к дому. Первое, что мне бросилось в глаза — серьёзного вида забор, за которым не просматривалось решительно ничего. Плотнo прилегающие друг к другу колья поднимались выше человеческого роста и ограждали явно немаленькую территорию. Выходило, что ведьмаки не бедствуют; я почему-то думал, что этот парняга живёт в покосившейся, просевшей избушке с одним окном.

На широком, усыпанном песком дворе нас встречала черная собака, виляющая хвостом. Я поморщился — после истории с Ликсом и последовавших после событий я, кажется, окончательно разлюбил этих существ. Собака, впрочем, больше заинтересовалась Ногачом.

Она скакала вокруг него, то напрыгивала, то отбегала в сторону. Мой деревянный друг, похоже, не понимал, с кем имеет дело, но, по крайней мере, не пытался ее убить. В отличие от меня, по мнению братца, разумеется.

Посреди двора высился здоровенный деревянный дом, от которого так и веяло добротностью, крепостью и уютом. Из трубы валил дым, и я сразу почувствовал свой голод, холод и неуютность в этом новом мире. У других его обитателей дела шли явно лучше моего. Впрочем, это было несложно — у меня не было даже штанов.

— Неплохо живешь, Золто, — одобрительно проговорил я, кивая на дом.

— Нормально, — буркнул тот, не оборачиваясь.

— Я думал, ведьмаки ютятся в избушке в чаще леса, — продолжил я свои рассуждения, оглядываясь и подмечая другие постройки поменьше. Это, полагаю, мастерская. А это? Что-то из этого должно называться «рига». Помню, был такой стих — рига ветхая в степи... Или нет?

— Так вокруг лес и есть, до деревни от нас не близко, — немного невпопад сказал Золто.

— Ага.

Тут есть деревня? Впрочем, а почему бы и нет?

Я не знал, что ещё сказать — но в эту минуту дверь дома раскрылась, и на крыльцо шагнул рыжебородый, светловолосый мужчина. Я сразу предположил в нем отца Золто. Не то, чтобы они так уж походили друг на друга, тем более, что борода в принципе сильно меняет любое лицо, но печать родства определённо лежала на этих двоих — это было заметно скорее в мимике, жестах, каком-то общем фоне. Одинаково нахмуренные светлые брови, нависающие над зеленовато-желтыми глазами, убедили меня в этом окончательно.

— Доброе утро! — я не стал дожидаться, пока меня представят и начал разговор сам.

— Утро, — отозвался ведьмак, окидывая меня внимательным и невозмутимым взглядом. — Я Сандак Эрдэмович. Заходи, гость. Есть будешь?

— Буду, с радостью. Гостем буду, есть буду. Я Ройт, сын Вилириана, — привычно отрапортовал я. — Эм, просто Ройт. А это Ногач, он не ест, только наряжается.

— Зато ты, верно, жрёшь в три горла, — Золто не скрывал своего недовольства. — К столу его звать ещё, ты, бать, погодил бы.

— Ты же его сам привёл, — поднял брови Сандак. — Зачем привёл, если нехорош?

Золто раскрыл было рот, затем захлопнул его и бросил злой взгляд на меня, потом — почему-то — на Ногача.

Сандак пожал плечами, шагнул к воротам, с силой затворил их и протолкнул массивный

засов через петли. Хлопнув по плечу сперва меня, а потом хмурого сына, он зашагал к дому. Золто скривился, но последовал за ним, тут же начав ему что-то нашёптывать — наверняка какую-нибудь пакость про меня. Отец на это только качал головой. Потом повернулся ко мне.

— Живуле своему скажи, чтобы во дворе обождал. Не заскучает?

Я повернулся к Ногачу. Тот стоял, вопросительно наклонив голову.

— Братишка, подождёшь меня здесь? Я вернусь.

Окровавленный манекен подбежал ко мне и крепко ухватил за плечо, заглядывая в лицо.

— Цак?

— Обещаю.

— Сскккыырылы, — протянул Ногач, и отошёл от меня.

— Только не бери ничего тут чужого, хорошо?

Я заметил, что Ногач примеривается к колу, воткнутому в колоду рядом с поленницей.

— Цак, цак, — Ногач отошёл, спрятав руки за спину.

Я повернулся к ведьмакам. Они смотрели на меня с некоторой оторопью. Что, говорящие с живулями беспшанные люди нечасто заходят к вам в гости?

— Заходи, — сказал Сандак, и отворил дверь.

Я вошёл за ним в сени. Да, я знаю, что такое — сени. Или — может быть, это была всё-таки веранда?

Пару раз я уже бывал в деревенских жилищах, но здесь всё выглядело иначе.

Сени были просторными и высокими, с двумя светлыми окнами. В доме поддерживался, судя по всему, строгий порядок. У одной стены лежали рыболовные снасти: пара удочек и свёрнутая сеть. У входа, в деревянном ведре стояли несколько простых самодельных копий. На одной из стен висело оружие, которое немедленно привлекло моё внимание.

Это было длинное, примерно в рост человека, копьё с узким, как жало, заточенным с обеих сторон лезвием, превосходнойковки. Его древко из красного дерева было покрыто сложным рисунком плетения, но на лезвии не было ни узоров, ни знаков. Странно было видеть такое оружие в доме простых деревенских жителей.

Я задержал на нём взгляд, и услышал мелодичный звон, который словно сам собой исходил от лезвия.

— Тянгыра не трожь, — остерёг меня Сандак. — Он живуля, как и твой Ногач.

Согласно правилам Ван-Елдера, ожившее оружие было невероятно опасным и подлежало немедленному уничтожению — если не было специального, очень редко выдаваемого разрешения на него. Ну, или если ты Алый и имеешь достаточно силы, чтобы устанавливать своё Право. Впрочем, здесь по лесам ходили манекены, так что я уже понял, что этот закон в Пустошах явно не работал. Живое копьё впечатляло, даже безобидно висящее на стене. Авторитет ведьмаков в моих глазах весьма возрос.

Сандак открыл ларь, достал оттуда поношенные, но крепкие зелёные штаны и вручил их мне.

— Оболокайся, а Ратка покамест на стол накроет.

Я с наслаждением... облокался и прошёл в комнату. Это оказалась сразу и кухня, и столовая, и гостиная. Впрочем, чего-то подобного я и ожидал. На полу цветной полосатый коврик, очаг с открытым огнем, здоровенный стол посередине, повсюду сундуки, полки.

Наверное, так живут зажиточные ведьмаки, прикинул я. Во всяком случае, рухляди или каких-то признаков нищеты я не заметил.

Ратка, девочка лет тринадцати, показала мне моё место, подвинула ко мне здоровенную миску с кашей, и уселась рядом со мной, с интересом тараща такие же фамильные зелёные глазищи.

Золто сел напротив и бросал на меня испепеляющие взгляды.

Ели молча. Сандак тоже пялился на меня, периодически проводя перед лицом ладонью с растопыренными пальцам. Я не стал задавать вопросы — был слишком занят поглощением пищи.

«Суровые деревенские люди, странные деревенские обычаи», — так определил для себя я эту картину.

— Ну, — сказал Сандак, когда мы закончили с едой, — поели, хорошо. Что ж, Ройт, какими судьбами?

Я замаялся. Конечно, надо говорить правду, но какую её часть?

— Меня... изгнали.

— Убил кого небось! — ну, конечно, Золто, что ты ещё мог сказать?

— Нет, — развёл я руками. — Не убивал, не грабил. Так... с властями не сошёлся во мнениях. Надоел им, в общем. Вот и выгнали сюда. На пять лет.

— Лады, — хлопнул Сандак по столу. — Бывает. Что делать думаешь?

— Да вот, думаю, до города добраться, — я пожал плечами; плана у меня всё ещё не было.

— Зачем? — это, похоже, его заинтересовало.

— Не знаю, — признался я честно, — наверное, потому, что я вряд ли выживу в лесу один, да и возможностей там больше.

— Все по молодости так говорят, — усмехнулся он, — вон и сын мой рвётся тоже все то туда, то сюда...

— Я никуда не рвусь! — тут же встрял Золто. — А городских тут не любят! — он пронзил меня злым взглядом.

— Тогда мне тем более нечего здесь оставаться, — парировал я.

— Осадися, Золто... — начал Сандак, но Золто было не удержать.

— Давай-давай, живулю — нам, а сам вали, ветра помогут!

— Живулю?!

Я уже понял, что так здесь называют оживлённые вещи. Золто смотрел дерзко. Я немедленно решил, что не хочу отдавать ему своего манекена.

— С чего бы это мне отдавать Ногача?! — я пошел в наступление. — Это мой единственный друг здесь!

— Найдешь другого! А живулю — нам!

Как назло, Сандак в этот момент отвлекся на Ратку, что поманила его из глубины дома. Я остался один с ведьмачьим сыном, которому уже очень хотелось врезать — так он раздражал своей агрессией и какой-то детской дикостью.

Я понял, что он меня провоцирует на драку. Сейчас мы с ним подерёмся... вмешается отец, выгонит меня, и Золто получит моего Ногача.

Нет уж.

— Знаешь что, Золто? У тебя девушка есть?

— Нет, — удивился ведьмачий сын.

— Вот то-то оно и видно. Ты совсем не задумываешься о чувствах других. Вот что хочет Ногач, ты спросил?

— Он же деревянный, — Золто посмотрел на меня, как на идиота.

— И ты, парень, видать, деревянный. Но это ничего, с возрастом пройдёт. Вот тебе сколько лет?

— Девятнадцать, — растерянно ответил Золто.

— Вот я и говорю — молодой да деревянный. Понятно, зачем тебе Ногач — хочешь себе дружка в пару.

Золто неожиданно гыгыкнул. Что ж, возможно, он и не был так уж безнадёжен.

Сандак вернулся и посмотрел на нас с Золто.

— Ну, — сказал он, — значит, до города тебя пускай Золто и проводит. Отведёшь его в Вохотму, а, Золто-сына? Заодно и лекарства продашь!

Золто возмущённо уставился на отца.

— Чего это я с ним в Вохотму попрусь?

— Так всё равно же надо тебе в Вохотму, — сказал Сандак.

— А, кстати, — я ехидно поинтересовался, — а что за дела у тебя были с...

Золто скорчил страшное лицо и указал одними глазами на отца. Сандак сделал вид, что ничего не заметил, пряча усмешку в бороде.

— Ладно, ладно, — сказал Золто, вставая из-за стола. — Провожу твоего Ройта до Вохотмы. Завтра провожу.

— Должен будешь, — сказал Сандак, глядя на меня со странным выражением.

— Буду должен, — спокойно согласился я.

Ну, правда — а что я ещё могу предложить в обмен? Фарукку им станцевать или продекламировать наизусть «Битву при Кага-Шул»? Сочтёмся с ведьмаками позже.

— Ну, — сказал Сандак, — тогда и порешили. Иди, Золто, собери на двоих. После обеда и выйдете.

Золто хмыкнул и удалился.

Я остался с Сандаком Эрдэмовичем.

— Слушай, — сказал он мне, помолчав. — Это ведь ты сам отдал штаны живуле тому?

— Ну да.

— А куртка-то на нём не твоя, так? И куртку эту я где-то уже видывал, — прищурился Сандак. — Ходил тут один в этой куртке, чернобородый такой, остроглазый, всё в друзья мне набивался: «уважаемый ведьмак, да дозвожь спросить, да как ты сведущ, да дозвожь подарок поднести». Маслено говорил. Да только кровью от него несло. И свинцом.

Я замешкался, думая — то ли отпереться, то ли рассказать, что видел — но Сандак остановил меня жестом — и не спеша, делая длинные паузы продолжил.

— Если что Золто просил не говорить — так ты и не говорил ничего. А что я сам догадался, так на то твоей вины нет. Но скажу я тебе вот что: сам Золто сейчас не вещи собирает — только вид делает: сумки у него уже декаду как собраны лежат. Куда-то он идти затеял, и, думаю, не в Вохотму. И он сейчас, Ройт Вилирианович, как лук напряжённый — только одну цель и видит. А какую цель — я не знаю, но нехорошая это цель. Так вот. До Вохотмы я его дойти с тобой обяжу, а с тебя за это попрошу вот что: если удастся тебе, покажи ему хоть какую другую цель. Расскажи ему чего поинтереснее, может. Если с тобой потянется — то пускай, так тому и быть, в тебе сильный ветер есть — я это вижу, мне это по нраву. А не понесёт Золто за тобой — ну, видать, не судьба. Ну, и не обижайся на него. Он

парень добрый. Лады?

Я помолчал, подумал — постаравшись так же медленно, увесисто покатавать слова, перед тем, как их высказать — так же, как это делал Сандак.

— Что смогу — сделаю, — наконец, ответил я.

— Удастся — буду должен, — подытожил Сандак. — Ну, пошли, сапоги тебе подберём, что ли.

Сандак вручил мне пару коричневых невысоких сапог, довольно даже модных на вид. Я сел на скамью и натянул один. Постучал. Оказалось впору. Тяжёлые, однако.

— Это старые Золтовы, — пояснил Сандак. — Он из них вырос.

Я покосился на свои ноги. Да, у меня не деревенская лапа Золто, а нормальная нога горожанина.

— Спасибо, — от души поблагодарил я, отставляя в сторону свои изодранные туфли.

— Надо тебе ещё одежды подобрать. Не пускать же тебя так в лес, — заметил Сандак, и снова полез в ларь.

Я привалился в угол, слушая хмыкание Сандака, перебирающего вещи, и не заметил, как заснул.

8. Особенности землеустройства

Признаться, я чувствовал некоторую неловкость — я проснулся поздним утром в мягкой постели, рядом со мной лежала стопка чистой одежды и сумка с вещами, очевидно, предназначенная мне. Совершенно не помнил, как оказался в кровати. Сандак меня отнёс, что ли? Спросить у него я не мог, потому что в доме его не оказалось.

Меня встретил Золто, который, не глядя, буркнул: «Ну, поедим да пойдём».

И, умяв по паре тарелок какого-то мясного супа и прихватив неунывающего Ногача, вышли в путь. Ведьмачонок прихватил с собой одно из самодельных копий и опирался на него при ходьбе.

От ворот ведьмачьей усадьбы шла хорошая, утоптанная дорога, по обе стороны которой росли высокие ели. Я было обрадовался, но Золто, совершенно проигнорировав удобный путь, направился напрямик в лес, видимо, по какой-то ведьмачьей тропе. Точнее, я этой тропы не наблюдал, но Золто двигался уверенно, будто бы под ногами у нас был широкий проспект, а не лесное бездорожье. Я невольно восхищался подобным навыком, всё же, для меня Пустошь всё ещё оставалась непознанной и опасной территорией.

Золто всю дорогу молчал, вид имел хмурый и решительный. Я не торопился вступать с ним в новый разговор, памятуя о более выигрышной позиции в разговоре, когда оппонент сам выдаёт себя, отягощённый молчанием: кое-что из уроков дипломатии я всё же извлёк. Ногач, явно довольный новой прогулкой, то убегал вперёд, то возвращался ко мне, хватая меня за локоть деревянными пальцами, и что-то стрекотал, пытаюсь, наверное, рассказать мне об увиденном.

— Видишь камень без мха — ступай прямо на него, так следа меньше будет, — негромко инструктировал меня Золто время от времени.

Я старался, как мог. На мой взгляд, мы следов не оставляли вообще, но Золто всё равно периодически оглядывался и хмурился. С виду казалось, что он опасается преследования, и мне на ум снова пришли Сайбар и его дружок, но спрашивать я пока не торопился.

— Ветки не ломай! — то и дело осаживал меня ведьмачий сын.

— От кого мы прячемся? — не удержался я после очередного сердитого замечания.

— От Сайбара, знамо кого, тут уже не наш лес, — буркнул в ответ Золто. — То есть наш, но их больше.

— Того бородатого? А что ему до нас?

— Ничего, — Золто тут же замкнулся в себе.

Впрочем, я помнил о просьбе Сандака, который переживал за сына. Судя по всему, переживать было из-за чего. Сейчас эпизод на дороге виделся мне уже в новом свете. Золто явно не был случайной жертвой разбоя: у него с Сайбаром были свои темные делишки. Я же всегда был любопытным:

— Не расскажешь, отчего твоему отцу нельзя было знать про него?

— Тебе-то что? — в своей манере отозвался ведьмачий сын.

— Я вроде как соврал ради тебя, — напомнил я ему. — Хотелось бы знать, для чего.

— Батя Сайбара не жалуется, — Золто поморщился. — У него свой взгляд, у бати — свой.

— На что?

— Да на все, считай, — Золто пожал плечами, — на Норы — особенно.

— Что ещё за Норы?

Мне почему-то сразу представились лисьи. Наверняка Сайбар и компания занимались браконьерством. Быть может, Золто помогал им — втайне от отца. Это казалось вполне вероятным. Ответ Золто прервал мои размышления:

— В Норах ветра стоят. Опасное место.

— Что значит — ветра стоят? — я недоумённо воззрился на него. Это местный аналог ругательства "штиль", что ли?

Золто покосился на меня с каким-то даже будто сочувствием. Видимо, здесь это было понятно любой собаке.

— Это под землей, — проговорил он, раздвигая ветки, — там воздух не движется. Можно ходить за хаотичкой или ладанкой, если кишка не тонка.

— И у Сайбара не тонка, да? — я не особо понимал, о чём он, но решил не вдаваться в подробности, сделав вид, что всё понял. — А сам-то ты ходишь?

— Нет, — буркнул Золто сердито.

Видимо, я попал в цель. Наверняка ведьмачий сын собирался отправиться в эти опасные Норы, куда отец ходить запрещал — что-то стало понятнее.

В этот момент на меня сзади наскочил Ногач, оттолкнулся деревянными руками от плеч и перемахнул через голову, кубарем влетая в ближайшие кусты.

— Да чтоб тебя ветра забрали! — ругнулся Золто. — Скажи своему живуле, что, если будет тут всё ломать, на размол у Сайбара пойдет!

— Какой ещё размол? — заволновался я: это звучало тревожно.

— Обычный, — Золто пожал плечами, — в твоём дружке полно хаотички — и в Норы лезть не надо. Разрежут на куски, разотрут жерновами и выдавят эссенцию.

— Ногач! — я подскочил к нему. — Ступай за нами след в след — вот так, — я показал, — осторожно! Иначе придут злые дяди и снимут с тебя всю одежду.

Ногач издал вскрик ужаса и послушался. Золто неодобрительно покачал головой, но никак не прокомментировал это больше.

Так мы прошли, не останавливаясь, довольно порядочное расстояние, пока Золто неожиданно не подал мне знак остановиться. Сам он при этом опустился на землю.

— В чем дело? — я подошёл к нему и тоже присел. Ногач, словно почувствовав настроение Золто, тихо-тихо, без скрипа опустился на усыпанную еловыми иглами землю.

Хорошее место, чтобы укрыться: с одной стороны густые ветви, с другой — пара особенно крупных валунов. Но почему мы прячемся?

— Идут, — бросил он тихо.

Я тут же подобрался, планируя то ли бежать, то ли драться. Золто сидел рядом и спокойно дышал, будто отдыхал, а не сидел в засаде. Я нахмурился, думая о том, почему мне пришлось в голову именно это слово. Пожалуй, потому что Золто будто не боялся.

— Они близко? — не выдержал я.

— Там, — одними губами произнес Золто и указал направление.

Я чуть раздвинул ветви ели, присмотрелся и застыл. Между деревьев и правда, двигались какие-то фигуры. Я перестал дышать. Отчего-то сейчас мне стало действительно не по себе — уж очень в странном положении мы сейчас находились. Пряткам я предпочитал действия.

Золто, между тем, всё так же спокойно сидел рядом. Он даже не держал в руках копьё. Я хотел было поинтересоваться у него, что будем делать, если нас обнаружат, как услышал громкие проклятия. До этого люди Сайбара ходили совершенно молча.

— Сыпучка! — крики стал громче. — Городской завел в сыпучку!
Силуэты между деревьев засуетились. Золто легко вскочил на ноги:
— Пошли!

Мне оставалось только послушаться. Спорить в прямой видимости вооружённой арбалетами банды желания у меня не было.

— Что за сыпучка? — спросил я на ходу, когда мы удалились на порядочное расстояние.

— Песок, — отозвался Золто, — водоворотный.

— Здесь же не пустыня! — поразился я.

Не то чтобы я был знатоком географии, но уж такие простые вещи знал. Лес — это лес, горы — это горы. Везде свои опасности. И в лесу не бывает зыбучих песков, или водоворотных — ведь это же имел в виду Золто.

— Водо-воротные, — повторил он по слогам. — Там вода с песком скрученная. Это от ветров. В лесу таких много.

— И что же это за вода с песком?

— Она крутит, утаскивает вниз. Такого много здесь, где кончаются горы и начинается лес, — пустился в объяснения Золто, — ветра пришли с гор и оставили сыпучки. Они живые.

Хаотичная природа. Где-то я читал о подобном... Да о чём речь вообще, я ведь никогда раньше не бывал в лесной чаще!

— А почему Сайбар напоролся на них, если он знает лес?

— Там маленькие — махнул рукой Золто, — их много — я их раззадорил чутка, а сайбаровы растоптали — вот и увязли. Все большие сыпучки мы с батей давно огородили, чтобы не ползали везде.

— Они что, перемещаются?

— Ну да, — Золто пожал плечами, — маленькие не опасные, в них сил мало — человека не утянет, подержит за ноги, да отпустит.

— А чем вы их огораживаете?

— Ладным забором. Вы такое Порядком называете.

— Вы смиряете Хаос Порядком? — ахнул я.

И это — деревенские глупые люди! Определенно, мои знания о пустошах были ниже среднего. Какой-то сельский подросток, вон, спокойно рассуждал об использовании эссенций в бытовых целях. С другой стороны, он все-таки сын ведьмака. Я задумался о том, кто такие вообще эти ведьмаки.

— Упорядочные вещи, так вы говорите? — прервал мои размышления Золто. — И стоят порядком, но служат хорошо. Для крупных сыпучек нет лучше управы, чем такой забор. А с мелкими ничего не поделаешь — смотри под ноги, только и всего, иначе увязнешь до ночи.

— Круто, — протянул я, пытаюсь представить себе Сайбара, которого держит живой песок с водой. — Золто, ты говоришь, они ненадолго застрянут. А что потом? Они после нас не догонят?

— Не пойдут дальше, — покачал головой Золто, уходя все дальше в чащу.

— Почему?

— Да нужен ты им — гоняться целый день по лесу! — как-то неестественно громко заржал тот. — И так попали в сыпучку. Дома жены им за испорченную обувь отвесят ещё!

Мне слабо верилось в то, что Сайбару есть дело до обуви, когда тут ходит здоровенный манекен, которого можно отправить на распил, но я доверился Золто.

Мы начали спускаться в овраг... впрочем, наверное, мне померещилось от усталости,

потому что вместо этого мы поднялись на невысокий холм, поросший особенно высокими и густыми елями.

— Вот, пришли.

Золто раздвинул ветви деревьев, и я увидел избушку. Это была та самая избушка отшельника, что представлялась мне в моих наивных вчерашних фантазиях накануне днем — маленькая, будто заброшенная, с заросшим порогом.

— Это что? — поинтересовался я, подходя за Золто ближе к дому.

— Это зимовейка. Ну, когда зимой по лесу ходишь, чтобы в сугробе не ночевать.

— Так она ж близко от дома вашего. Мы часа за четыре дошли. Зачем такую построили?

— А это, — ухмыльнулся Золто, — и не наша зимовейка. Она тут ещё до нас была. Я её сам нашёл. Про неё даже отец не знает.

— Ой ли? Ведьмак в своём лесу чего-то не знает? Да ну! — усомнился я.

— А вот и не знает. Тут земля перегиб делает, а снаружи лес простой. Не знаешь — не войдёшь. Только так и зайдёшь, как мы шли.

Пустоши представлялись мне всё более и более загадочным местом. Перегиб? Свёрнутые земли из легенд? Сокрытые долины, где живут правдивые птичьи дети и тому подобное? И я в одной из них?

— Это что, свёрнутая долина? — решил уточнить я.

— Да какая долина, — удивился Золто, — тут шагов двадцать будет, и всё. Такого-то добра в предгорьях навалом, порой идёшь и не замечаешь, как зашёл-вышел. Какая разница — тут лес, там лес. А вот чтобы с зимовейкой — такое редко бывает. Это моё место, тут никто не бывал.

— Погоди. А кто её построил тогда? Если тут никто не бывал?

— А кто построил, за зимовейкой в земле лежит, — отвечал Золто. — Я года четыре как её нашёл. Открываю дверь, а на полу мертвец: весь сухой, жёлтый, зубы торчат. Не из наших, я потом признавал. Ну, я его похоронил, как полагается. Про это место никто не знает, оно мое — секретное! — с явной гордостью сообщил мне он.

— Не такое уж секретное, раз уже мы с Ногачом знаем про него, — я не удержался и поддел его.

Золто неожиданно переменился в лице, перевел взгляд на Ногача, который весело скакал по поляне.

— Будь пока здесь, — кивнул он мне, перехватив копьё, — я вернусь скоро.

— Чего это? Ты куда?

Его внезапный уход показался мне неестественным. Золто не ответил мне, неопределённо махнул рукой и быстро исчез среди деревьев.

Я покосился на дверь. Образ мертвеца с торчащими зубами стоял у меня перед глазами, и заходить особо желания не было.

Впрочем, чего ещё мне оставалось делать?

9. Интерлюдия. Шонн и Виль

Место действия — священный город Ван-Елдэр.

Башня клана Айнхейн. 88 этаж.

Вилириан яростно мерил шагами кабинет. Шоннур молча стоял у стола, ожидая, пока его друг успокоится, хотя причин для спокойствия у него не было. Под глазами у грозного Архонта — и взволнованного отца семейства залегли темные круги, а морщины на лбу обозначились резче. Бледный цвет лица Шоннура говорил о том, что он тоже не спал эту ночь. Вилириан остановился у окна и уставился на клонящееся к закату солнце. Шли вторые сутки после приведения в исполнение приговора его старшему сыну.

Вилириан резко повернулся на пятках — полы алой мантии взметнулись — и вперся требовательным взглядом в Верховного Старшего:

— И всё же, никаких вестей? Следов? Совсем ничего?

— Разъезды прочесали пустыню на пятьдесят километров вокруг Хытыр-Кымылана. Ройта искали с птицами, с собаками, с маятниками. Был срочно вызван алый поисковик, который тоже не нашёл никаких следов. Все окрестные племена клянутся солью и водой, что ни одного черноволосого юноши в алом одеянии у них не появлялось, — Шоннур поднял руку, опережая поток возражений: — Уверяю тебя, он не мог пройти незамеченным. Виль, его там просто нет.

— Что значит — нет?

— Это значит, что он даже не появлялся в тех местах, понимаешь? Он не спрятался, его не сожрали дикие звери, не убили бандиты. Ничего такого, о чем ты думаешь в первую очередь. Он там даже не был.

— Откуда такая уверенность? — раздраженно бросил Вилириан. — Вы ведь не знаете, где он!

— Мы обязательно это выясним, я обещаю. Я и Рессам спешно строим новый, сильнейший поисковой массив. С помощью него мы сможем найти любого известного нам человека на расстоянии до двенадцати тысяч газаров. Подожди пять-семь дней, и ты точно будешь знать, где Ройт. И тогда мы найдем способ найти его и отправить туда, где он должен отбывать свою ссылку, будь она неладна!

[Газар: тэшерская мера длины, составляющая 390 алдов или 577 метров. Когда-то означал расстояние, на котором можно расслышать голос другого человека]

— А если он дальше? Если он за двадцать тысяч газаров? Шонн, ты же сам видел знак Хаоса. Храм вмещался, и мой сын теперь может быть где угодно. Вообще где угодно, — Вилириан выразительно посмотрел на него.

— Ты прав, Ройт может быть даже в других мирах, если вмещался Храм. Но если это даже и так... что ж, мы дотянемся и туда, — Шонн не поддавался панике.

Вилириан сжал голову руками. Последние дни и так требовали всех его внутренних сил, а неожиданная пропажа сына грозила обернуться настоящей катастрофой. Теперь он с ужасом понимал, что совершенно не контролирует ситуацию из-за полного отсутствия какой-либо информации. Ройт будто исчез с лица земли, и все, что оставалось — ждать.

— Шонн, понимаешь, они думают, я его убил, — Вилириан тяжело вздохнул.

— Ликс ходит по башне и рассказывает всем, что теперь наследник — он.

Хотя прошли всего лишь сутки! Слуги приносят мне холодный чай и тёплое вино, а

когда я указываю им на это, вежливо извиняются и просят не наказывать их. Я когда-нибудь наказывал слуг, Шонн?! Но это ерунда, вздор, есть вещи и пострашнее, и ты знаешь, о чем я.

— Виль, прошу тебя...

— Нет, я скажу! Знаешь, о чем я думаю? — он сжал кулаки. — Что, если они правы? Что, если я и в самом деле его убил? Во время переноса что-то пошло не так, и мы не знаем, пережил ли Ройт это путешествие на самом деле! Может, моего сына нет нигде, потому что его просто больше нет!

— Во время переноса все пошло не так, дорогой друг — с твоей точки зрения, — Шонн шагнул к нему и опустил руку ему на плечо, — но ты прекрасно понимаешь, что все пошло согласно воле самого Хаоса. Его замыслы нам, к сожалению, не известны. Какова роль твоего сына? Почему Храм решил вмешаться именно сейчас? Мы не можем это узнать. Но есть проблема важнее, которую необходимо решать прямо сейчас. Пока что о случившемся знает не так много людей, но, если слух о том, что Ройт пропал без вести или даже, возможно, погиб, просочится дальше Ликса и его окружения, нам не избежать неприятностей.

— О чем ты говоришь? Это была воля Храма, не моя, не Архонтов!

— Тебя никто не осуждает среди алых, друг, но в этом городе есть не только они.

— И? Ройт — алый, причем здесь остальные?

— Твой сын — известная личность в кварталах Порядка.

— Ты хочешь сказать...

— Если люди подумают, что ты отправил на смерть собственного сына за его политические убеждения, это добавит сочувствующих в ряды радикалов.

— Ветра забери тебя, Шонн, и твою политику — тоже! Думаешь, мне сейчас до этого вообще?! Я только хочу найти своего сына! — Вилириан почти кричал.

— Именно. И найти его надо как можно скорее. Я только хотел сказать, что это не только твоя личная беда, она может стать нашей общей.

— Просто найдите его, — процедил Вилириан сквозь зубы.

10. Зимовейка

Место действия: Северные леса.

Я аккуратно приотворил дверь зимушки? Зазимки? Зимовешки? Название, которое упомянул Золто, совершенно вылетело из головы.

Внутри не было никаких жёлтых мёртвых зубатиков. Пахло сушёными травами.

Нагнувшись, чтобы не задеть низкую притолоку, я вошёл в дом... и сразу вышел. Ветер мне в спину, как темно! И как они живут без окон? Вот в доме ведьмака, к слову, были светлые, застеклённые окна. В книгах, которые я читал о жизни в пустошах, окна жилищ всегда были затянуты каким-нибудь бычьим пузырьём или слюдой, а у Сандака были стеклянные окна. Странные здесь места, конечно: по лесу портновские манекены бегают, окна стеклянные...

Сказать по правде, мне казалось, что за пределами Ван-Елдэра, на северных пустошах, находится одна лишь дикая земля с дикими зверями, дикими племенами, дикими обычаями, всем диким. Оконное стекло — признак цивилизации, а люди вроде ведьмаков с пустошей должны одеваться в шкуры собственноручно убитых зверей. Диких зверей. Убитых палкой, с прикрученным к ней жилами камнем. Что-то вроде того, ага.

Золто, помнится, между тем был одет очень неплохо — рубашка, крутка, штаны, ботинки — все с виду хорошего качества, не рваное, не грязное. Теплое. Не последняя мода Ван-Елдэра, но и не шкура на голое тело. Еще сегодня Золто нацепил какую-то другую вязаную шапку — зелено-черную, которую, скорее всего, связала его сестрица. Можно было бы сказать, что Золто, в целом, выглядел даже модно. Во всяком случае, наверняка смотрелся гораздо приличнее, чем я, в одежде с чужого плеча. Хотя я все равно считал, что веснушчатую рожу никакая шапка не украсит.

В любом случае, убедиться в том, что пустошь — не место обитания полудиких головорезов, было приятно. Не знаю, чем бы кончилось мое здесь пребывание, окажись я среди тех, кто прикручивает жилами камень к палке.

Я обошёл дом вокруг и обнаружил, что окно всё-таки есть, но оно наглухо закрыто деревянными дверцами. Я подёргал их — дверцы не открывались. Подумав, зашёл внутрь, нашарил защёлку и всё-таки распахнул ставни. В комнату хлынул свет заходящего солнца, постепенно уходящего за горный хребет. Все же, признаться, здесь очень красиво: густой еловый лес у подножия величественных гор.

Стоп. Я неожиданно задумался. Почему это солнце прячется за горами? Здесь определено что-то не сходилось, но я не мог сходу сообразить, что именно. Я застыл, глядя на то, как на фоне закатного неба чётко очерчиваются величественные пики, и длинная тень накрывает темнеющий лес... и мысленно попытался перенести то, что наблюдал на известную мне карту мира. Получалось плохо. Вернее, не получалось ничего.

Итак, Ветроставный хребет Уттар-Таш идёт с севера на юг, разделяя северную пустошь на две области: холодную внутреннюю и жаркую внешнюю. Ближе к Ван-Елдэру он начинает круто забираться на юго-запад, следуя за движением небесного ветра. Во всяком случае, он никак не мог идти с запада на восток... даже с юго-запада на северо-восток, если я правильно оцениваю стороны света. Но сейчас я видел то, что видел. Движение солнца не может обмануть. И это определено самый настоящий горный хребет, его не перепутаешь ни с чем.

Следовательно — что?

Следовательно, это никак не может быть Уттар-Таш! Это другой горный хребет! И это не пустошь, пора уже признать это тоже. Это даже не выглядит как пустошь, будем честны, это лес и горы, а лес и горы пустошью не называют. Забери-ветер, куда меня закинули Архонты?!

Я растерянно посмотрел на Ногача, занятого, судя по всему, общением с деревьями — он то ли обнимался со здоровенной елью, то ли пытался на неё залезть. Вряд ли манекен знает, в каком мире он находится. В каком мире нахожусь я.

Я сглотнул, чувствуя, как по позвоночнику прошла нервная дрожь. Скрестил руки на груди, стараясь удержать подступающую панику. Так. Это не может быть другой мир, не так ли? Я знаю язык и понимаю окружающих. «В книжках герой обычно понимает язык места, куда попадает, проблемы почему-то возникают только с письменной речью», — память услужливо подкинула мне пищу для ужаса. Этого не может быть. Я сердито уставился на горы, будто они должны были немедленно повиниться и оказаться там, где им быть положено, согласно моим представлениям о географии. Ну, или пусть солнце тогда садится не на западе!

Природные явления оказались безучастны к моим страданиям. Я отвернулся от окна и обвёл глазами эту... зазимовёху. Над лежанкой была полочка с несколькими книгами на ней. Схватив одну, я судорожно её раскрыл. Если я и правда в другом мире, уж лучше быть уверенным в этом.

Буквы выглядели знакомыми, но слова для меня не значили ровным счетом ничего. «Пак чодыра», «кугу шоляш»... Буквы просто не складывались ни в какой осмысленный текст. Ни единого понятного слова! Даже намек на смысл!

Я отбросил книгу, схватился за лицо и издал вопль ужаса. Мне конец. Я в другом мире. Я никогда не вернусь домой, ни через пять, ни через шесть, ни через сто лет! Я застрял здесь навечно. Так вот что это был за огонь! Я не мог и представить, что Архонты способны на такое.

С другой стороны, зачем? Зачем отправлять меня в другой мир? Это как-то не вязалось со всем, что я знал об обычаях и нравах моих знакомых и родственников. В конце концов, я наследник. Не какой-нибудь серо-розовый бастард, от которого надо избавиться. Я — самый что ни на есть законный сын. Кровь потомственных алых ценилась очень высоко — из-за высокой выживаемости их детей во время нигредо. И уж точно она стоила выше шкуры какой-то там псины. Сослать на пять лет — это нормально. Сослать в другой мир, из которого я никогда не вернусь — нет.

Но горы! Буквы!

Буквы я понимал. Я не понимал слов. Что это ещё может значить, кроме того, что во время перемещения я разучился читать?

Я взял наугад еще одну книгу с полки. На удивление, она оказалась на знакомом мне языке. Заглавие гласило:

«Нунор и дева чёрного леса».

Недоумевая, я открыл её где-то в середине:

«... её налитые груди колыхались перед лицом Нунора, как пшеничное поле. Чёрный питон струился по её плечам, колокольчики на набедренной повязке наигрывали мелодичную мелодию в такт завораживающему танцу...»

Нунор! Ну конечно, кто не знает Нунора! Я когда-то читал книжечку о его похождениях

— было очень увлекательно.

От сердца отлегло. Отставить панику, Ройт, ты в своём мире. Просто не очень хорошо разбираешься в географии. А пустошь просто, оказывается, куда цивилизованнее, чем считают высокомерные Алые, для которых любой полис меньше ста тысяч — беспросветная деревня. А на самом деле, в зимнем домике в лесу местные охотники читают книжки, да ещё и на разных языках. Пора уже привыкнуть мне к тому, что пустошь — не то, что я думал раньше. Другой мир — да. Но не тот другой мир, что я было с испугу подумал.

Впрочем, убедиться в своих выводах все равно было необходимо. И помочь в этом мне мог сейчас только Золто. Я вышел из дому, сел с книжкой на заросшие травой ступеньки и начал читать с начала, в ожидании его прихода.

Золто явился, когда уже смеркалось. Я еле различал буквы, пытаюсь понять, что там такое дальше случилось с Нунором в диких джунглях — он как раз установил ловушку на гигантского первобытного крокодила, терроризировавшего местное племя пигмеев.

Золто устало плюхнулся рядом на ступеньки. Выглядел он взъерошенным и каким-то виноватым. Некоторое время он молчал, а затем, увидев книгу в моих руках, хмыкнул:

— Нунора нашёл?

— Ага, — я захлопнул книгу. — Слушай, Золто, у меня к тебе вопрос есть.

Золто тут же напрягся.

— Чего ещё? Если ты про...

— Нет, другой вопрос. Золто, а мы где?

— В лесу, — он кивнул на ели.

— А это что за хребет? — я показал на горы. — Как он называется?

— Это Суур-Леведыш. Вон та гора повыше — Кугуз-Канде. А что?

Это было плохо. Я никогда не слышал про Суур-Леведыш.

— А про Ван-Елдэр ты слышал? — спросил я наудачу.

— Как не слышать, слышал, — обиделся Золто. — Хотя и далеко он, а город известный.

Я выдохнул. Все-таки, мир наш. Несмотря на книжку, сомнения все равно оставались. И успел же я напридумывать себе несуществующих проблем!

— И насколько далеко?

— Ну, если на корабле плыть, то декад семь-девять. Если корабль новый, режущий. А на старом пузани ты и за пятнадцать не доплывёшь. Но это если отсюда. А из Ван-Елдэра к нам подольше плывут, как раз где-то пятнадцать декад.

Это звучало... очень далеко. Но не невозможно далеко. Но все равно далеко. Куда дальше, чем от пустошей до Ван-Елдэра. Я нахмурился:

— Ты говоришь, плыть? Но откуда? Морем тут что-то не пахнет.

— А ты собрался отсюда плыть, что ли? — Золто только закатил глаза. — С той ели отходить или с этой, капитан? Я про порт говорил. Слышал про такое?

Про такое я слышал. Значит, где-то есть порт, из него ходят корабли в наш славный город. В который мне, кстати, пока что все равно ходу нет. Но вот оказаться хотя бы в пределах знакомых названий уже было бы не плохо. Я неожиданно остро почувствовал всю свою оторванность от родных мест.

— Золто, а как мне попасть в порт? — поинтересовался я.

— А чего тебе там? — он только хмуро глянул на меня. — В Ван-Елдэр что ли собрался?

— Ну да.

— И что там делать? Будто нет ближе городов?

— Ты не поверишь, Золто, но я оттуда, — вздохнул я скорбно. — Мне надо домой.

— Почему не поверю? — тот тут же оскорбился. — По тебе видно вообще.

— Что видно?

— Что не наш.

Это, пожалуй, было довольно точное определение. Правда, такое же точно мне давали и в кварталах родного города. Причем, почти во всех. «Не наш» — ну и ладно. Теперь хотя бы у меня были какие-то представления о том, где я. Точнее, не где, а «насколько далеко».

— Ты говорил, тебя сослали.

— Ну да.

— Далеко сослали-то тебя, мы думали, из наших городов откуда-то. Я еще удивлялся, что городские совсем дурные пошли — даже про сыпучки не знают, а ты, значит, совсем не наш.

Вот заладил он про «не наш» — мне даже стало немного обидно. В конце концов, я не был виноват в том, что оказался здесь. Ну, то есть был, конечно, но Золто, похоже, не интересовали мои преступления. За это я был ему благодарен.

— Так как мне добраться туда?

— Ну, если через ближайший порт речной — это Почерма. До него две декады пешего пути где-то, — задумчиво произнес Золто, — два города до него еще по дороге будет: Вохотма-Удо и Кяськи. В Кяськи заходить не надо, там дурной народ.

Эти названия мне не говорили ничего. И звучали довольно непривычно. Куда же меня забросили?

— А крупные города какие ещё у вас есть?

— Крупней Почермы?

— Крупнее, да?

— Юхать Светлая.

Это название знали все. Крупнейший порт, как я помнил из уроков географии, город-пристань, буквально стоящий на воде, на самой восточной оконечности материка Яратир. Очень далекий от наших мест город. Но вполне себе цивилизованный — торговали с Юхатью очень давно и охотно. Я повеселел: перспектива побывать в таких необычных местах будоражила мое воображение. Все идеи насчет отшельников, ведьмаков и жизни в деревне окончательно испарились перед перспективой посещения шумного, экзотического города с улицами, магазинами, комфортом и развлечениями.

— А далеко до Юхати, Золто?

— Да уж, не ближний свет, — тот фыркнул.

— Мне надо туда.

— Всем туда надо, — Золто равнодушно пожал плечами и поднялся. — На покой пора, — объявил он мне. — Завтра дел много.

Каких еще дел, блин? Я хотел немедленно отправляться в путь. Город, люди и возможности — вот, что мне нужно, а не лесная жизнь в глуши! Я глянул на всё ещё занятого своими делами Ногача. Потом на горные вершины, за которыми уже совсем скрылось солнце. Начал дуть холодный горный ветерок. Ну ладно, возможно, путь навстречу городским приключениям придется отложить — хотя бы, на эту ночь.

11. Воспоминания и планы

Западный Яратир — теперь уж наверняка.

Золто растопил печурку, вскипятил на ней воды, и мы при тусклом свете масляной лампы поужинали сушёными яблоками из местных запасов, по очереди запуская руку в полотняный мешок и запивая их горячим травяным отваром. Не то чтобы полноценный ужин, конечно. Я, жуя кисловатые дольки, осторожно поинтересовался у Золто, что за язык был в той, первой открытой мной книге.

Оказалось, у местных было какое-то своё наречие, на котором уже мало кто разговаривал. Чтобы оно совсем не забылось, в местных школах проходили уроки «старояратирского», и выпускались учебники. Один из них и стоял на полке в зазимовёхе. Я был так удивлён существованием в такой глуши школ, что даже не спросил, зачем Золто потребовался в его тайном убежище школьный учебник.

После ужина пришло время спать, так как развлечений никаких не предполагалось. Золто занял лежанку, а в меня швырнул какими-то меховыми шкурами и кивнул в сторону лавки. Выбирать, впрочем, было особо не из чего. Я уместился, укутался, прислушался к треску поленьев в печи и почти сразу провалился в сон.

Снилась мне какая-то мешанина из всего подряд: ведьмаки, выступающие в Алом Суде, танцующие манекены в витринах Ван-Елдэра, охотящиеся за мной каменные собаки и бесконечные еловые ветви, лезущие в лицо.

Проснулся я от... пения. Золто чем-то стучал за окном и распевал, ужасно фальшивя:

В лЕсе в лЕсе да в лесЕ

Тондыра, чондыра!

Да во всей да во красе!

Тондыра, чондыра!

Не берёзка стоит — красна девица!

Кому песню споёт, кого поцалует!

Да, возможно моё суждение о необычайной цивилизованности местных жителей было слегка преувеличенным.

Не до конца разлепив глаза, я полез из душной зазимовёхи на свежий воздух и тут же врезался лбом в притолоку, упав от неожиданности. Загремели какие-то ведра, я поднялся и, пошатываясь, вылез на крыльцо.

Солнце стояло уже высоко, похоже, я проспал до полудня. Хотя, все равно, выспавшимся себя не чувствовал. Дома я любил спать до обеда.

Золто перестал петь и с ухмылкой оглядел на меня, отряхивающегося от пыли и щепочек. В руках он держал длинный деревянный кол с заострённым концом.

— Долго спишь, — бросил он недовольно.

Можно подумать, он моя мамочка!

— Вот, — он внезапно кинул мне кол.

Я увернулся, неожиданно для себя перехватив его в воздухе. Ухватистый и тяжёлый.

— Это что еще за палка?

— Оружие, — Золто пожал плечами. — Он буковый, прочный. Или ты с голыми руками собрался по лесу шастать? Так я не настаиваю.

— Оружие не хуже, чем Тянгыр у твоего бати, я смотрю — хмуро ответил я, покачав

палку в руке.

Лучше б он завтрак сделал мне, честное слово. Эту палку я смогу использовать, разве что, как ковырялку в земле.

— Ну уж извиняйте, господин хороший, что не нашлось у нас для вас Тянгыра-то! — завелся Золто. — Не нравится — давай сюда, на дрова пойдет!

— Сойдёт! — я вцепился в заострённый кол.

— Наконечник нужен бы, — Золто поджал губы, — но не нож же к нему мотать.

— Нужен, значит нужен, — решил проявить дружелюбие, согласился я. — Я в этом не разбираюсь. Скажешь — веник нужен, я и веник возьму.

— И веник бери, — усмехнулся Золто, — чем следы заметать будем?

Я нахмурился, пытаюсь это представить. Золто смерил меня презрительным взглядом и продолжил:

— В лесу я старший. Скажу иди — идёшь. Скажу лежать — лежишь. Скажу веник брать и следы заметать — будешь веник брать и следы заметать. Ясно?

— Погоди ветра гнать, Золто, — я прервал его самодовольный монолог. — Я и сам про шуточки над новичками могу книгу написать. «Великолепный Ройт и молокососы». Посоветуешь дурь, я в долгу не останусь.

Золто скривился.

— И как же городской, что в лесу не бывал, поймет, где дурь, а где дело?

— А ты за это не беспокойся, я вранье носом чую.

Золто недоверчиво на меня покосился, но промолчал. Я использовал свой самый сильный аргумент (действительно, не хотелось сталкиваться с деревенскими подколами).

— Я из Алого рода Айнхейн, в высшем свете иначе не выживешь — если не знаешь, кто врет тебе в глаза, а кто за глаза. И сам если врать не умеешь — тоже беда. Понимаешь, о чем я? Везде интриги и заговоры! — я скрестил руки на груди, сощурился и выставил вперед подбородок, изображая высокомерного аристократа. Да, понахватавшись словечек и манер в Белых и Серых кварталах, я уже не внушал своим поведением страх простому народу — чему был невероятно, признаться, рад.

— Высший свет? — Золто, впрочем, моей пантомимой впечатлить не удалось. — Кланяться тебе теперь, что ли?

— Кланяться не надо, — я, всё же, рассчитывал на другую реакцию. — Я, вообще-то, даже эссенцию хаотическую не принимал. И известен как бунтарь и борец за правое дело. За права угнетённых. За это меня, к слову, и изгнали. Да будет тебе известно, Золто, я борюсь ради таких, как ты, чтобы никакой знати не было вовсе, а все были равны, — гордо объявил я ему.

А вот это его впечатлило. Золто вылупился на меня. Только не с уважением, а так, будто я при нем признался в чем-то постыдном.

— Хорошо, что тебя изгнали, значит, — припечатал он неожиданно. — Нельзя, чтоб знати не было, а все равны.

— Это почему еще? — я опешил.

— Я, может быть, хочу хаотичку принять и знатным Алым стать.

Вот оно что. Впрочем, чего я еще хотел услышать от парня из леса? Идеи по реорганизации власти? Новую политическую философию? Вот уж вряд ли.

— Не выйдет, Золто. Алым ты, может, и станешь, знатным — нет, — пришлось его огорчить. — Тут право рождения.

Всё было не настолько просто, и, теоретически, какой-нибудь деревенский новоалый мог бы пройти все круги интриг и состязаний и даже стать, например, Архонтом. Если бы, конечно, он каким-то невероятным образом обладал восприимчивостью к великой эссенции, сравнимой с подобной у древних Алых родов. Однако, ничего подобного не случилось уже очень много лет.

— А на кой мне тогда хаотичку принимать?

— Ради могущества, например, — я пожал плечами.

На кой принимать хаотичку я и сам не знал. И не принимал. Но не так много Алых разделяли со мной мои взгляды.

— Я как думаю, — продолжил Золто, — накоплю я на хаотичку. Ну, эс-сенцию хаотическую. Так?

— Ну, так.

— И не помру. И вывернется мне ну очень удачно, например, даже, не знаю, молнии метать. Так?

— Ну, так.

Нет, не так, но мне не хотелось вдаваться в бессмысленный разговор с деревенским ведьмаком об Алых способностях и их применении.

— Но просто так я лишь искры пускать буду. А чтобы нормальные метать, тоже хаотичка нужна! Так? На каждую молнию — немного, да надо. Если за свои деньги буду брать, то я в такие долги влезу — во всю жизнь не расплачусь. А если ты знатный Алый — от налогов свободен, раз в две декады мне хаотичку выдают, в каждой лавке почтение, в кабаке захожу, бесплатно ем-пью-ночую, в армию пойду — сразу офицером берут.

Такие идеи были не новы. Многие, кто был далек от Хаоса, грезили о тех привилегиях и перспективах, которые им могла дать эссенция. Почему-то каждый из них был уверен, что он-уж точно выживет и получит невероятную способность. В результате общество Алых одного только Ван-Елдэра ежегодно пополнялось сотнями новоиспечённых хаоситов. Из тех, которые могли считать себя счастливыми, если им досталось умение опреснять морскую воду, а не щёлкать пальцами ног. И на каждого из них приходилось по четырнадцать мёртвых тел.

Эссенция Порядка, конечно, не могла дать способностей кидаться молниями. Только отнять у тебя жизнь, как произошло со злополучной собакой. Честно говоря, не то чтобы я был особенно горд этим своим поступком... Да, Порядок благоприятно действовал на неживую материю — мог укрепить камень, улучшить качество ткани, сделать оружие острым. Недавно разработанные начертания порядка, передающие от объекта к объекту тепло и движение, использовались повсеместно — в пирографах и мобилях, автоматах и станках. И чем, скажите мне, рукотворная молния лучше собственного мобиля?

Хаос манил неизвестными возможностями, шептал, что ты — тот избранный, который сумеет оседлать ветер. И да, такие избранные — были. Это был лотерейный билет, который мог дать тебе все, что-то, совсем ничего, что-то отнять или просто убить. Очень опасный лотерейный билет.

— А ты не боишься, что умрешь, приняв эссенцию? — поинтересовался я.

Ответ мне был известен, но у тех, кто живет за пределами Ван-Елдэра, я этого еще не спрашивал. Было любопытно, насколько в Золто корысть была сильнее страха.

— Кто ж не боится? — фыркнул тот, неожиданно повеселев. — Ты, вон, даром что алый, а принимать не стал!

— Я не стал принимать не потому, что боюсь! — возмутился я. — А потому, что я хочу понять, чего я стою сам, без хаотички.

— Ага, заливай больше, — Золто закатил глаза, — помирать неохота — вот и не вливаешь! А я бы не побоялся!

— Я бы все равно, даже если бы решил, что мне это нужно, сперва влил бы в себя совсем небольшую порцию, — зачем-то не к месту начал оправдываться я. — Мы приучаем себя к Хаосу постепенно. Знакомимся с его силой.

— Ну, когда родился в золотом дворце, можно и не торопиться, а когда твоя жизнь такая — он кивнул на нашу избушку, — тут не до раздумий.

Я закусил губу.

— Слушай, Золто, хочешь хаотичку? Если поможешь мне уплыть с Яратира, я тебе столько отолью, что по уши в молниях будешь! Настоящую, а не то, что у вас на рынках толкают!

— У нас хорошая, из Нор! — обиделся за своих барыг Золто.

— Из каких еще Нор? Дурят вас!

Эссенции собирали из ветра, несшего в себе два аспекта силы, с помощью Великих Печатей, расположенных на двойных башнях доменов — или обычных плетений. Правила их начертания были одним из величайших секретов Ван-Елдэра, а собираемая эссенция — едва ли не главным источником его богатства: она стоила огромных денег. Алые продавали воплощающую эссенцию — эссенцию порядка — свободно, но за распространением великой эссенции тщательно следили. Если становилось известно, что какой-то Алый продаёт хаотическую эссенцию на сторону без разрешения, его вызывала на поединок сама Охранительница Йис, с предсказуемым итогом. В результате клановые хаоситы получали регулярное «алое довольствие», а для Белого или серого одна капля великой эссенции стоила как пригоршня золота.

Конечно, несмотря на все запреты, существовал чёрный рынок, на котором храбрые и глупые Алые продавали свою дармовую эссенцию подешевле. Все это я терпеть не мог, если говорить начистоту. Требуется опытный специалист, чтобы отличить чистую великую эссенцию от разведённой. Бывало также, что человеку, желавшему влить себе в жилы хаотичку, продавали подкрашенный алой краской яд, вызывавший оцепенение и мучительную смерть. И что докажешь? Вошел, дескать, в нигредо и помер. Не повезло.

— В Норах ветра стоят, — повторил Золто уже сказанную им ранее фразу, — вот туда и ходят за хаотичкой и ладанкой. Опасно, конечно... вот они на живую твоего и позарились.

Ладанка? Ладная эссенция? Ну и словечко. Вот оно что... Теперь я, кажется, понял чуть больше. В лесной глуши на Яратире собирали эссенцию, неизвестно, какого качества, но, тем не менее, собирали. Любопытно, как к этому относятся местные власти. Конечно, я не мог догадаться, что такое «стоят ветра». А Золто не догадывался, видимо, что потомственных Алых, вроде меня, обучают искусству начертания плетений для сбора эссенции. Не то чтобы я мог делать огромные печати, как наши прославленные мастера, но азы знал.

И точно так же мне было очевидно, что если Золто, или кто-то вроде него узнает, что я это умею, то не видать мне родного дома никогда. В этом я не сомневался. Стоит мне прилюдно собрать хоть каплю эссенции, как меня тут же посадят на цепь, и буду я рисовать плетения до конца своих дней, а Золто или кто-то еще — богатеть на этом и радоваться. Не надо было быть мудрецом, чтобы увидеть эту перспективу. Поэтому я помалкивал.

Сейчас Золто думал, что я всего лишь богатый алый в беде, у которого есть свои запасы драгоценной хаотички. Этого достаточно.

— Я тебе дам ту, что в Ван-Елдэре собирают великие мастера! Чистый сорт! — предложил я снова. — Вот тебе слово Алого!

— Тебя ж прогнали, ты теперь не Алый, поди, — недоверчиво проворчал Золто.

— Титул не отнимешь, — я отмахнулся от него, — а через пять лет я и вовсе перестану быть изгнанником.

— Пять лет? Это же мне что, будет... двадцать три?

До такой глубокой старости Золто ждать не хотел.

— У меня есть друзья в Ван-Елдэре. Если мы с ними свяжемся, они найдут способ отправить эссенцию даже на Яратир, — предложил я новый план. — Что скажешь?

— Увидим, — Золто был не так прост. — Может, ты врешь все и никакой не Алый.

— А похоже, что вру?

— Не похоже, — честно сказал он, — но что легко добудешь хаотичку — не верю.

Похоже, для серых идея ценности и недоступности эссенции была слишком неколебима.

— Собирайся! — Золто поднялся на ноги. — Идти пора. До Вохотмы ещё дня три ходу.

Золто усмехнулся, заметив мою растерянность. Три дня по лесу?

Из «перегиба земли» выйти оказалось легче лёгкого. Сошёл с холма — и вот, ты снова у входа в овраг. Я ничего не почувствовал — даже голова не закружилась.

Шли мы по узкой, периодически пропадающей лесной тропе. По дороге Золто почти всё время молчал. Из-за того, что я долго спал, а утром вёл «праздные» разговоры, времени до темноты у нас оставалось не так много.

На удивление Золто, я выдерживал тот темп, который он задавал. Может быть, он и лесной житель, но вряд ли ему доводилось каждый день бегать по ступеням Алой Башни вверх-вниз. В какой-то момент мы даже начали состязаться в скорости; и, по прикидкам Золто, в результате мы прошли немало. Ногач поначалу бегал туда-сюда, то обгоняя нас, то удаляясь от тропы, но под конец пути словно бы даже устал, и плёлся позади — я даже опасался, что он отстанет.

Ночевать вышли к берегу тихой лесной реки. Это была моя вторая ночевка в лесу, но на этот раз мне было в разы спокойнее. Золто быстро развел костер, я натаскал дров (сухие ветви, толщиной не меньше, чем в палец). Ели мы собранные по дороге грибы вместе с сушеным мясом, кинутым в кипящую в котле воду. После целого дня, проведённого на свежем воздухе, мне показалась эта похлёбка очень вкусной.

— Расскажи про Ван-Елдэр? — неожиданно попросил Золто, когда я отставил пустую миску.

— Что рассказать? — удивился я.

— А все, что хочешь, я ж не бывал там, да и вряд ли буду.

— Ну, — я задумался. — В Ван-Елдэре немало красивых девушек, — решил я поддеть Золто.

Тот буркнул что-то неприличное. Я откинулся на спину и уставился на звёзды. В чистом небе они сияли ярко, и созвездия выглядели незнакомо. Впрочем, не сказать, что я так уж хорошо разбирался в этом хитросплетении небесных светил. Помнил только детские сказки про огромную печать из звезд, и, якобы, если увидеть все ее линии и повторить их

самостоятельно на земле, то можно призвать падение нового Храма — на этот раз, действительно огромного. Боюсь, правда, что такое падение неминуемо уничтожит наш мир, так что хорошо, что никто еще не сумел увидеть все плетение.

— Ван-Елдэр красив, — объявил я. — Высокие двойные Клановые башни Альг достигают пределов облаков и устремляются за них. Когда идет дождь, мы просто поднимаемся выше туч и можем наблюдать солнце или как сейчас — звезды.

— И много таких башен? — негромко спросил Золто.

— Одиннадцать, — хмыкнул я. — По числу Великих кланов. Но вообще-то башен больше, многие богатые Алые строят себе свои, кто-то даже вровень с некоторыми Клановыми.

— А твоя?

— Самая высокая, — улыбнулся я, с теплотой вспоминая сейчас родной дом, — ее построили много веков назад, и с тех пор почти каждый новый глава семьи достраивал новые ярусы.

— Ясно, — Золто закатил глаза, видимо, не слишком веря моим рассказам.

— В городе почти всегда идет дождь, или собирается пойти, или только что закончился. Мостовые из полированного камня блестят от влаги, и я постоянно оскальзываюсь, спускаясь к каналу. За каналом лежат Белые кварталы: стройные ряды светлых домов, изящные древние дворцы и разумно выстроенные мануфактуры и фабрики. А с другой стороны холма живут серые — они лепят свои дома как попало, так что в лабиринтах улиц можно легко потеряться.

— А чем люди заняты? — Золто снова заинтересовался.

— Кто — чем, — я пожал плечами, — работой, учебой, ничегонеделанием. Как по мне, самые трудолюбивые люди в Белых кварталах, они всегда заняты чем-то интересным — изобретают, экспериментируют, улучшают! Их вклад в благоустройство столицы огромен!

— А Алые?

— Алые обеспечивают порядок, приток финансов, законы, — я не слишком уверенно пожал плечами, — без нас город падет — так мне, во всяком случае, всегда говорили.

— А сам ты как считаешь? — Золто пошевелил дрова в костре. — Вот, ты исчез, падет там что-то?

— Вряд ли, — я покачал головой, — да и я сам считаю, что за технологиями и идеями Белых будущее, а Алая власть — рудимент, который только мешает развитию города и континента. Сам посуди — из-за идиотского правила, которое нигде даже не записано, меня сослали на целых пять лет ветра-разбери куда! А ведь я не сделал ничего дурного — не убил... человека, не предал, не украл! Хотя, на деле, убей я кого — вряд ли бы это так уж обеспокоило Архонтов...

— И чего ж ты тогда хочешь туда вернуться? — Золто недоуменно уставился на меня.

— Там мой дом, — я пожал плечами.

Золто на это кивнул. Судя по всему, такой ответ его вполне устраивал.

12. Рыкташи

Пришло время ночлега.

Под руководством Золто я расстелил сшитые вместе шкуры, занимавшие большую часть моей сумки, и улёгся, завернувшись в них. Золто расположился с другой стороны костра. Ногач застыл молчаливой фигурой, прислонившись к дереву. Интересно, нужно ли ему спать? Или он просто подражает нам?

Спал я беспокойно, несмотря на дневную усталость: не привык так рано ложиться, если честно. Меня все время будил то плеск воды, то шум ветра, то какие-то другие посторонние звуки. Наверное, поэтому я услышал то, что побудило меня открыть глаза.

Звук. Он выбивался из уже привычной мне мешанины лесного шума. Это было что-то другое — не похожее на те звуки, что я слышал уже час или два.

— Золто, — шепнул я, — Я что-то слышу.

— Я тоже, — тут же отозвался он, и приложил палец к губам.

Я встревожено вслушивался. Звука не было. Осторожно сел, выпутываясь из шкур, огляделся. В полумраке белел небольшой пляжик в излучине речушки, на котором мы остановились. До другого берега было алда четыре, не больше, и там, прямо у воды, начинался густой ельник — темный и непролазный. Я понял, что звук шёл оттуда.

Звук повторился. Сейчас я точно мог сказать, что где-то там, за этой темнотой впереди треснула ветка. Я глянул на Золто — тот весь подобрался, привстал и устремил пристальный взгляд на тот берег. Я тоже уставился туда, но ничего, кроме деревьев различить не мог, а те казались лишь темной стеной.

— Ходит кто-то, — шепнул Золто. — Живой.

Я повернулся к нему и отшатнулся от неожиданности: глаза Золто неярко, но отчётливо светились в темноте жёлтым светом.

Интерес к этому нечту, ходившему на другом берегу, тут же был вытеснен на второй план.

У Золто светились глаза! Ветра безумия, что это вообще?!

Я негромко ахнул.

— Что? — Золто резко крутанулся на месте, думая, видимо, что я заметил что-то у него за спиной.

— Твои глаза светятся, — тихо озвучил я свои наблюдения. — Это такая болезнь, или ты проголодался и хочешь меня съесть?

— Ночное зрение, — бросил тот, заметно расслабляясь. — Ведьмачье это.

— А-а-а, — протянул я, делая вид, что понимаю, о чем речь. — А там что? — я вспомнил про другой берег.

— Рыкташ, — пояснил Золто.

Никаких рыкташей я не знал и недоумённо поднял брови — забыв, что ведьмак меня не видит в темноте. Впрочем, ах да, он же всё-таки видит меня в темноте!

— Большой меховой свин. Землю роет, пожрать ищет.

— И что? Он опасный?

— Сам смотри.

Я перевел взгляд на тот берег. Сначала в темноте ничего не было видно, а затем Якшар вышла из-за облаков. Как раз в этот момент огромная, около алда в холке, тёмная зверюга

с фырканием вылезла из лесной чащи, вошла в воду и начала хлебать. Выглядел рыкташ так, как и описал Золто — здоровый, бочкообразный волосатый кабан.

— Похоже, ему нет до нас дела, — заметил я, чуть понаблюдав за зверем.

Он плескался у бережка, выражая низким хрюканьем полное довольство жизнью. Вода журчала, омывая его ноги. Картина выглядела мирно, если бы зверь не был таким гигантским. Кабаны, вроде, не хищники, а питаются грибами и ягодами? Или нет?

— Он не один, — Золто продолжал светить своими глазами. — Там семейство.

— А где... — начал было я, но тут услышал треск и хрюканье — и сразу после этого — увидел огни за деревьями. Они зажглись сразу цепочкой, окружая со всех сторон место, где купался кабан.

— Загоняют!

Золто вскочил на ноги и стремительно сложил свое имущество. Я спешно последовал его примеру, неуклюже запихивая свои шкуры в сумку, висящую на плече. Какой-то мешочек выпал и покатился по склону в воду. Я понадеялся, что в нём не было ничего важного.

— Бежим!

На том берегу послышались пронзительные звуки дудок и зычные окрики людей. Рыкташ поднял голову, взревел на весь лес и ломанулся через речку прямо на нас. Вслед за ним из-под крон выскочило ещё несколько таких же свиней поменьше, и тоже плюхнулись в воду.

— Валим! — Золто дернул меня за руку.

— Ногач! Пошли отсюда! Скорее!

— Ногач о себе позаботится! Уходим!

Я, не споря больше, понёсся вслед за Золто. Он взбежал на холм, оглянулся и невероятно быстро взобрался по стволу растущей там высокой разлапистой сосны и уселся в развилке. Я попытался последовать его примеру, но сухие ветки, в которые я вцеплялся, обламывались под моими руками.

— Лезь вверх, дурак! — заорал Золто. — Тебя ж стопчут!

Я подпрыгнул, что было сил, и обхватил ствол руками и ногами, повиснув на высоте около полуалда. Эх, не тому меня учили в академии! Подтянувшись изо всех сил и перехватившись, я выиграл пару ладоней, но зацепился одеждой за какие-то сучки. Рыкташ, полагаю, мог бы при желании разорвать меня пополам, оставив мне только голову с намертво вцепившимися в дерево руками. А вот и он!

Великие ветра, теперь он выглядел ещё огромнее! Я рванулся вверх, одежда затрещала, но выдержала. Я приготовился к смерти.

Внезапно на пути кабана оказалась небольшая, почти детская фигурка. Ногач!

Я был уверен, что Ногач сейчас полетит вверх тормашками в небеса, но он прямо перед носом рыкташа сделал какой-то невероятный кульбит, который я видел только у акробатов, упёршись одной рукой в землю — и запрыгнув кабану на спину.

Неожиданно для себя я обнаружил, что уже сижу в развилке сосны вместе с Золто. Под нами разыгрывалась диковинное представление. Ногач сидел на рыкташе, обхватив его ногами, а рыкташ носился кругами по поляне и ревел жутким голосом — так, что у меня заболели уши. Дальше рыкташ повалился на бок, вскочил, побежал к стволу нашей сосны и с размаху ударился о него башкой. Дерево зашаталось, как от порыва урагана. Затем рыкташ вскочил, снова упал, повалившись на другой бок, и затих.

Я присмотрелся. Ногач одной рукой тянул со спины кабана что-то белое, а другой

быстро-быстро взмахивал ножом. Во все стороны летела кровь.

«Он его свежует!» — понял я с ужасом.

Вот тебе и весёлый игривый манекен. Хорошо, что он при первой встрече со мной не выказывал такой ловкости.

Я посмотрел на Золто, чтобы убедиться, что он видит то же, что и я. Сияющие глаза ведьмачьего сына едва не вываливались из орбит, рот распахнулся. Я думал, такие выражения лиц встречаются лишь на картинках неопытных художников

Он хотел что-то сказать, но осёкся. Перевёл взгляд на меня.

— Ты... ты как с ним справился? Ты же говорил, он мирный!

— Да, — я протянул. — Он мирный.

Я вспомнил шкуры, в которые был с самого начала одет Ногач, и подумал, что занятие это для него не новое:

— Это он себе одежду делает.

Золто поперхнулся.

— А нож он где взял?

— Откуда мне знать, — удивился я.

Мелкие свинки — ну, точнее, очень большие кабаны, но по сравнению с рыкташем они выглядели поросятами — увидев, что случилось с их предводителем, разбежались кто куда. Даже дудки на том берегу замолкли, вероятно, поражённые таким диким рёвом.

Какое-то время мы сидели на сосне. Ногач орудовал ножом, стягивая шкуру с рыкташа.

Золто проговорил, глядя на увлечённого работой Ногача:

— Ты как хочешь, но я отсюда не слезу, пока он с ножом.

Я хмыкнул. В принципе, я разделял его позицию, но, как только ее высказал Золто, пришлось передумать и слезть.

Это оказалось проще, чем я думал: достаточно было выбрать сучки потолще и не ожидать, что если ты ошибёшься, тебя проглотит чудовищный кабан. Тебя просто тихо и мирно обдерёт обезумевший манекен... спокойно, Ройт, спокойно.

Ногач скрежетал и цокал, обдирая свой трофей. Я нарочито спокойно подошёл к нему.

— Дружок! — сказал я, выбирая тон помягче. — Какой ты молодец! Завалил такую зверюгу! Без тебя мне было бы несдобровать.

— Скыырлы цак цак, крррр, — самодовольно проговорил Ногач.

Затем протянул мне кровавую руку.

Я машинально взял её и пожал. Ногач вернулся к работе, а я уставился на свои пальцы. Они были сухими и чистыми, хотя я был уверен, что его прикосновение оставит кровавый след.

Золто тихо подошёл ко мне и потрогал за плечо. Я подскочил от неожиданности.

— Нам надо быстро валить отсюда, — сказал он. — Это Сайбаровы ребята. Пусть живуля твой разделяет пока, чего.

Оставить Ногача в лесу?

— Они пристрелят Ногача и распилят его, — зло ответил ему я. — Не знаю, как ты, а я Ногача не брошу!

— О чём спор? — вежливо поинтересовался Сайбар, выходя из ельника со здоровенным прадедовским мушкетом наперевес.

Вслед за ним из леса вышло ещё четверо с такими же огромными самопалами — и ещё

один, с белым охотничьим псом на поводке.

— Здорово, Сайбар, — хмуро произнёс Золто.

Глаза его перестали светиться.

— Я смотрю, вы из-под загонщика дичь переняли, — усмехнулся Сайбар, укладывая мушкетон на плечо. — Да ещё и самку убили, а молодёжь распугали. Это не по вежеству. Опять ты нам, Золто, должным оказываешься.

Я решил встрять, хотя глядеть на эти ручные пушечки было весьма тревожно.

— А почему вы кабанчика на нас погнали? Мы тут спали вообще-то.

— Дык всё общество знает, кроме тебя, городской, что мы тут сонного осеннего зверя бьём. И ты небось знаешь, Золто, сын Сандака. — последнее слово он особенно иронично выделил. — Хотел зимней охотничьей тропкой от нас смыться?

Золто мрачно молчал.

— Удачно, однако, вышел зверь на вас, а? — Сайбар недобро оскалился. — Ну, пойдём теперь, потолкуем.

Спорить с тяжеловооружённым противником совсем не хотелось. Я посмотрел на Сайбара... посмотрел на Золто... посмотрел на Ногача, которому как раз вздумалось перевернуть на бок мёртвую тушу рыкташа, чтобы продолжить освежевание. Он оперся ногами о землю и толкнул её обеими руками.

Я никак не мог понять до этого, насколько силён — невероятно силён — Ногач. До этого момента.

В полуободранном тулове, истекавшем жёлтым жиром и кровью, была, наверное, добрых сотня данхов веса. Когда манекен толкнул его, она подпрыгнула, как мячик, перевернулась несколько раз, скатилась с берега и плюхнулась в воду. Ногач удивлённо посмотрел на дело рук своих, а потом поскакал за ней.

Живуля там или не живуля — что там хотел от нас Сайбар, мы так и не узнали, потому что охотничьи инстинкты в сайбаровцах возобладали.

Поминая вонючие ветра, сайбаровцы побежали вслед за тушей, вылавливать её из воды, собака метнулась белым пятном, тонко влаивая. Золто подхватил обе сумки на одно плечо, схватил копьё и, похоже, вознамерился дать дёру, не дожидаясь меня.

Я подбежал к нему и ухватил за локоть. Куда!

— Пусти, дурак, — замахнулся он на меня кулаком.

Я пригнулся, Золто попытался пнуть меня ногой. И попал.

В то время как остальные, ругаясь, лезли сквозь ельник, один из сайбаровцев направился к нам, направляя на нас самопал.

— А ну стой! — гаркнул он, сорвавшись на фальцет.

Золто с ошалелыми глазами продолжал вырываться, никого не слушая. Мужик перехватил самопал, приложил его к плечу.

— Стой спокойно, дурак, застрелю!

Я отпустил Золто, и тот рванулся — но, почему-то, не в лес, а на мужика. Тот выругался, я услышал металлический щелчок. Что-то завертелось на прикладе, в древней дуре что-то зашипело, и впавший в отчаяние Золто, размахнувшись, полоснул мужика своим самодельным копьём.

Оно вонзилось ему куда-то в плечо, вышибло оружие из руки и пропахало длинную борозду через его живот. Упавший на землю самопал с негромким хлопком выплюнул пыж.

Я застыл.

Мужчина схватился за живот и сказал довольно высоким голосом:

— Ой-ой-ой.

Кровь хлестала у него между пальцев, и он повторил ещё раз, почему-то низким голосом:

— Ой!

Лицо у него искривилось, и он проныл:

— Ну, помогите же мне, я ранен!

Ведьмачонок стоял недвижимо, держа копьё перед собой на вытянутых руках. Мужик поднял на нас молящий взгляд, упал на колени, потом повернулся набок, свернулся калачиком и застыл.

В этот момент в Золто что-то щёлкнуло, как в Ногаче, он повернулся и припустил стремглав через лес. Я побежал за ним, пытаюсь не потерять его из виду.

Золто несся, не разбирая дороги. Позади нас слышались крики и ругань, но вскоре они остались позади — ведьмаку будто сами ветра помогали, так быстро он бежал. Поразительно, что я и сам почти не отставал, каким-то образом ловко перепрыгивая коряги и камни. Очень помогала Якшар — ее свет не давал потерять Золто из виду в чаще. Возможно, помогало и то, что Золто тащил обе сумки и копьё, а я был налегке.

Мы бежали и бежали; Золто не знал устали. Ноги уже заплетались, я опасался, что при очередном прыжке я упаду и сломаю себе что-нибудь.

— Золто! — заорал я, срывающимся голосом. — Золто, подожди, прошу!

Он обернулся, застыл. Я тоже остановился, выдохнул.

— Золто, не убегай, я ж не догоню тебя, сгину тут один!

Я медленно побрел к нему, оскальзываясь, натываясь на каждый камень и кочку. Сердце в груди готово было прорвать ребра. В горле полыхало огнем. Только сейчас я понял, какая это была полезная для меня тренировка — подниматься на семьдесят первый этаж каждый день. Золто с перекошенным лицом стоял, глядя в пространство.

— Мы хоть отсюда выберемся, а? — я подошел к нему и устало привалился к ближайшему стволу дерева.

Золто молчал, видимо, тоже отдыхал.

— Ты сядь, — мне стало его жалко, — так бежали — никаких сил не хватит.

Что-то было не так. Золто все так же стоял столбом, и я занервничал.

— Эй, Золто, ты чего? — я поднялся и осторожно тронул его за плечо.

— Я его убил, — произнес он еле слышно.

Вот оно что! Я мысленно отвесил себе затрещину. А ведь и правда — Золто только что на моих глазах заколол человека! Я похолодел, вспоминая детали того, что случилось на берегу. Неудивительно, что парень сейчас в таком состоянии.

— Это был несчастный случай, — выдал я, чтобы как-то сгладить ситуацию. — Он первый начал, а ты защищал себя. Я всё видел и могу это подтвердить.

Золто повернул ко мне голову. Глаза блестели, но не от ведьмачьих умений.

Мне стало неловко и жутковато одновременно. Не знаю, что можно сказать тому, кто только что вспорол человеку живот самодельным копьём. Алые частенько убивали друг друга в поединках, Белые — на дуэлях, и, в принципе, я не был склонен очень переживать по этому поводу. Но что я мог сказать? «Да ладно, все так делают?»

— Золто, послушай, это ведь...

Золто, не слушая, побрел по лесу, опустив голову и не разбирая дороги. Мне ничего не

оставалось, как следовать за ним. Интересно, как там Ногач? Наверное, Сайбаровы ребята его уже забрали. Стало тоскливо. Якшар светила все ярче. Мы выбрались на какую-то поляну, сплошь покрытую мелким кустарником и каким-то кочками.

— Золто, — начал снова я, — подожди, давай отдохнем хоть...

Я шагнул к нему, положил руку ему на плечо. Он резко обернулся, шагнул ко мне, замахнулся кулаком и вдруг рухнул вниз, утягивая меня за собой. Земля под нами неожиданно превратилась в скользкий песок, осыпавшийся под нашими ногами.

«Сыпучка!» — успел подумать я, проваливаясь под землю.

Мы упали на пару алдов вниз. Я рухнул спиной на песчаную кучу и теперь ощущал, кажется, каждую мышцу и косточку в своем теле. В голове гудело — я приложился неслабо. Перед глазами все плыло. Рядом тяжело дышал Золто.

Над нами зияла дыра, через которую продолжала светить Якшар. Я смотрел на нее, довольно лениво размышляя о том, как же нам выбраться на поверхность, когда заметил, что дыра начинает потихоньку затягиваться. Внутри меня все похолодело. Нас засосало в землю и теперь замурует!

Я резко сел, тут же застонав. Осторожно ощупал свой затылок: никаких слипшихся волос, никаких темных пятен на пальцах. Ну, хотя бы я не раздробил череп. Шишка обещала быть громадной, но кажется, это не смертельно. Руки и ноги у меня двигались, хотя очень этого не хотели.

Я поднялся на ноги и огляделся. Судя по всему, мы попали в подземную пещеру. Было почти ничего не видно, и понять размеры нашей ловушки я не мог.

— Золто, — я оглянулся на своего спутника.

Тот сидел, тоже потирая голову и ошарашено озираясь. Ну, по крайней мере, к нему вернулся его живой взгляд. Те жуткие пустые глаза, что смотрели на меня в лесу после пробежки, я видеть больше не хотел.

— Мы провалились под землю из-за сыпучки. Ну, ты говорил о них, — привлек я его внимание. — Там наверху, — я показал на сужающуюся дырку. — Скоро она закроется, надо выбираться.

— Не выйдет, — глухим голосом отозвался Золто.

— Я думаю, если ты меня подсадишь, я могу выкопать эту яму обратно. Копьем! — предложил я, подхватывая с земли копьё Золто. — Ты же сам говорил, сыпучка растревожится и начнет движение, а мы ей поможем!

— Не выйдет, — повторил Золто все с той же интонацией.

— Да почему не выйдет-то? — рассердился я. — Мы под землей, надо выбираться! Полезем наверх и все!

— Мы не под землей, Ройт, потому что, — Золто медленно поднялся. — Мы угодили в Норы.

Золто безуспешно пытался стряхнуть с себя налипшие на одежду пыль, грязь и еловые иголки. Его лицо выражало сейчас какую-то болезненную решимость.

— Норы? — переспросил я. — Те самые Норы? Ты уверен?

— Да, — Золто как-то заторможенно повернулся ко мне.

— А что теперь...

— Не знаю! — заорал он внезапно. — Ничего теперь! Конец!

Золто сбил меня с ног мгновенно, ударяя кулаками сразу в нос и под ребра.

— Это все ты! — вопил он срывающимся голосом. — Ты влез и все испортил! Все из-за

тебя!

Нецензурщина перемешку с обвинениями сыпались с каждым новым ударом. Я отбивался, не пытаясь вслушаться в его вопли. Он тоже наверняка себя не слышал: глаза полыхали желтым, черты лица исказились в яростной гримасе. Казалось, он хотел и меня тоже прикончить.

— Хватит! — взвыл я, снова сильно приложившись затылком. — Штиль! Мы так убьем друг друга!

Золто резко отшатнулся, разжал пальцы, которыми только что пытался меня удушить, сел.

— Это все ты, — хрипло сообщил, отворачиваясь.

Я сел, чувствуя, как болью отзывается чуть ли не каждая косточка в моем теле. Видимость вокруг была уже почти никакая. Больше всего хотелось прикрыть глаза и отключиться от всего, что меня окружало. Отключиться и очнуться где-то, где я бы чувствовал себя хорошо. Например, дома.

Странный звук вывел меня из этих мыслей. Я оглянулся и понял, что Золто плачет.

13. Норы

Какое-то время мы с Золто так и сидели на земле. Он негромко всхлипывал, а я мрачно глядел в темнеющее пространство. Обсуждать наше положение не хотелось. Не тогда, когда я был избит, устал, а мой напарник по несчастью — в слезах.

Постепенно он затих. Вероятно, мы оба на какое-то время все-таки забылись сном. Во всяком случае, когда я открыл глаза, свет, идущий из уже совсем маленькой щели наверху был светло-серым, скорее всего, рассветным.

Я, кряхтя, поднялся на ноги и, задрвав голову, уставился на наше «окошко в мир». Добраться до него казалось невозможным. У другой стены пещеры зашевелился Золто. Я глянул на него — он ответил мрачным кивком. Судя по всему, сил на разговоры у него еще не было.

Я пожал плечами и огляделся. Справа и слева от нас зияли черные дыры, похожие на входы тоннель. Название Норы им очень подходило.

Я решительно подошел к одной из них. Темнота не давала рассмотреть ничего дальше, чем на расстояние вытянутой руки. Недолго думая, я шагнул вперед.

— Ты чего?! — Золто ожил, подскочил и рванулся ко мне.

— Ничего, — я шагнул обратно. — Думал, мало ли, это лишь со стороны кажется, что там так темно.

— И?

— Не кажется.

С минуту я размышлял, глядя в темноту.

— Тьма — это великая чистота, — озвучил я вслух пятую максиму.

— Чего?

Золто уставился на меня в недоумении.

— Неважно.

Я отошел от входа в коридор. Если из этих Нор и есть выход, без света найти его нам не удастся. Золто умел видеть в темноте. Я тоже умел кое-что.

— Слушай, Золто, у тебя есть что-то пишущее? Кисть, перо? Может, ножик?

— Ну, ножик есть. Как писать-то будешь им?

— Давай сюда.

Идея, пришедшая мне в голову, казалась разумной. Ну, хуже-то всё равно уже не будет.

Ножик у Золто был острый. Я полез в сумку и откочерыл здоровенный кусок спальной шкуры. Расстелил на полу пещеры и при первом нажатии продырявил ее насквозь.

Я перехватил нож так, чтобы лишь царапать самым кончиком. Так кожа резалась на ура, но плетение выходило откровенно слабоватым. Что и говорить, в Академии я был бы крепкий середнячок... если бы прогуливал меньше. Меня хвалили за твёрдую руку, но линиям моим не хватало «подлинной страсти». Впрочем, сейчас мне не нужно было собирать Хаос, мне нужен был только свет, а его дают даже самые паршивые плетения.

«...и плетенья печатей, как солнца в ночи, посылают на город сиянья лучи...»

Раз-два, штрих вверх, поворот; два-раз, штрих поверх штриха, раз-два-три-четыре — два штриха кривой линией, завершение узорного элемента — один есть. Теперь эпициклоида... Линии мои светились из рук вон плохо. Где-то желтым, где-то болезненно-зеленым, а где-то красным — пережал, скоро потухнет, если не скрепить вовремя печатью.

— Это что за вытварь такая?

За своим занятием по созданию источника света я совсем забыл про Золто. А он тем временем подошел ко мне и таращил свои жёлтые глаза на светящиеся порезы. Ну, пожалуй, если не знать, что происходит, то можно и удивиться. Я царапал шкуру ножом, и вслед за этим движениями из разрезанной кожи проступал тускловатый и неровный свет. На самом деле, линии начали светиться только после завершения значительной части узора, но, когда Золто подошел, уже две трети работы были сделаны. Интересно, этим можно собрать хоть что-то? Надеюсь, мои учителя никогда не увидят это убожество.

— Это не вытварь, Золто, а великое искусство, — гордо сообщил я ему, делая завершающий узел.

Поразительно, но плетение вспыхнуло, сложившись в закреплённый узор. Не жажнуло на всю площадь нашей пещерки, но осветило достаточно. И теперь более-менее стабильно мерцало.

— У тебя глаза светятся, а у меня — печать, — я встал с колен, прорезал в верхней части кожи дырку и надел её на грудь на манер передника. — Так и пойдем — каждый светит чем может.

Не дожидаясь его ответа, я выбрал направление наудачу и шагнул в левый коридор.

Он сильно отличался от той ямы, где мы только что были. Это был действительно коридор — высотой примерно два алда. Проём был шестиугольной формы. И стены, и пол были из гладкого тёмного камня. На полированных поверхностях отражался свет плетения. Очевидно, этот тоннель был не природного происхождения — вода не протачивает геометрические фигуры.

Стоило мне пройти пять-шесть шагов, как Золто подбежал ко мне и молча зашагал рядом.

Было тихо. В том месте, где мы сидели, всё время похрустывала закрывающаяся воронка сыпучки, но здесь не было никаких звуков, кроме наших шагов. Тишина была густой, вязкой. Я поёжился из-за влажного, прохладного воздуха.

— Так, Золто, — начал я, — а что здесь, собственно говоря, есть? Ну, что ты слышал?

— Всякое, — угрюмо ответил он.

— Ну, безопасно, хотя бы, идти как мы идём? Или там, не знаю, красться надо? Может, свет пригасить?

— Не знаю, не был.

Золто отвечал по своему обыкновению немногословно, кося взглядом на сияющее плетение.

— Ветра, а что ты знаешь?

— Немного, — со вздохом отозвался Золто, — только что норщики говорят.

— И что они говорят? — поторопил я его.

— Что монстры здесь, — Золто скривился, — и что опасно.

— Пока кажется, что нет, — заметил я с улыбкой, — может, врут, чтобы другие не ходили?

— Не врут, — Золто покачал головой, — тут и мрут, и пропадают, и еле живых вытаскивают.

— Золто, слушай, а ты хоть примерное направление отсюда на выход знаешь?

Золто смотрел на меня таким злобным взглядом, что мне стало не по себе. Я не мог понять, что же его так сильно бесит, и от чего эта злость только усиливается с каждым

нашим новым диалогом.

— Надо наверх идти, — озвучил очевидное Золто. — Норы уходят вниз под горы.

А вот это было паршиво. До предгорий было совсем недалеко. Я представил себе, как окажусь в бесконечных темных коридорах под горами — вот это, пожалуй, самая безвыходная из всех возможных ситуация.

— Наверх мы идти не можем, тут коридор один пока что.

— Там впереди развилка, — Золто сверкнул своими глазищами.

Хорошее умение, ничего не скажешь. Мое плетение освещало не слишком много, и развилки я пока не видел.

— Ясно, значит, будем выбирать ту дорогу, что идет вверх, — кивнул я, — еще что?

— Есть зарубки норщиковские, — неуверенно произнес Золто, — я сам не видел, но так говорят. Они себе знаки оставляют, чтоб с пути не сбиться. Помечают, где ладанка, где хаотичка и как выйти.

— И мы, конечно же, заметим эти знаки? — с надеждой спросил я.

— Должны, коль не слепые, — Золто пожал плечами, — людьми для людей же делалось.

— Отлично! — я приободрился. — Значит, будем искать.

— Норы далеко идут, можем никогда не найти тех троп, что норщики пометили, — мой спутник, как всегда, был полон оптимизма.

— Да нам бы хоть до развилки добраться, — проговорил я ровным голосом, — тут на каждом шагу какая-то, как ты изволишь выражаться, вытварь.

Золто оживился.

— А да, это что, и правда алое плетение на тебе?

Какой, однако, сведущий житель леса. Не вызвало бы это проблем в будущем.

— Именно, — вздохнул я.

— И оно может хаотичку собирать? Как большое?

Я задумался, не соврать ли. А... ветра, мы и так в Норах, если ещё начнём друг другу врать — точно не выберемся.

— Теоретически. В смысле — ветра знают, то ли может, то ли нет. Оно маленькое и слабенькое. Я не большой мастер в изготовлении плетений.

Золто хмыкнул и промолчал. Какое-то время мы шли в тишине.

— А если с монстром столкнемся, что делать надо? Драпать? Биться? — решил я прервать затянувшееся молчание.

— Можешь начинать думать, — тихо сказал Золто и жестом указал вперёд.

Я увидел впереди лежащую у стены тоннеля тёмную массу. Золто придержал меня.

— Что это, — спросил его я.

— А шгиль его знает, — отвечал мудрый ведьмачий сын. — Смелый такой — сходи сам проверь, а я тебя тут обожду.

И это мой верный и храбрый спутник? Поминая нечестивые ветра, я осторожно приблизился.

У стены лежал дохлый баран, поросший какой-то травой.

— Золто, это мёртвый баран, спокойно иди, — крикнул ему я.

Баран пошевелился, и я стремительно ретировался.

— Баран не мёртвый, не иди, — предупредил я Золто, отбегая.

Золто и не собирался. Напротив, наплевав на командный дух, он припустил прочь, я за

ним. Мы пробежали, наверное, с полсотни алдов и остановились. Я прислушался.

Послышался быстрый цокот копыт.

Плохо дело! Я достал нож. Золто тоже остановился и взял копьё наизготовку. Баран стремительно приближался, и я увидел, что трава — или то, что я принимал за траву — торчит из его шерсти, как иглы.

Он задел боком стену коридора, и иглы высекли из камней сноп искр. Баран, поросший железом? Прекрасно! Почему он не мог порости мягким пухом, а?

Я начал отступать, но тут баран остановился, глядя на нас мёртвыми, пустыми глазами. Иголки на его шерсти медленно опускались.

Золто выругался и плюнул.

— Это тварь. Пронесло.

— В смысле, тварь?

— Ну, это баран. Он был живой, но в него ладанка попала. Теперь он вот такой. Стоит, своё поле стережёт, но за поле не выходит. Незачем ему.

Хм, то есть, он вроде той злополучной собаки Ликса.

— То есть, твари не атакуют, если ты не заходишь на их поле?

— Какие как, — неопределённо отозвался Золто. — Но твари попроще живуль. Если умеючи, то их можно бить. Значит, это ладный коридор, тут всё — твари. Звери, а может, и люди бывшие.

— Ладный коридор?

— Здесь ладный ветер стоит, значит.

— Ты же говорил, что не знаешь ничего!

— Ну, что-то да рассказывали, — он протянул. — Да только врут же все почём зря. Чего там поймёшь.

Баран стоял, не шевелясь.

— Так. А мы можем этого барана прикончить? Например, камнями его закидаем?

— Если мы его бить будем или чуть ближе подойдём, то он взъярится и на нас бросится. Тут поле не поле, а пойдёт на нас.

— А если ты копьём в него кинешь и убьёшь? Это может сработать?

— Толку-то. Видишь, баран железный. Значит, копьём его не возьмёшь.

Так. Упорядоченный баран. И воздух здесь «стоит» упорядоченный. Интересно, наши мастера вообще слышали про такое? Сколько себя помню, ветер всегда был двусоставным.

Вернемся к барану. Что мы знаем о баранах? Их едят, и они дают шерсть. Ещё барашек говорит «бееее», как меня в детстве учила мать по букварю, где были изображены животные....

Мне в голову пришла идея.

— Слушай, Золто, а если мы в шкуры завернёмся и на четвереньках пойдём, он нас за стадо не примет?

Золто вылутился на меня, как на безумца.

— Ну, смотри. Это же баран, по сути, только мёртвый и тупой. Они же стадо не трогают? Нет? Если мы завернёмся в шкуры, пойдём и будем говорить «беееее», он, может, нас и пропустит.

— Да ну, срамиться!

— Перед кем? Перед мёртвым бараном?

Я решительно извлёк свою спальную шкуру из сумки и попытался в неё завернуться.

Края шкуры болтались, и она сползала.

— Есть чем перепоясаться?

Золто достал моток верёвки и отрезал мне кусок. Я ухитрился затянуть на себе петлю и завязал узелок.

— Шкуры-то оленьи, — хмыкнул Золто.

— Тише, — отозвался я, — барану это знать не обязательно.

Опустившись на четвереньки, я медленно пополз, издавая негромкое бляение. Шаг за шагом я приближался к барану. Он не подавал признаков жизни. Получилось? Я гений, мастер обмана! Не зря мне букварь в детстве читали с картинками — пригодилось! «Как говорит барашек? Беее!»

Яростное веселье охватывало меня все больше. Если баран все-таки решит меня сожрать или исколоть иглами, то это будет самая смешная смерть в истории. Я представил себе заголовок: «Несчастный случай! Высокородный Алый был съеден при попытке обмануть мертвого барана. Молодого человека нашли, завернутым в шкуру оленя, по предварительным данным, он пытался...»

— Бееееее, — прозвучало за моей спиной.

Ведьмак решил последовать моему примеру? Я обернулся и увидел завёрнутого в шкуру Золто, стоящего на четвереньках. Куда искуснее завёрнутого в шкуру, чем я, должен признаться.

Затем грюкнуло что-то железное. Баран встрепенулся и застучал иглами. Я увидел, что Золто тащит копьё. Мой-то кол остался ещё на месте злополучной встречи с рыкташем.

— Беее! Зачееем тебббеее копьёе, — заблеял я осуждающе. — Ббброось беее копьее!

— Неет, — отблеивался Золто, — неее бброоошу ббеее!

— Ббееестреее, бееегоооом! — я почетверенькал ему навстречу.

Перехватив у него наконечник копья одной рукой, я запихал его под свой пояс — то есть, верёвку, которой держались на мне шкуры. Баран нерешительно переступил ногами.

— Бееее! Тааак жеее!

Но Золто уже понимал, что делать. Он прицепил рукоять копья со своей стороны к своим шкурам, и мы поползли вперёд, стараясь сохранять расстояние.

Ну как же беесит!

Мы ползли и ползли. Колени и локти протестовали против такого обращения. Пару раз падало копьё, но баран, очевидно, не придавал этому звуку значения.

— Слушай, Золто, — прошептал ему я, разворачиваясь. — Баран своё поле целиком стережёт?

— Чего?

— Ну, он что сейчас делать будет? Вернётся на место, где спал?

— А откуда мне знать-то? — огрызнулся Золто и заорал мне почти в самое ухо: — Беееее!

Я отцепил копьё, отдал его Золто и встал. Баран нас преследовать не пытался. Я довольно улыбнулся:

— В общем, Золто, мы угодили в Норы. Тут нужно логическое мышление и образование. Слушай меня. Если я скажу бежать — побежишь. Скажу лежать — ляжешь. Скажу — в шкуры завернуться и бараном бляеть — в шкуру завернёшься и бараном заблеешь.

Неблагодарный Золто попытался пнуть меня ногой, но запутался в шкурах.

Отвязавшись от мертвого барана, я здорово приободрился. Золто широко улыбался — вместе со сверкающими глазами это выглядело несколько безумно.

— Ройт, — я и не предполагал за ним таких дружелюбных интонаций: — мы — молодцы!

— Все в порядке? — я не удержался от ехидства.

— Нет, — он вздрогнул, и прикрыл лицо ладонью. — Мы надышались.

Я недоумённо взглянул на него.

— Стоячим ветром надышались, Ройт! — Золто говорил, вроде, серьезно, но улыбка так и не пропадала с лица. — Норщики в масках специальных ходят, чтобы не дышать им! Не дыши, Ройт!

Я послушно перестал дышать. В голове, действительно, звенело. Впрочем, долго не дышать не получалось.

— И что теперь? Мы умрём? — спросил я Золто, зажимая нос.

— Неа, просто запьянеем от ветра, — гыгыкнул он. — Сильно.

Я облегчённо вздохнул.

— Да может потому норщики и мрут, что в масках ходят! Смотри, как мы лихо барана прошли, — ещё раз восхитился я.

Золто гыгыкнул. Славный парень этот Золто! С ним нигде не пропадёшь!

Хихикая и толкая друг друга под ребра, мы преодолели очередного «монстра» — вереницу упорядченных змей. Покрытые каменистыми наростами, пылью и другим мусором, они тащились по коридору нам навстречу. Мы с Золто прыгали между ними, во всю глотку распевая похабную песенку, которой научил меня ведьмачий сын.

— Мудрецы и молодцы не нашли свои трусцы! — победно выкрикнул я, приземляясь.

Сразу десяток змей остались позади. Я обернулся на Золто. Тот фыркнул и, хохоча, сделал кувырок в воздухе. Только чудом устояв на ногах, он сделал театральный поклон до земли.

К огромной улитке мы подошли уже пошатываясь. Ребра и живот ныли от непрерывного смеха. Казалось, сил на большее веселье уже не осталось, но при виде очередной твари нас скрутило в новом приступе. Какая-то часть моего сознания настойчиво пыталась пробиться ко мне, я видел, что и Золто периодически стискивает голову ладонями, будто пытался то ли собрать ее воедино, то ли выдавить из нее что-то. Мне хотелось ему сказать, чтобы прекращал, потому что он очень умный, ловкий, храбрый ведьмачий сын. Как и я.

Славная улитка! Она захотела нас покатасть. Золто уверял, что может с ней объясняться — я в который раз удивился его могущественным способностям. Игра с улиткой была очень проста: надо было держаться за панцирь, и не трогать её тело, потому что иначе ей будет щекотно. Или мы обожжёмся. Уже не помню. Мы оседлали её, и скользили по коридору, как на лодке. Я спел Золто баркаролу «Влюблённый рыбак». Кажется, дважды.

К сожалению, вскоре улитка отказалась нас вести дальше, и мы, послав ей воздушные поцелуи, отправились вперёд, к новым приключениям. Шестиугольный коридор — самое разумное, что может быть в мире! Вернусь домой — переделаю все коридоры на шестиугольные.

Вскоре коридор привёл нас в довольно просторную залу — также шестиугольную, в каждой стене которой темнел проём другого тоннеля. Я встал посередине, воздел руки в восхищении и застыл, наслаждаясь красотой симметрии. Золто нежно гладил тёмный

гладкий камень. В спокойном, наполненном дружелюбием и взаимопониманием молчании, прошло несколько минут.

— Норщики стену попортили, — жалобный голос Золто разрушил красоту момента.

— А? — посмотрел я на него.

— Отметок понаставили. Куда идти, какой где коридор... — он похлопал ладонью по зарубкам. — Зачем это всё?

Золто трагически изломил брови и горестно вздохнул.

Действительно, зачем поганить стену? Я издал нервный смешок, затем устало опустился на пол. Потёр лицо руками, оглядел залу. Сияние её симметрии, так радовавшее меня только что, уходило, оставляя только мрачные безликие стены. Вокруг совсем не было ни красоты, ни силы. Только склочный и трусливый ведьмачий сын.

— Золто, — сказал я, — признаюсь честно, я не в таком восторге от тебя, как только что утверждал.

— Взаимно, — безэмоционально отозвался Золто. — Это всё потому, что мы надыхались. Поразительно, что мы еще живы.

— Я думаю, — резонно заметил я, оценивая наше положение: — что лучше бы нам было умереть, пока мы были не в себе. Так испытали бы меньше боли и разочарования перед гибелью. Теперь, очевидно, нас ждет смерть от голода и жажды, потому что я лучше умру здесь, чем пойду в очередной коридор, где лишусь рассудка.

— Мне страшно умирать, — противно заскулил Золто. — Почему все так ужасно?

— Мерзкий ты тип, — спокойно заметил я. — Ноешь, жалуешься, боишься смерти. Жадный, опять же. Алого из тебя не выйдет. Алый обретает право крови через смерть — это априорная максима.

Золто молчал, только шмыгал носом все громче.

— Я, впрочем, тоже ничего особенного из себя не представляю, — справедливости ради добавил я. — Обычный взбалмошный сын богатых родителей. Бесплезный пустоцвет. Пустобрёх. Фанфарон. Выпендрёжник. Всё хорошее, что во мне есть — есть в любом Алом. Всё дрянное — моё собственное достижение. Собственно говоря, меня поэтому и выгнали из города. Своим я не нужен.

— Я тоже своим не нужен, — трагическим голосом отозвался Золто. — Отцу не нужен, сестре не нужен... Сайбару тоже не нужен. Я тебя почти предал, Ройт, знаешь? Хотел тебя Сайбару продать... вместе с Ногачом. Такой вот я и есть — дрянь, а не человек.

— Не проблема, — ответил я. — Хоть какая-то от меня польза была бы. Жаль, что не получилось. Теперь только понапрасну здесь помру. Ну, может меня хоть местные звери поедят.

— Я себя ненавижу за это, — продолжал нудеть Золто. — Да за много чего ненавижу. Вот рассказываю тебе это — и ненавижу себя за то, что рассказываю.

— Понимаю, — отозвался я. — Но мне плевать на тебя, если что. Ты просто маленький грязный серый предатель. Я тебя не ненавижу.

Так и было. Я его не ненавидел. Золто был просто жалким трусом и деревенским неудачником. Но и желания его подбодрить и утешить у меня не было. В углу валялась шкура, сияя плетением. Я отвернулся от неё: и сделано плохо, и толку — только свет.

Я мрачно смотрел в черный проем кридора. Мысль о том, чтобы вползти в него и отдаться на милость монстрам начала казаться всё более привлекательной. Просто лежать в темноте, не двигаться и не дышать — то, что надо.

— Золто, — позвал я негромко, — пошли умирать в коридоры? Так быстрее будет, чем здесь сидеть. — Я оглянулся, ища его взглядом.

— Ты прав насчёт меня, — проговорил Золто. Он стоял, держа в руках моё кривое плетение. — Я грязный серый предатель. А ты Алый! Ты делаешь волшебные плетения!

Я издал грустный смешок. Видал бы он плетения моих соучеников, не говоря уже о великих Печатях!

С куска шкуры полетела вниз, на пол, светящаяся алая капля.

«Надо же, что-то собралось всё-таки», — отстраненно подумал я.

Золто уставился на неё, беззвучно шевеля губами. Мне стало скучно смотреть на этого дикаря, и я закрыл глаза, раздумывая о преимуществах и недостатках смерти в коридоре с монстрами. Взвешивая все за и против, я начал сомневаться.

— А насчёт моей идеи пойти помереть в ближайший коридор ты что думаешь? А, Золто? — Я повернулся посмотреть на него.

Золто валялся, скорчившись около стены. Неужто уже умер?

Я кинулся к нему, позабыв о том, что только что считал такой вариант самым подходящим для нас обоих.

— Золто! В чем дело? — я перевернул сопротивляющееся тело на спину.

— За...за...

Золто таращился на меня из-под сведенных бровей и тяжело дышал. Он снова попытался что-то сказать, но только скривился и простонал.

— Ветра, да что с тобой?!

— Заткнись! Отвали! — выплюнул он, продолжая корчиться.

Ну, хотя бы он был в сознании. Что же случилось? Золто прижимал к груди левую руку, между пальцев текла кровь.

— Тебя змея укусила? — пришла мне мысль. — Дай посмотреть!

Я попытался разжать скрюченные вокруг запястья пальцы. Золто держал мертвой хваткой. Глаза его бешено вращались. Заражение! Наверное, змея уже пустила яд, и сейчас он тут у меня и окочурится! От этой мысли я и сам похолодел. Что делать с укусом змеи, я не представлял. Ветра, я ничего не смыслил в медицине! Да в чем я вообще смыслил?!

— Золто, надо что-то делать, — решительно заявил я, снова хватая его за больную руку. — Да дай ты посмотреть хоть!

— Нет! — он дернулся, прижимая руку к себе сильнее. — Не подходи!

— Слушай, тебе больно, страшно, это нормально, — начал я увещевать его, — но надо же хотя бы посмотреть укус. Золто, ты ведь в лесу вырос и знаешь это не хуже меня. Что надо делать, если кусает змея, ну?

Тот помотал головой и отодвинулся от меня, все так же баюкая левую руку. Похоже, боль потихоньку опускала его, но вид при этом оставался непреклонный. Я начал медленно пододвигаться к нему, Золто — отползать. Да что с ним не так?

— Если не убрать змеиный яд из крови — ты умрешь, — выдал я свой последний аргумент.

— Не умру, коли сразу не сдох, — сверкнув глазами, заявил он неожиданно.

— Чего? — я не понял, откуда такая уверенность.

— Хаотичка либо убивает на месте, либо приживается, — он растянул губы в кривой улыбке и разжал наконец руку.

Из руки выпал нож, громко звякнув о землю. Все лезвие заляпано красным.

— Ты вмешал в кровь ту каплю с пола! — я в ужасе уставился на него.

Определенно, я недооценил его степень преклонения перед эссенцией.

— Теперь я тоже не стану бояться, — заплетающимся языком проговорил Золто и отключился.

Придурок! Ничего не знающий о своей любимой хаотичке!

Пояснения

Если вы дочитали до этого места, возможно, вам пригодится небольшая справка по системе мер и весов, которые употребляет Ройт.

Ройт пользуется системой мер и весов, принятой в Гегемонии Хаоса (несколько более стандартизированной системой мер и весов предков Алых — кочевников).

Вот некоторые из них.

Алд — 156 см. Высота боевого коня в холке, а также минимальный рост, достигнув которого, ты мог отправляться в военный поход.

Газар — 577 метров (или 390 алдов). Расстояние, на котором слышен звук боевой дудки, или голос зычного командира.

Данх — 7 литров (6.94 литра, но не суть). Данх — размер походного котелка, рассчитанного на десятерых.

Жин — 700 грамм, миска. Одна десятая данха.

В начале книги использовалась метрическая система, но потом я перевёл её в более привычную.

14. Нигредо

В моём сознании проплыли статистические данные. Из людей, чьи предки в пяти поколениях никогда не принимали великую эссенцию, в нигредо умирает четырнадцать из пятнадцати.

Если же, скажем, Сандак и его мать — оба уже вливали в себя эссенцию до того, как зачать Золто, то шансы Золто выжить и сохранить разум — чуть больше, чем один к двум.

Откровенно говоря, рассчитывать на то, что Сандак из Алых, не приходилось. Иначе Золто не грезил бы так хаотичкой. Ясно, что он о ней только слышал. Если бы родной отец его был носителем эссенции, то наверняка рассказал бы о своем опыте, и Золто не был бы таким самоуверенным дураком. Оставалась слабая надежда на бабушек-дедушек. Мало ли — например, потомственные ведьмаки принимают эссенцию через поколение. Может такое быть? Впрочем, мои рассуждения не стоили и штиля, поскольку узнать что-то доподлинно я не мог. Оставалось ждать результата и надеяться на милость ветра, что мой спутник не падёт очередной жертвой несбыточной мечты.

Золто лежал неподвижно, из разрезанной руки текла кровь.

Я принялся обшаривать его сумку в надежде обнаружить что-то полезное. Нашёл выглядящую чистой тряпицу и кое-как перебинтовал глубокий порез. Уложил его руки и ноги в правильную, известную каждому Алому, позу: на правом боку, правая рука под головой, левая вдоль тела, ноги полусогнуты.

Вмешивать хаотическую эссенцию, собранную с грязной шкуры, вместе с грязью с пола прямо в кровь — это, конечно, тройная похвала с отличием по курсу «антисанитария». Если бы такой курс имел место в Алой Академии, конечно.

Скоро его тело начнёт костенеть, кожа потемнеет, и для Золто начнётся нигредо, которое продлится, возможно, несколько дней или декад. После чего здесь окажется труп... Ну, или новый Алый с силой, которая вознесет его к небесам или разочарует.

Я обвёл глазами тёмный каменный зал. Нда. Обыскал ещё раз вещи Золто и свои собственные. Так, всякая мелкая ведьмачья ерунда, какие-то травы и пилюли. Чистые тряпочки, ещё один маленький ножик, иголка с ниткой. Мешочки: сушёные овощи, грибы и мясо. Но никакой воды. Конечно, зачем вода в лесу, где через каждые пять газаров ручей или озеро! Отправляясь в дорогу, Золто не предполагал, что попадет в Норы, примет хаотичку и оставит меня одного все это расхлебывать. Без воды.

И что мне делать? Бросить этого придурка здесь? Волочить его на себе неизвестно сколько? Сколько тянутся эти коридоры, как я разберусь в знаках, если я их найду?

Из горла Золто вырывалось хриплое дыхание. Ощущение неминуемой гибели снова навалилось на меня. Стены начали давить. Меня охватила паника. Я посмотрел на руки — они мелко дрожали.

Так, это никуда не годится. Пришло время для очередной дыхательной практики Белых.

Я сел, скрестив дрожащие ноги.

Выпрямил спину, сосредоточил внимание на точке между бровями. Сложил руки в знак «раковина». Вдох, выыыыдох. Вдох, выыыыдох. Построение сферы спокойствия.

Через несколько минут я увидел внутренним взором, как в моей груди сияет белое пламя, и свет от него с каждым выдохом расходится по телу. Ум начал постепенно успокаиваться.

Итак, Ройт, кто же ты? Здесь и сейчас?

С высоты башни Айнхейн ты упал, и упал низко — ниже земли. Ты в опасных, незнакомых тебе подземельях, на далёком континенте Яратир, и, говоря честно, вряд ли ты выберешься из них живым. Твой спутник, скорее всего, будет мёртв через несколько дней. Ты не знаешь, куда идти, и у тебя не так-то много времени до того, как ты умрёшь от обезвоживания.

Что ты будешь делать, Ройт? Как ты проведёшь, возможно, последние сутки в своей жизни?

Очевидно одно: ты должен провести их в ясном сознании. Иначе получится, что ты исчезнешь из мира ещё раньше, чем умрёшь. Дыхательные упражнения помогают тебе, а значит, ты сделаешь их столько, сколько нужно, чтобы одолеть следующий коридор.

Я глубже погрузился в сосредоточение, представив себе темноту, в которой гаснут огненные искры моих мыслей.

Я честно пытался представить себе темноту — но вместо этого на чёрном фоне передо мной медленно появились переплётённые линии Храма Хаоса. Движущиеся, словно бы танцующие медленный танец.

«Рассматривай все образы, которые возникают перед тобой, как эманации твоего глубинного я», — помнится, говорил старикан Анекар, учивший меня этому приёму.

Странно, однако, что во время практики Белых, мне видится наш Храм. Что может быть Алее в этом мире, чем эта шипастая громадина? Однако, мне следовало очистить свой разум, а не отлежаться на рассуждения.

Я внимательно следил за образом, стараясь ни о чём не думать. Просто созерцая.

Движение алых линий словно бы успокаивало мой ум... Впрочем, не совсем так. Напротив даже — возникало чувство радостного предвкушения; только оно было спокойным. Как будто сидишь на улице в жаркий солнечный денёк, попиваешь холодный чай, взятый у уличного разносчика, читаешь хорошую книгу и ждёшь, когда твоя подруга выйдет из стен академии.

Ты будешь рад её встретить, но ты и сейчас отлично проводишь время.

Логически, это воспринималось немного абсурдно, хотя бы потому, что сейчас я был в одном из коридоров загадочных Нор. Однако вместе с тем мне достоверно казалось, что сейчас я сижу на скамейке у бульвара Искр, летнее солнце согревает мою кожу и деревья шелестят листьями. Я не то чтобы был одновременно в двух местах. Я мог чувствовать себя одновременно в двух состояниях: тревога, усталость и растерянность в Норах и спокойствие, довольствие и уверенность в Ван-Елдэре. Однако, в обоих мирах мне хотелось пить.

Я мысленно представил себе, как я откидываюсь на спинку скамьи, чувствуя затылком нагретое дерево, и подзываю мальчишку с чайной тележкой.

«Дружок, налей побольше и похолоднее», — говорю я ему, и он немедленно достаёт из прохладной глубины тележки термос.

В здоровенный стеклянный стакан льётся настой пустынной розы. Я благодарю мальчишку, расплачиваюсь и оставляю щедрые чаевые. Он удаляется на пару десятков шагов, чтобы не мешать мне, и ожидает, пока я уйду и оставлю стакан на скамье. Я делаю первый глоток, прикрыв глаза от наслаждения, и слышу, как ко мне обращается моя подруга Сейши:

— Ройт, привет, а почему ты в зелёном?

Задумавшись, я оглядываю себя и вижу грязную ведьмачью одежду. Вокруг меня каменные стены подземного коридора, тускло освещаемые печатью.

Я в Норах с умирающим Золто.

Не до конца придя в себя, я почувствовал, что что-то держу в руке. Это оказался стеклянный стакан с настоем. От изумления я дёрнулся и едва не расплескал драгоценную влагу.

Я медленно отставил стакан на каменный пол пещеры и уставился на него с затаенным ужасом и восхищением. О таких способностях я даже в книжках не читал! Да и откуда бы у меня могли взяться способности? Хаотичку принял Золто, не я. Голова шла кругом. Не знаю, сколько времени я буравил взглядом стакан, думая, что он исчезнет, или оживет и убежит (вполне реалистичный вариант в Норах). Ничего подобного, однако, не случилось. Стакан оставался на месте, будто так и должно быть.

И всё же. Алые с соответствующими способностями могут, используя значительное количество эссенции, переносить других на огромное расстояние — как это и было сделано со мной на суде. Однако, я не слышал о том, чтобы кто-то из них мог забирать вещи издалека.

Да, в моей крови, наверное, с самого моего рождения всё же присутствует некоторое ничтожное количество великой эссенции. Я слышал о том, что некоторые Алые обладали зачаточными способностями ещё в раннем детстве. Например, дочь Старшего Необузданного Сураса — который влил в себя, наверное, целый данх хаотички — ещё в четыре года была способна заставлять двигаться небольшие обрывки ткани.

Впрочем, я точно ничем таким не обладал, мои родители внимательно следили за мной, как и я сам. Пропустить даже самую малую толику хаотических способностей у наследника в нашей семье было просто невозможно.

Стоп. Я нахмурился. Кое-что не сходилось помимо этого. Я только что был в Ван-Елдэре, и там наслаждался жарой, роскошное лето было в самом разгаре. А изгнали меня из родного города второй осенью.

Получается, я достал стакан — через время? Или из собственных воспоминаний? Осталось только разобраться, как я это сделал.

Меня переполняло предвкушение невероятных возможностей, которые передо мной открывались. Не в силах сидеть, я вскочил и исполнил диковинный танец.

Затем я аккуратно отпил четверть стакана и снова погрузился в сосредоточение.

Много времени спустя я, наконец, осознал, что больше ничего сверхъестественного у меня не выйдет. Возможно, я упускал какую-то существенную деталь. Возможно, стакан появился не благодаря мне, а какому-нибудь мимо пробегающему монстру, способному доставать вещи из прошлого рядом сидящих людей.

Во всяком случае, у меня не получалось решительно ничего, как я ни старался. Я сосредотачивал ум на Храме, дышал белым огнём, до одурения твердил «ан хран наран, ан хан наранан», представлял себе разные образы. Приходил в ужас от Нор, переживал за Золто, вспоминал славные деньки в Академии. Не сделал больше ни глотка из стакана, распаяя себя жаждой, но добился лишь пересохших губ.

Золто почернел и почти не дышал. Я несколько раз прикладывал ухо к его груди, вслушиваясь: его сердце билось — медленно, но ровно. Пожалуй, это было хорошим знаком. Мне представлялось, что Золто где-то там внутри своего черного кокона ходит неведомыми дорогами Хаоса и выбирает себе способность.

Я снова вернулся к размышлениям о том, что случилось со мной и стаканом, но ничего

дельного придумать так и не смог. Я не ощущал в себе никаких изменений или новых сил, способных притягивать предметы из разных времен. А жаль.

В общем, ладно. Будем считать это случайной флуктуацией хаотических акциденций. Проще говоря — чудом.

Однако надо было решать, что делать дальше.

Каменный коридор давил на меня. Мне казалось, что я так давно нахожусь в тёмных подземельях, что скоро забуду, как выглядит солнечный свет. Может быть, уже забыл. Мне чудилось, что за чёрными стенами простирается бесконечный, беспредельный камень, и нигде нет никакого живого свежего мира с людьми, воздухом и свободой перемещений.

Тело начало коченеть, будто я тоже впадал в нигредо, усталость переполняла меня. Хотелось лечь, завернуться в шкуры и предаться глубокому сну, в надежде, что, пока я сплю, что-нибудь изменится в моём печальном положении. Тем более, что я уже давно не высыпался нормально. Разум тем не менее подсказывал мне, что спать в таком коридоре, когда на страже только окоченевший Золто, не стоит.

Подумав немного, я выпил всё, что оставалось в стакане. Достал спальные шкуры Золто и расстелил их на полу. Перевалил на них почернелого ведьмачьего сына, укутал и обмотал его верёвкой. Отрезал лямки у сумок, а сами сумки подпихнул в шкуры к Золто. Кое-как, с пятой попытки, связал лямки вместе и присоединил их к этому кокону. Наугад выбрал один из коридоров. Впрягся и потащил дурного, жадного до хаотички, лживого, эгоистичного, безнравственного, задиристого, трусливого товарища по полу вперёд, понося его последними словами. На груди фартук с плетением, нелепое копьё было потеряно где-то, во время нашего истеричного веселья.

Ладно. Я бывал во всяких странных ситуациях. Даже, например, на суде Хаоса, который бывает раз в тридцать, что ли, лет. Может быть, выход совсем близко. Шаг, ещё шаг. Тяжёлый придурок. От ощущения странной реальности — или от «стоячих ветров» вокруг — раскалывалась голова, я чувствовал себя сонным и пьяным.

Пол вроде шёл вниз под небольшим уклоном. Или мне так просто казалось. Плетение еле освещало несколько алдов коридора. Никаких монстров мне, к счастью, не попалось — понятия не имею, что бы я делал в случае встречи с ними.

Наверное, прошёл час, пока коридор не кончился, перейдя в очередной шестиугольный зал.

Я снял лямки и оставил Золто лежать, решив, что мне не мешает отдохнуть и осмотреться. Разминая плечи и шею, я прошелся по залу. Вокруг меня чернели шесть чётко обрамленных шестиугольных проёмов, точно такие же, какие я видел и раньше. Я заглянул в каждый: два шли глубже вниз, два — наверх, два — считая тот, по которому я пришёл сюда, были будто бы горизонтальными.

Как же здесь было темно, всё-таки. И тихо. Уши будто заложило ватой. Я с усилием помассировал виски, сделал пару приседаний, попрыгал, разгоняя кровь и свои мысли. Пора было выбирать направление, и лучше было бы не ошибиться. Долго таскаться с тяжелым Золто мне не хотелось.

Я снова внимательно осмотрел входы в коридоры. Из одного, ведущего вниз, отчётливо тянуло сыростью. Из другого — чем-то вроде того запаха, которым пахнут чучела в зоологическом музее.

Коридоры, ведущие наверх, ничем не выделялись. Я щёлкнул языком, и сухое эхо от этого звука отдалось в потолке, в полу, а затем укатилось в коридоры. Больше звуков не

БЫЛО.

Интерлюдия. Поисковой массив

Священный город Ван-Елдэр, башня Хинн

Поисковой массив занимал целый зал в башне Хинн. В центре сложных переплетений сияющих алых, белых, золотых и синих линий, покрывавших весь пол, стены, потолок и специально установленные фокусирующие линзы, стоял треножник. На нём располагался небольшой поднос, полный мелкого красного песка.

Выглядевший изможденным Рессам провёл Вилириана по узкой дорожке среди горящих символов к треножнику. Виль огляделся.

— Что мне делать?

— Давай сюда левую руку, — Рессам взял протянутую руку Вилириана и ткнул небольшим шилом между костяшками мизинца и безымянного пальца.

Ранка сразу же наполнилась кровью.

— Нужно, чтобы кровь стекала на поднос.

Когда первая капля упала на песок, тот немедленно пришёл в движение. Сперва он взвился над подносом и начал равномерно двигаться по кругу, как пылевой вихрь. Следующая капля столь же стремительно опустила песчинки обратно, и они с шуршанием закружились по подносу. После ещё одной движение замедлилось.

— Что это? — спросил недоуменно Вилириан.

— Это — незначительный побочный эффект, — охотно объяснил Рессам. — Так как мы никогда ещё не строили поисковых массивов такого размера, он охватывает практически весь известный нам мир. Поэтому, как только песок приходит в движение, он начинает разыгрывать перед нами сцену сотворения мира. По сути, ведет поиск с абсолютного нуля в прямом смысле. Таким образом, теоретически, мы можем узнать не только, где человек находится, но и когда он там находился... в идеале. И действительно, откуда массиву знать, не был ли Ройт, например, в Храме, когда тот упал, и не хотим ли мы поймать его за этим. Ничего необычного.

— По мне, довольно необычно. — Вилириан следил за преобразованием песка, подняв брови. — «И тогда ветер сгустился в третий раз, и из вод поднялась земля». Что, получается, древние легенды не лгут?

— С чего бы им лгать, — пробормотал Рессам. — Какой смысл лгать потомкам? Тем более, эти легенды дошли к нам от Птичьих Детей.

Новая капля сорвалась с руки Вилириана. Теперь песок на подносе образовал некое подобие карты. Три горных хребта расходились по спирали из центра, в котором находился глубокий круглый провал. С обеих сторон каждого хребта простирались обширные равнины, пересечённые шуршащими реками, впадавшими в открытые моря. Картина была поразительно детальной.

— Ну? Где Ройт? — нетерпеливо поинтересовался Вилириан.

— Пока, как видишь, мы дошли до формирования нашего континента. Ещё даже Храм не упал. Попробуй несколько раз сжать и разжать кулак, чтобы кровь потекла быстрее, — меланхолично отозвался Рессам.

Следующая капля, зависнув в воздухе, внезапно изменила траекторию, и ударилась в то место на карте, где располагался Ван-Елдэр. Там она застыла красным шариком. Вокруг неё поднялось кольцо невысоких гор.

— Что? — Виль изумлённо смотрел на песок.

— Небольшие изменения, внесённые лично мной, — Рессам довольно улыбнулся. — Просто для веселья. Ну, когда я увидел, как это работает, подрисовал пару печатей к массиву. Что, тебе на какой-то момент показалось, что ты и есть Хаос Изначальный?

Вилириан молча сжал и разжал кулак. Новая капля просто исчезла в воздухе, не доходя до подноса. Из воды поднялось несколько небольших островов, береговая линия изменилась. С очередной каплей произошло то же самое.

— Сколько мне ещё так кровоточить?

— Ну, я полагаю, мы приближаемся к современности. Видишь? Мы пробили проход в горном кольце и пустили воду по каналу; это уже прошлый век.

Вилириан что-то проворчал, продолжая стряхивать кровь в поднос. Вдруг над подносом засияло нечто вроде рыжего пламени.

— Вот, видишь? Теперь мы знаем, где он.

— Где?

— В Ван-Елдере, потому что он только что родился. — Рессам разочарованно вздохнул, видя в языках пламени что-то, понятное лишь ему. Ещё немного крови упало на поднос.

— Вот! Я вижу его. Он в...

— Да?

Рессам взялся обеими руками за поднос и повернул его по часовой стрелке. Один из горных хребтов начал быстро расти в размере, увеличиваясь. Вскоре рельеф изменился; на подносе появились леса и реки.

— Смотри, это Яратир, его подветренная сторона. Так, это... ээээ... Я чего-то не понимаю. Это Почерма — небольшой речной город. Не совсем так, севернее от него, — бормотал Рессам, вглядываясь в карту, — в ста девяноста газарах. Слушай, это странно, но это Ройт, — он поднял удивленный взгляд на Вилириана. — Хотя этого не может быть.

Лицо Вилириана перекошилось от раздражения.

— Чего странного?

— Это Ройт, он определённо жив, но он размером с ладонь. Мало того, он только что появился и исчез. Вот сейчас он был, но сейчас его словно бы и нет. Или есть?

Рессам постучал по подносу, вглядываясь в пляшущие языки пламени.

Виль выругался.

— Или он умирает! На пороге смерти так и бывает: ты то есть, то нет!

— Я имел в виду не это, — осторожно прервал его Рессам.

— А что же?

— Мне кажется, такой эффект может быть, когда ты перешел в нигредо...

— Этого точно не может быть! — отмахнулся от него Вилириан. — Я знаю Ройта, он скорее умрет, чем примет эссенцию! Надо немедленно посылать агента, пусть разбирается, в чём дело.

15. Стена

По-хорошему, конечно, надо было идти наверх. Об этом говорил ранее Золто, и это же подсказывал здравый смысл. В конечном итоге, думал я: чем глубже, тем наверняка труднее из-за "стоячих ветров". А мне и здесь было несладко. Я покосился на Золто. Тот все еще не подавал признаков жизни. Интересно, он вообще очнется или так и помрет, не узнав всей прелести капли хаотички в крови с грязного пола?

А, если не помрет, обретет ли желаемое могущество? Мне порой мстительно хотелось, чтобы болван ничего не обрел, кроме разочарования. Так на одного хаотичного фанатика в мире станет меньше. С другой стороны, какие-нибудь необычные способности нам бы в Норах не помешали, например, возможность освещать пространство. С еле живым плетением я двигался почти впотьмах.

Выбирать направление снова наугад я не хотел. Сравнивая два идущих вверх коридора, я вспомнил слова Золто о норщиках, которые оставляют метки.

Да, они были и здесь. С десятков неровных черт, будто процарапанных ножом, отмечало каждый коридор. Я недоуменно воззрился на зарубки. Что бы это означало?

Может, это количество ходок? Никаких надписей вроде «выход» или «выход», я не обнаружил. Подумав немного, я выбрал коридор, который шел вверх, и на котором зарубок было больше. Определенно, если здесь ходили чаще, то он должен был быть безопаснее, так?

— Золто, друг, не хочешь прогуляться?

Уговоры на Золто не действовали.

Впрочем, он все еще был жив. Видимо, в своём бессознательном состоянии продолжал борьбу за способности. Меня даже восхищало это упорство. Что ж, борись, Золто, может, когда эссенция станет частью тебя, ты обретешь крылья или способность чихать, не закрывая глаз.

Я снова впрягся и двинулся в путь. Первые шаги по коридору дались мне тяжелее, чем я ожидал — несмотря на мой ежедневный подъём на башню Айнхейн. Плечи ныли, ноги ныли, сам я не ныл только потому, что не хотел расходовать силы.

То, что коридор был ровным, загадочным образом успокаивало меня. Я держался центра, и даже старался ставить ноги вдоль воображаемой линии центра пола. Золто, к сожалению, вихлялся, хотя я пару раз подтягивал лямки так, чтобы везти его ровнее. Надеюсь, бедный парень не чувствует неудобства в своём состоянии.

Мне подозрительно везло на отсутствие тварей и живуль. Если в первом коридоре я видел три группы тварей, то во втором не было ни одной. Это может означать, что баран, змеи и улитка нападали туда через сыпучки, как мы с Золто. Означает ли то, что я не вижу ни одной твари, что поблизости нет выхода?

Размышляя подобным образом, я неожиданно уперся лбом во что-то мягкое. Я тут же отскочил назад, чуть не наступая на несчастного Золто. Передо мной была стена. Мягкая стена из чего-то... ну, наверное, живого. Я высвободился из лямок, уложил Золто понадежнее, чтобы он не уехал обратно вниз, и подошел к стене. Из-за ужасного освещения я не мог точно сказать, какого цвета была субстанция, залепившая проход дальше. На мой взгляд, больше всего она напоминала желе. Плотная непрозрачная масса, тянущаяся от пола до потолка, без дырок, без просветов.

Чудесно. Это тупик? Я вспомнил зарубки в начале коридора. Ничего похожего на «не

ходи туда, тут не пройдешь» там не было. С другой стороны, можно предположить, что большое количество зарубок значит «нам пришлось вернуться, не ходите туда». Ладно, будем считать, что место проходимое. Надо только понять, как. Я подошел к массе и ткнул ее пальцем. Стена заколыхалась, будто издала вздох.

Так. Золто говорил, что в Норах коридоры либо хаотичные, либо упорядоченные. Почему это всегда так однозначно, я не знал. Стена передо мной походила на хаотичную. Определенно, это было скорее ожившее мертвое, чем убитое живое. Может, это какая-то плесень? Я принялся. Стена будто бы пахла чем-то кисловатым.

Я вытащил нож, который отобрал у Золто, и, не встретив какого либо существенного сопротивления, сделал надрез в стене. Всё пришло в движение. Вздохи, а это были именно они, стали громче. Великий ветер, это и правда живая стена! По краям моего пореза субстанция скукожилась. Я поморщился. Если мне, чтобы пройти вперед, надо будет буквально вырезать себе путь через вот это существо, резать его живую плоть, я, наверное, не смогу. Порез, сделанный мною, не спешил закрываться — раненные куски некрасиво висели с двух сторон. Я всмотрелся. Сквозь полупрозрачную плоть стены как будто бы пробивался свет.

Штиль. Теперь, зная, что впереди что-то точно есть, возможно — спасение для меня и Золто, я не мог уже жалеть себя или стену. Впереди мне виделся солнечный свет — а вместе с ним, зеленая травка, горячая еда и живой веселый Золто. Ладно, возможно, Золто не бывал веселым, но живым он вполне мог бы еще побыть. Почему-то казалось, что стоит выйти из Нор, как он наверняка оживет и, может быть, даже воспарит на выросших крыльях, или огреет меня молнией, как хотел. Отделяла меня от этого манящего будущего стена из непонятно чего, грустно вздыхающая, от того, что я ее ранил. Она не атаковала, за что ей большое спасибо, но вот так резать по живому... Я сглотнул, снова подошел к стене.

Хорошо. Если подумать, эта стена — хаотическая... живуля, как здесь принято говорить. Такая же, как Ногач. А значит, она питается эссенцией. Есть у меня эссенция? Ну, возможно. Я взял свою шкуру с кривым плетением и осторожно приложил к стенной ране. Вздох облегчения вызвал у меня мурашки по всему телу. Стена была мне благодарна! Я погладил шкурой порез, он потянулся за ней, прижимаясь к поверхности, и начал вроде как пить. Я убрал шкуру. Скукоженный край разгладился. Шкура лечит!

Я был готов танцевать от радости. Я могу пройти через живую стену, ранив и тут же лечив ее эссенцией. Главное, собрать ее побольше. Я тут же взялся за дело.

Не снимая с Золто шкуру, я нанёс с каждой стороны импровизированного кокона по простому плетению. Это заняло прилично времени, но зато плетения сияли не в пример лучше моего первого опыта в Норах. Порезы засверкали и вскоре увлажнились. Ну точно, мы ж в хаотичном коридоре, тут эссенции хватит все ветра накормить! Хорошо, что Золто не в себе, иначе бы он уже сдирал с себя кожу, чтобы обмазаться хаотичкой по полной.

Шкуры, которыми я укрыл Золто, теперь будут служить не только одеялом для находящегося в нигредо, но еще и лекарством для хаотичной стены.

Когда шкуры пропитались достаточно, я пристроил к ним еще и свою, которая тоже давала немного эссенции, снова впрягся в Золто и подошел к моей живой преграде.

— Простите, пожалуйста, уважаемые, что тревожу, но мне и другу очень нужно пройти на ту сторону, — обратился я к стене. — Взамен я оставлю вам плетение, и у вас будет много-много эссенции, чтобы вылечиться, стать сильнее и никаких Сайбаров сюда больше не пускать.

Не знаю, отчего я решил, что к стене следует обращаться во множественном числе. Впрочем, поправить меня она все равно не могла.

Я не стал долго любезничать со стеной, хотелось уже скорее выбраться отсюда. Еще раз глянув на укрытого хаотичными шкурами Золто, я глубоко резанул сверху вниз. Стена распалась на две части, издавая мучительные стоны, её края повисли. Я шагнул вперёд и оказался внутри живого организма.

Несколько алдов коридора были покрыты переплетёнными красноватыми жилами. С потолка свисали, словно шторы, колышущиеся плёнки, на полу и стенах бугрились гроздья комков плоти. С другой стороны была точно такая же стена — красная, освещённая, очевидно, солнечным светом. Сцепив зубы, я полез вперёд, расчищая себе дорогу ножом. Живое вокруг меня дёргалось, трепетало, вздыхало и стонало от боли.

Сзади меня волочился Золто, израненное желе ластилось к его шкурам, на глазах исцеляясь. Так мы и шли: я — палач, рассекающий плоть, Золто — лекарь, приносящий здоровье.

Пот валил с меня градом, идти, разрезая перед собой проход, и тащить на себе Золто было невыносимее, чем все то, что я делал в Норах до этого момента. Единственное, что толкало меня вперед — упрямство и неяркий свет, виднеющийся впереди. Когда до него оставалось не больше алда, я уже был убежден, что это свет солнца.

— Золто, друг, осталось немного! Впереди свежий воздух, еда и развлечения!

Я обернулся: Золто был весь покрыт желейнными плёнками и жилами, обвившимися вокруг него. Ветра, может ли он так дышать вообще?! Я начал резать быстрее и жестче. Если из-за своего милосердия к живуле я задушу Золто, безветрие моему милосердию!

Шаг — взмах ножом, еще шаг — еще взмах. Наконец, я добрался до противоположной стены, и, вонзив в неё острое железо, распорол проход.

Я наконец вздохнул полной грудью. Свет! Его источник находился за поворотом коридора. Но свежий воздух было ни с чем не перепутать. Как же я скучал по этой прохладе и чистоте!

— Золто, победа! — я рванул вперед, но тут же был отброшен назад.

Что за... Я уперся спиной в упругую стену. Равновесие удержать не удалось, и я рухнул коленями на пол, от неожиданности прокусив губу до крови. Что за напасть?! Я кое-как поднялся и снова потянулся вперед — сделать шаг не удалось. Лямки тянули меня, выворачивая плечи.

Стена не отпускала меня. Не меня — Золто. С трудом мне удалось повернуться лицом к стене. Правда, теперь стена выглядела огромным комом красноватого желе посередине коридора. Вся эта живая масса собралась вокруг Золто. Его самого не было видно, только лямки, уходящие внутрь этой пульсирующей субстанции.

Картина была жуткой, особенно, если знать, что внутри лежит живой человек, не способный даже пальцем пошевелить, чтобы прогнать от себя ненасытную массу. Я потянул лямки на себя — стена (я продолжал ее называть так, хотя наверняка у живули имелось другое название) качнулась в обратную сторону.

— Отдай моего друга! — потребовал я решительно, начиная злиться.

Ответа, конечно, не последовало. Стена все больше уплотнялась вокруг Золто, видимо, планируя поглотить его вместе с дарующими эссенцию печатями. Ну, уж нет!

Я ринулся на стену с ножом, начиная прорубать путь к Золто, уже не заботясь о чувствах живой материи, только о том, чтобы успеть до тех пор, пока он не задохнется или не сломает

ребра под этой тяжестью. Охи, вздохи и недовольное колыхание усилились. Похоже, стена понимала, что я собираюсь лишить ее неожиданного бесплатного пиршества.

Вокруг Золто ткань была плотнее и активнее. Она дышала яростно, стоило мне рассечь кусок, как он тут же лез обратно, пытаясь самоизлечиться. Резать ножом было тяжело. К тому же я страшно беспокоился, что ведьмачий сын под этими слоями не может дышать, и опасался нечаянно отсечь ему нос или ткнуть ножом в глаз. Нужно было действовать быстро, но осознанно. Я начал идти от лямок, концы которых терялись в этом месиве. От волнения меня прошибал пот, стоило мне только подумать о том, что я могу ненароком отрезать лямку, и тогда связь с Золто пропадет совсем.

Тем не менее, я продвигался медленно, но верно. Добравшись до его плеча, я принялся рвать жадную плоть руками, понимая, что так будет безопаснее. Я копал и копал в сторону лица Золто, стиснув зубы и огрызаясь на стонущую стену.

— Я не дам вам его, глупые вы живули! — рычал я, ногтями царапая особенно плотную массу у его лица. — Да и зачем он вам? Он глупый ведьмачий сын! Ничего не умеет, только глазами светить, он вообще полумертвый. Я оставлю вам печати!

Точно! Я рванул к груди Золто и уперся словно в каменную стену. Попробовал ножом — не поддается. Вот же оно! Вот то, что им нужно! Теперь осталось придумать, как вытащить Золто, оставив стене печати. Я ведь так и хотел поступить с самого начала, но не сообразил стащить с него шкуры до того, как сам вышел из стены. «Думать, потом делать» — мне бы стоило почаще вспоминать это правило Порядка. Если бы можно было как-то отделить Золто от шкур, то дело было бы выиграно. Но сейчас они представляли собой будто единый дышащий организм: Золто, шкуры и стена, желающая питаться и без разбора облепляющая все, что имеет отношение к эссенции. По моим рукам и ногам тоже тянулась эта масса, правда, более слабая и жидкая — она пыталась примкнуть к той части, что жадно впивала в себя эссенцию, и на меня ей было наплевать.

Я снова вернулся к лицу Золто. Там плотность была все же поменьше, чем на груди, где были шкуры. Я принялся рвать ткань руками, отшвыривая куски от себя без всякого уважения и милосердия.

Как только удалось очистить лицо, я судорожно протолкнул руку к шее и выдохнул — медленный пульс находящегося в нигредо прощупывался. Я начал продвигаться по его одежде от шеи вниз, пытаясь подцепить кончиками пальцев шкуру с печатью. Стена меня активно не пускала. Я пустил в дело нож и принялся нещадно скрести им, стараясь хоть как-то убрать это сопротивление. В конце концов, она же живая, я ее раню, она должна слабеть! Стена не слабела, видимо, тут же излечиваясь, благодаря моим же шкурам. Усложнение задачи самому себе — это было в моем стиле, что и говорить.

Я устал бороться со стеной, надо было уже вытаскивать Золто и уходить отсюда.

С огромным усилием я потянул шкуру на себя — она не поддавалась. Стена давила своей массой, мне было не справиться. Впрочем, мне нужен был Золто, а не шкуры. Я принялся отталкивать шкуры вниз к ногам Золто, и процесс пошел лучше. Израненная стена тянулась за своим лекарством, и Золто сам собой стал освобождаться от сдерживающей его массы. Как только я смог высвободить его руки, я встал и потащил его за руки.

Это все еще было непросто, но мало-помалу шкура вместе с облепившей её "стеной" съезжала вниз (помогал и естественный наклон коридора — не зря я до этого так долго поднимался). Тем временем мы кое-как выползли наружу. Последний рывок — и шкуры с печатями сорвались с ботинок Золто. Их тут же со всех сторон окружила ненасытная живуля.

Мне даже послышались какие-то сопящие и урчащие звуки, но, возможно, так звучал мой собственный усталый победный хрип.

Мы с Золто растянулись на полу, освещенные дневным светом. Это было очень кстати, потому что свет от моего плетения пропал вместе со шкурами.

Я глянул на стену — она счастливо вздыхала, колыхалась и дергалась, выпивая то, что порождали мои печати. Кажется, сейчас она успокоилась и уже не так агрессивно вела себя. Интересно, как долго плетения смогут работать в таком режиме непрерывного потребления? Почему они работают, несмотря на то, что их не обдувает ветер? И во что превратится эта штукавина, выпив столько хаотички за раз? Может, она начнет говорить? Ходить? Или разрастется до размеров всего коридора? Проверять мне не хотелось.

Я подполз к Золто. Мне показалось, что его состояние будто бы улучшилось. Дышал он ровно, под веками будто даже дергались зрачки. Впрочем, я никогда не сидел раньше рядом с находящимся в гречке, обычно этим занимались специальные врачи. Те же, которые проводили инфузии — точно отмеренными дозами эссенции, с помощью стерильных инструментов.

— Эй, Золто, я только что одолел хаотичный коридор, а впереди, похоже, выход! — сообщил я ему, не надеясь на ответ. — Знаешь, здесь можно набрать много хаотички. Хочешь, я соберу ее и всю отдам тебе в награду за терпение, а?

Даже это не сработало. Просыпаться тот не планировал. Я вздохнул и поднялся. Волочить мне его теперь было не на чем — шкуры, лямки и даже сумки остались в стене, возвращаться за ними желания не было. Кряхтя и проклиная все ветра, я взвалил Золто на спину и побрел к повороту, откуда лился такой манящий солнечный свет.

За поворотом оказался еще один поворот, теперь под острым углом. Свет сочился из трещины в стене в месте, где коридор изгибался. Ее ширина была примерно в мою ладонь. Я был готов выть от разочарования. Это все еще был не выход.

Через щель я видел поляну, поросшую съедобными ягодками, несколько деревьев и солнце, склоняющееся к горизонту. Казалось, что до внешнего мира было совсем недалеко. Я попытался просунуть руку в трещину, но она встретила странное сопротивление. Это было нечто вроде уплотнившегося воздуха; по мере того, как я проталкивал руку, изображение искажалось. Наконец, я просунул руку до конца, хотя и с некоторыми усилиями. Моих пальцев коснулся прохладный осенний ветерок. Странно, но в пещере было довольно тепло.

Необычное чувство охватило меня. словно на мою руку глядит кто-то — из огромного далека, внимательный и встревоженный. Я резко дернул её к себе. Штиль, хватит с меня странных чудес.

Я вздохнул, отчаиваясь что-то понять. Что же такое эти Норы? Посмотрел на Золто. Он все еще был чёрный, скукоженный, еле живой. Почти ничего мне так и не объяснивший об этом странном месте, в которое я попал, в том числе, и по его вине. Ни ориентиров, ни правил.

О, как меня раздражали книги, в которых герой мечется в растерянности, пытаюсь выжить в незнакомой обстановке! Загадка должна быть одна. Максимум — две. «Что за странные ритуалы проводят болотные жрицы?» — вот хороший вопрос, расследованию которого Нунор может посвятить пару десятков глав, с тремя-пятью ожесточёнными схватками и эротической сценой.

А здесь, что я знаю? Я в каких-то подземельях, где «стоит ветер». Есть хаотические коридоры и «ладные». Кто-то построил эти подземелья, или они результат каких-то

загадочных естественных процессов? Как живые и неживые существа сюда попадают? Чем питаются?

Со мной путешествует ведьмачий сын — а, насколько я знаю, ведьмаки должны защищать людей от монстров. Однако, покамест, от него никакой пользы — это я, порой при участии монстров вроде Ногача, всё время спасаю ведьмачьего сына.

У меня больше нет источников света и не на что их нанести. Все шкуры остались внутри «стены». Мало того, в хаотичном коридоре, очевидно, лучше не показывать наличие у тебя эссенции, иначе я стану приманкой для всех монстров поблизости. Нет ни еды, ни воды, ни копыя. Всё, что у меня было — ножик и полумёртвый Золто.

Что делать в такой ситуации, я совершенно не представлял. На мгновение у меня мелькнула мысль снять с Золто ботинки, вырезать на них печати, собрать немного эссенции и ввести самому себе. Возможно, я получу какое-нибудь необычное умение, которое пригодится мне в такой ситуации. А возможно, пока я буду в нигредо, на запах эссенции приползёт красное желе и сожрёт меня.

Ладно, оставим это на крайний случай.

Я ещё раз сходил, посмотрел на красное желе. Оно слиплось на полу в один огромный шар, внутри которого я ничего не мог разобрать. Вроде оно увеличилось в размере... или нет.

Так. Возможно, я бы мог начертить на полу плетение порядка, и пройти, отпугивая хаотичных монстров воплощающей эссенцией... Если бы хорошо представлял, как она чертится. В Алой академии был дополнительный курс по этим печатям, на который я не записался. Будь здесь старший начертатель Рессам, он бы, наверное, прошёл через Норы, как через свою гостиную, даже не используя способностей.

Я прошёл в глубину второго коридора столько, сколько мог видеть в отсветах лившегося из трещины света — и ещё немного дальше, но ничего не обнаружил. Коридор шёл вверх, и это было его единственное достоинство.

Иди, ощупывая стены в полной темноте, и волочить Золто по полу за ногу?

Я слишком устал, чтобы принимать такие решения. Мне нужен был сон. После медитации прошло немало волнующих и энергозатратных событий. Я просто-напросто вымотался. Даже если прямо сейчас в стене появится дверь наружу, мне не хватит сил, чтобы ее открыть.

Я вынужден был принять единственное решение, против которого не восставали клетки моего мозга и тела. Устроился на полу, подложив омертвелый бок Золто под голову.

Кажется, я уснул до того, как закрыл глаза.

Глава 16. Архитектура

Не знаю, сколько я спал, но проснулся я относительно бодрым. Хотелось пить, но не смертельно, да и в голове как-то посветлело. Определенно, сон пошел мне на пользу.

Солнца не было видно, но по цвету розовых облаков было понято, что наступило утро. Золто все так же лежал недвижимо. Я уже привычным жестом проверил его пульс — жив.

Пора было признать: Золто не окочурится так просто. Я усмехнулся — ведьмачий сын, похоже, неспроста так жаждал хаотички, будто знал откуда-то, что она приживется. Эта мысль меня воодушевила, как и несколько несложных упражнений, которые я проделал — тело изрядно затекло от неудобной для сна позы.

Впрочем, от того, что Золто долго не умирал, практической пользы мне было немного. Я снова заглянул за угол: железная стена будто бы разрослась, но не до критических размеров. На меня она, во всяком случае, не реагировала, продолжая терзать мои шкуры с печатями. Это хорошо.

С другой стороны был все тот же темный коридор, ведущий наверх. Что ж, я отлично знал, что ждет меня внизу, а значит, в любом случае надо было двигаться вверх и в неизвестность. По большому счету, это было единственное полезное знание об ориентировании в Норах, которое успел мне передать Золто, до того, как отключился.

Я снова прошел до конца освещенной дневным светом территории, потрогал стены, потопал ногами, покричал. С той стороны ничто не отзывалось. Однако я не мог быть уверенным, что впереди меня не поджидает очередной баран, змеи или кровожадное желе. В полной темноте. Оружия у меня по-прежнему не было, да и будь оно, увидеть противника я все равно не смог бы, как и понять, как с ним бороться.

Однако кое-что о Норах я все-таки узнал самостоятельно, за свое короткое в них пребывание.

Я огляделся, усмехнулся собственной беспечности и наглости, и достал нож. Что ж, это не так уж сложно, верно? Просто представим, что я — в кабинете, на дополнительных занятиях у мастера Рессама. «Я не допущу вас до экзамена, пока вы не нарисуете мне хотя бы десять простейших печатей за час». Я покрутил в воздухе рукой, разминая запястье, сделал гимнастику для пальцев, поводит плечами. Мышцы побаливали. «Выберусь, точно найду того, кто делает массаж и заставлю разминать меня в течение суток! Лучше — двух!» — пообещал себе я и принялся за работу.

Плетение вышло до смешного кривое и страшное. Зато — большое. Линии проходили через всю стену от пола до потолка, насколько хватало размаха моих рук, роста и наглости чертить часть рисунка практически в полной темноте. Я выводил плетение на самой последней границе света и тьмы в коридоре, чуть меняя направление и импровизируя — таким образом, чтобы слабый свет уже соединенных элементов давал мне возможность рисовать дальше. Нож скрипел по камню, наверняка безнадежно затупливаясь, а скрежещущий звук вызывал у меня болезненные гримасы. Однако, с каждым новым длинным штрихом света становилось больше. И раз-два-три, еще сюда, два-три, и еще... Печать! Нити вспыхнули, чуть мигнули, будто сомневаясь, что такая пародия на высокое и тайное искусство имеет право на полноценное существование.

— Да ладно вам, — протянул я чуть просяще, — подумаешь, я же все равно все соединил и довел.

Узор снова моргнул, потом ещё раз, но все-таки засиял.

Я сделал пару шагов, отошел к противоположной стене и оглядел свое новое творение. Печать примерно алд на полтора, ужасающе кривая и, наверняка, готовая развалиться в любой момент. Но зато как она была велика! И она, раздери-ветер, светила.

— Эй, Золто! — я оклинул ведьмачьего сына. — Мы снова все видим! Сейчас я тебя немного протащу, нарисую новую печать, и так мы будем двигаться и двигаться, пока нас не сожрут твари. Но твари нас не сожрут! Им нужна эссенция, которая, — я подошел к печати и осторожно потрогал пальцем узлы, — пока что плохо собирается, но наверняка соберется! — уверенно сказал я ему.

Золто предсказуемо молчал. Я постоял немного в коридоре, прислушиваясь к возможному топоту копыт, шуршанию чешуи или чему-то еще, предвещающему восхищённое паломничество к моим художествам, но нет. Пока что печать не собирала ни эссенцию, ни монстров. Впереди у меня было хорошо освещенное пространство коридора, дальше — менее хорошо освещенное, а потом начиналась тьма. Но до тьмы было еще далеко. Моя печать была огромной и светила отлично, а гладкие стены отлично отражали свет. Надолго ли ее хватит, я, правда, не знал, так что стоило поторопиться.

Я потащил Золто, убедившись предварительно, что на пути его затылка не окажется какого-нибудь острого камня или выбоины. Признаться, рисовать кривые печати мне понравилось в разы больше, чем таскать тяжелого мужика. Впрочем, долго тащить мне его не пришлось. Стоило нам миновать рисунок, как я услышал звуки, не предвещающие ничего хорошего.

Это не был топот копыт, это было шуршание в воздухе и негромкие щелчки.

— Так, Золто, если моя и твоя теория верны, то к нам движется нечто хаотическое, — сообщил я на всякий случай. — Потому что упорядоченное убежало бы от плетения в страхе. Но то, что движется, чует плетение, мы с тобой ему не нужны. Наша задача слиться с противоположной стеной и не мешать живуле жрать хаотичку. Все понятно?

Я подтащил Золто к стене, уложил его носом к ней и сам замер рядом. Из тьмы к нам тянули ветки какие-то черные шипастые кусты. Хаотическое дерево! Точнее, кустарник. Вероятно, терновый куст. Да, не все живое и деревянное — Ногац.

Я перевел взгляд на своё плетение-уродец. Оно светила призывно. «Не подведи!» Когда первые хищные шипы достигли нашего с Золто уровня, я вжался в стену и на всякий случай перестал дышать.

Слава всем ветрам! Шипы терновника впились в мои художества, рассчитывая на хаотичку и совершенно не обращая внимания на тех, кто стоял совсем рядом. Я выдохнул.

— Золто, мы спасены! — радостно сообщил я ему. — Больше никаких проблем с монстрами обоих разновидностей! Ай, какой я молодец!

Я был готов танцевать от радости, однако делать это следовало очень осторожно. Передо мной все еще мелькали шипы тянущихся к вожделенной эссенции веток. Их надо было обходить осторожно, не зацепившись и не зацепив Золто. Ветви продолжали выползать одна за другой из глубины коридора. Впрочем, печать большая — всем хватит напиться.

Я присел на корточки и потащил Золто за собой, стараясь не отдаляться от стены и на полшага. Рядом с другой стеной, скрежеща и шурша, ползло шипастое растение. Впрочем, свет ветки не слишком загораживали, я мог неплохо продвигаться вперед.

Я остановился и оглянулся. Картина была жутковатой: клубок из жестких чёрных прутьев вился вокруг стены. Не хотелось бы мне оказаться в этом колющем капкане.

Когда мы с Золто без препятствий дотащились до очередной сумеречной зоны, оставив прожорливый куст позади, я немного посидел, переводя дух, потом встал и снова достал ножик. Огляделся.

Есть ли здесь хаотичные или упорядоченные монстры? Скоро узнаем.

Два плетения спустя мне повстречался новый монстр. На этот раз это был трухлявый пень, тянущий во все стороны свои узловатые корни. Он перемещался вверх корнями, шаркая по полу деревянным комлем. Часть корней потолще использовалась им как ноги, а более тонкие отростки оглаживали и ощупывали стены. Он был похож на гротескно огромного паука.

Подойдя к печати, пень начал колотиться в неё деревянным пузом, в то время, как чёрные изломанные отростки шарились по её извилам. В коридоре сделалось довольно темно, и я смог начертить следующую печать не дальше, чем в двадцати алдах от предыдущей. К этому моменту я уже приспособился худо-бедно править лезвие ножа о камень стены.

Золто всё так же упорно оставался в нигредо. Я проволакивал его по полу за ногу вплоть до места, где начинал сгущаться полумрак, останавливался и чертил очередную печать. Они выходили всё лучше и ярче.

Наверное, моё вмешательство могло сильно повлиять на эти коридоры; впрочем, я не очень беспокоился на этот счёт. Возможно, через пару месяцев сюда забредут какие-нибудь норные охотники, и обнаружат на стенах уже потухшие царапины — а рядом с ними отожравшихся, здоровенных хаотичных живуль. Однако, даже если печати и будут продолжать светиться, пользы от них охотникам будет не много.

Секрет рисования печатей — не в правильных линиях; иначе можно было бы их штамповать с помощью пресса. Каждая линия должна быть проведена с определённым настроением, каждый узор должен представлять из себя сочетание чувства и мысли. Здесь — уверенность, здесь — настойчивость; три практически одинаковых штриха один на другом — но один пишется с предвкушением, другой — с гордостью, третий — с любопытством. Ты вкладываешь эти состояния не яростно, но аккуратно, будто втайне от самого себя, позволяя им рождаться внутри — и словно бы стекать по руке в точку, где острие ножа царапает камень.

Я начинал получать всё большее и большее удовольствие от начертания. Когда я учился этому, такого не происходило: я затвердил несколько вспомогательных стишков, запомнил десяток узоров — просто, чтобы сдать экзамен. Но сейчас ко мне пришло «начертательное вдохновение», о котором твердили мои учителя. Возможно, дело было в том, что сейчас я понимал, насколько мне важно создать очередное работающее плетение. Возможно — в том, что, несмотря на своё взвинченное состояние, я находил в себе раз за разом способность проводить верные линии с правильным настроением. На другом конце мира, в загадочном подземелье, окруженный хаотическими монстрами, я полностью отдавался черчению, забывая о самом себе.

Очередная печать вспыхнула ярко-золотым и начала переливаться волнами. Это означало, что я сумел — царапая тупым ножом по каменной стене — создать печать высшего качества.

— Ого, — сказал я, любясь результатом. — Радужное золото! Похвала с отличием, Ройт. У вас, я погляжу, талант.

Узор полыхал, негромко звеня и рассылая во все стороны волны сияния. Мелодичный

отзвук донёлся до меня из той части коридора, по которой я уже прошёл. В полусотне шагов от меня разгоралась ярким светом предыдущая печать, уже начерченная мной, а за ней — более ранняя. Вскоре все узоры засияли маленькими солнцами.

Я должен был бы удивиться, но в этот момент не испытал ничего, кроме ощущения глубокой правильности происходящего. Словно бы я уже видел это где-то прежде и теперь вижу ещё раз. Спокойный, я смотрел на то, как коридор заполнился светом; деревянные живули начали словно бы сходиться с ума. Пень вдалеке принялся скакать и прыгать рядом со своей разгоревшейся печатью, словно бы исполняя паучий танец победы. Что творилось с кустом, я отсюда не мог разглядеть точно, и видел лишь беспорядочные взмахи ветвей.

Затем произошло нечто ещё более необычное. От только что начерченного узора в сторону предыдущего начала тянуться сияющая линия; она продвигалась медленно, как ползущая улитка. Повинуясь внезапному импульсу, я приложил острие ножа к ней — и пошёл назад по коридору, прочерчивая линию, которая сразу же начинала сиять.

Когда я подошёл к предыдущей печати, я увидел, что от неё самой — в сторону первой — тоже тянется золотой луч. Я соединил их — и начертил замыкающий знак.

Линия вспыхнула — и начала расширяться, покрываясь штрихами и спиральными узорами, как дерево — ветвями и листьями.

Следующая печать была на другой стороне коридора; и теперь я наблюдал, как уже несколько линий сразу тянутся к ней по полу и потолку, довольно быстро. Ощущение правильности не покидало меня. Я провёл пальцами по одной из появляющихся сияющих линий: гладкая поверхность. Сам камень в этом месте начинал светиться. Кончики моих пальцев словно бы ощущали слабое жужжание. Линия, которой я касался, издала лёгкий звон и выбросила «почку».

Я сложил и убрал в карман ненужный больше нож. Сияющее плетение постепенно оплетало весь коридор, теперь залитый светом. Мелодичный звон, будто бы серебряные колокольчики, наполнял пространство.

Я перевёл взгляд на последнюю печать — она росла и усложнялась. Затем выбросила «росток», который стремительно протянулся через десяток алдов, и выше по коридору начала расти очередная печать.

Тут меня, наконец, охватило беспокойство. Что тут творится, ветер меня раздери? Это очень красиво, и, наверное, тот же Рессам дал бы себе отрубить ноги, лишь бы посмотреть на возникающие узоры, но... я бы лучше понаблюдать за этим с безопасного расстояния.

Я взвалил Золто на плечи и устремился наверх, благо света теперь хватало. Думаю, даже в Белых операционных не так светло.

Через пару сотен алдов коридор кончился, и я оказался на длинной галерее. Из коридора позади меня волнами вырывался яркий свет.

Передо мной, ничем не ограждённый, зиял тёмный провал. Огромный, шестиугольный, глубокий колодец, по стенам которого располагались ярусами галереи с шестиугольными проёмами коридоров. Это зрелище ошеломило меня. Положив Золто на землю, я осторожно подошёл к краю и заглянул вниз.

Колодец уходил вниз, сколько хватало света и глаз. Бесконечные ярусы галерей, располагавшиеся одна под другой. У меня закружилась голова, и я отошёл от края.

Поразительно.

Это определенно чьё-то творение, но чьё? Кому понадобились все эти коридоры? Есть ли в этих норах комнаты, залы, мосты — или это просто бесчисленные коридоры, уходящие

вверх и вниз, с единственной целью — разделять и удерживать стоячий ветер? Сколько странных чудовищ обитает на этих бесконечных путях?

Позади меня из коридора вырвались сияющие линии, прочертив дорожки по полу и потолку галереи. На полу расцвёл цветок очередной печати, от которого побежали во все стороны лучи. На их концах образовались завитки.

Из коридоров послышался шум, цокот и плямкание. Очевидно, монстры бежали на запах хаотички. Так! Мне срочно был нужен ладный коридор, ведущий наверх.

Я быстро пробежал мимо нескольких коридоров, уходящих вверх, заглядывая в них. Из одного будто бы тянуло тем же самым сухим запахом, который был в коридоре в самом начале нашего путешествия.

Подхватив Золто на закорки, я поспешил к нему, и вовремя, потому что началось какое-то безумие. Из соседних коридоров вываливались кучи камней, выскакивали коряги, шурша, выползали какие-то копы травы. Обгоняя других, перепрыгивая через соперников, скакала металлическая кровать, скрежеща пружинами. Наперерез мне метнулся одетый в красную куртку и длинный кожаный плащ деревянный манекен. Манекен?!

— Ногач! — радости моей не было предела.

Наконец-то кто-то живой (ну, относительно Золто), знакомый и не страшный! Удача все-таки мне улыбнулась.

— Ногач, дружок, привет! Как же я рад тебя видеть, ты бы знал!

Заслышав мой голос, манекен подскочил ко мне и ухватил меня за локоть. Я чуть не уронил полумёртвого Золто от неожиданности.

— Ногач, нам нужно убираться отсюда!

— Скрррры, — молящее простонала деревянная кукла, показывая рукой на сияющие печати, вокруг которых толпились ожившие детские кошмары.

— Много кушать вредно для здоровья; пошли наверх!

— Скрры, — Ногач крепко держал меня, подтаскивая к столь желанному ему источнику хаотической эссенции.

— Ногач! Солнышко, весёлые игры, хорошая новая одежда! — принялся уговаривать его я. — Что тебе здесь делать, в этих подземельях? Тут совсем скучная компания, а я тебе новой хаотички соберу. Наверху. Хочешь, я даже сделаю тебе одежду с печатями, и ты никогда не будешь больше уставать?

— Цак, цак, — Ногач затопал ногами, отпустив мой локоть, и начал хлопать в ладоши.

— Вот и молодец, вот и славно, а теперь — побежали вверх!

Однако Ногач наотрез отказывался идти в выбранный мной коридор. Снова схватив меня за локоть, он потащил меня вперёд по галерее.

Мы лавировали между живых коряг, скелетов каких-то животных и странных фигур из болотной жижи. Расшвыривая остальных, вперёд ломился безголовый каменный болван с тремя руками, ему под ноги метнулась деревянная лоза. Ногач грозно прострекотал, и великан отшатнулся в сторону.

Наконец, мы свернули в один из коридоров; он круто загибался в сторону и шёл практически горизонтально. Я отшвырнул ногой какие-то живые тряпки и покрепче перехватил Золто. Не время для усталости.

— Нам сюда? Здесь выход?

— Ктц, цак-цак, — утвердительно прощёлкал мой проводник и затопал вперёд, оглядываясь на меня. Свет уже лился отовсюду; казалось, светится сам воздух.

Я последовал за ним. Шагов через сто началась лестница, ведущая вверх, и моя спина запротестовала.

— Ногач, пожалуйста, можешь понести Золто? Он тебя потом покатает, когда очнётся.

— Кц-цц, — протянул манекен.

Я снял ведьмачьего сына с плеч, и Ногач подхватил его на руки, как жених — невесту. Золто на такое обращение никак не отреагировал, впрочем.

Мы устремились наверх, преодолевая пролёт за пролётом. Привет и спасибо вам, лестницы Алых башен. Свет постепенно меркнул. Ногач свернул во внезапно открывшийся проход в стене. Здесь было темно. Мало того, коридор выглядел иначе: его стены были не каменными, а скорее похожими на слежавшуюся, сырую землю.

— Цццц, — Ногач зашелестел, и я последовал на звук во тьме.

Несколько минут мы шагали, ничего не видя вокруг себя. Во всяком случае, не видел я; Ногач непрерывно стрекотал на манер цикады, и я шёл за ним, надеясь, что он видит дорогу. Под ногами что-то плескалось.

Впереди забрезжил свет, и через сотню шагов я увидел, что мы находимся в чём-то вроде естественного грота. Под ногами журчал ручеёк. Из голубоватой, глинистой земли, испещренной норами стрижей, торчали корни деревьев. Ручеёк вытекал из грота и впадал в коричневую лесную речушку, протекавшую перед нами в нескольких десятках шагов, по обоим её берегам росли уже привычные мне ели.

Ногач опустил Золто на землю. Я встал на колени у ручейка и начал жадно пить воду, черпая её горстями. Я пил и пил, сперва утоляя жажду, а затем стараясь напиться впрок. Ногач терпеливо смотрел, как я плещусь в водичке, а затем неожиданно встрепенулся и поднял голову, озираясь.

Позади, из прохода — или даже снизу, из-под земли, раздался низкий гул. Скорее это был даже рёв или ворчащий, скрежещущий звук. Он пробирал до костей, так, что даже мои зубы заныли от этого звука. Он длился и длился, и я начал будто бы даже различать в нём отдельные слова. Словно что-то огромное говорило под землёй, и от силы, вложенной в эти фразы, все волосы на моём теле поднялись дыбом. Меня пробила дрожь, Ногач повалился на землю, завернувшись в свой кожаный плащ, и жалобно скрипел, и лишь преспокойно лежащему в своём нигредо Золто было всё нипочём.

Это продолжалось, наверное, около минуты, а затем, на последнем, особенно могущественном слове, всё стихло.

Я приподнял голову и посмотрел в сторону расщелины, из которой мы пришли. И изумился.

Вместо узкой щели в глинистой земле передо мной был коридор из чёрного камня, резко обрывающийся в нескольких шагах от меня. Ручеёк иссяк.

Глава 17. Под солнцем

Ногач подхватил Золто, и мы бросились к реке. Промочив ноги до колена, я пробежал по отмели на другую сторону, Ногач обогнал меня, ломая ветви где-то впереди. Через сотню алдов, ругаясь и спотыкаясь о корни, я его догнал; тот остановился на небольшой лесной полянке, освещенной восходящим солнцем. Золто лежал на траве, а Ногач трясся всем телом. Увидев меня, он подбежал и спрятал голову у меня на груди. Я похлопал его по деревянному боку.

— Ничего, приятель, — постарался я его приободрить. — Ничего. Уже все закончилось. Что бы там не происходило, хорошо, что мы оттуда убрались вовремя. Давай немного передохнём, а?

Ногач не имел ничего против. Он все никак не мог отпустить меня, предполагая, вероятно, что я смогу защитить его, повторись этот жуткий шум снова. Похоже, произошедшее с Норами его сильно впечатлило. Меня, пожалуй, тоже. Хотя... честно сказать, меня много что впечатлило за последние дни, да так сильно, что будто бы даже уже сама моя способность впечатляться поизносилась от долгого использования.

Интересно, как долго мы с Золто отсутствовали? Время, проведенное в Норах, мне теперь казалось каким-то тягучим и одновременно рваным, как бывает, когда вспоминаешь сны. Вот баран, змеи; вот я куда-то бегу, тащу Золто, тело ломит от боли; а вот я уже вдохновенно рисую печати на стенах и очень доволен собой; вот я встречаю Ногача, а вокруг нас какой-то парад уродов.

Я отстранил манекена и подошел проверить нашего больного. Забавно, но при солнечном свете Золто не выглядел таким уж черным и таким уж закаменелым. На свежем воздухе и на свободе все казалось лучше и проще, чем в ловушках каменных коридоров.

После нашего счастливого освобождения из подземелья и мой настрой, и самооценка взмыли к небесам. В конце концов, что там говорили? Оттуда не выйти, если не знать путей, лишь самые смелые и отважные могут, а остальные — помирают... Ладно, столько подробностей про Норы я не знал, но общая идея была именно такой. И посмотрите-ка, кто вышел оттуда живой, невредимый, да еще и спас друга? Кто преодолел и хаотичные коридоры, и ладные? Кто собирал эссенцию? Обошел всех тварей без единого оружия, пользуясь своей хитростью и смекалкой? Да этот Сайбар и его шайка не стоят и шгиля в сравнении со мной — настоящим мастером, вот так-то!

Я поднялся на ноги, встал в гордую позу, затем раскинул руки, поклонился и широко улыбнулся. Ногач, вероятно, не понял моего порыва, но, на всякий случай, повторил мои телодвижения. Какой же он молодец! Повезло мне все-таки встретить такого друга!

Я счастливо подставил лицо свету, вдохнул полной грудью. Ногач прострекотал рядом что-то воодушевленное. Я ответил ему в той же манере.

Солнце поднималась над горизонтом, и сейчас приятно щекотало мой нос, приветствуя своего давнего друга. Я, прищурившись, отвечал ему улыбкой. Вообще-то мы не были с ним так уж хорошо знакомы, ведь в Ван-Елдэре почти все время пасмурно и идет дождь. Но я-то всегда любил тепло, а уж как успел соскучиться по его лучам в темных Норах! Как же хорошо, что мы выбрались! Никогда больше туда не вернусь, мне эта хаотичка и в полный штиль не нужна!

Давненько мне не было так хорошо и вольготно. Я чувствовал в этот момент

необыкновенный подъем всех моих душевных сил и, казалось, могу сейчас свернуть любые горы на своём пути.

Однако, как это часто бывает на пике радости, которую, казалось бы, не может испортить ничто и никто, происходит нечто, рушащее все твои безоблачные грезы. Некий фактор, что опускает тебя, летящего вместе с ветрами, на землю.

В моем случае этим фактором стало шебуршание, кряхтение, а после — хриплый голос за моей спиной:

— Какого хрена тут происходит?!

Я резко обернулся. Золто поднялся на локте и смотрел на меня и Ногача сердитым, полным претензий взглядом.

— Золто! — я кинулся к нему. — Ты живой! Ногач, смотри, он очнулся!

Радости моей не было предела. Золто живой и здоровый сидел на земле и хмурился. Я был так счастлив видеть его таким, что чуть не кинулся обниматься.

— Какого хрена? — повторил он громче.

— Ну... — я широко улыбнулся ему. — Можно ликовать — мы вышли из Нор! Я вывел нас!

Сейчас Золто осознает все величие моих славных подвигов и преисполнится благодарности, уважения и восхищения.

Золто сплюнул.

— Мы были в Норах?

Я сел рядом с растерянным ведьмачьим сыном.

— Ты только что вышел из нигредо, твоё сознание ещё не вернулось к тебе полностью. Вспоминай: я Ройт, твой... эээ... приятель. Мы шли в... как её? Вохотму, но угодили в Норы.

Золто схватился руками за голову. Вид у него сейчас был жалкий.

— Не помню ничего. Есть вода?

— Был ручеёк, но так вышло, что он пересох, — растерялся я. — Тут река недалеко.

— А где все наши вещи?

— Ну, они остались в Норах.

Этот вопрос меня вернул с ветров на землю. Я так радовался своим успехам в подземельях, что не подумал о столь приземленной материи, как сумки с вещами, продукты, оружие — то, что нам понадобится после выхода из тьмы на свет. Моей задачей было прорваться любой ценой, обхитрить монстров и не потерять Золто. Отчего-то под землей казалось, что стоит оказаться на поверхности, как любые проблемы исчезнут. Будто за пределами Нор ждет изобильный щедрый мир, готовый делиться с нами всеми своими дарами.

— Остались в Норах? — Золто округлил глаза. — Ты что последних мозгов лишен? Как это — остались в Норах?! Мы же не сможем за ними вернуться!

— А вот так. Что я, по-твоему, должен был выбирать — умирать там вместе с тобой и вещами или выходить? — я начал раздражаться.

Похоже, благодарности и понимания от Золто ждать не приходилось. Я успел позабыть, что мой спутник не наделен этими качествами вовсе.

— Знаешь, а в отключке ты был приятнее.

— Что значит — «в отключке»?

Золто вдруг застыл, смешно открыв рот.

«Вспомнил», — мстительно подумал я, наблюдая быструю смену выражений на его

лице.

Золто таращился сперва на меня, потом принялся ощупывать себя, схватился за руку, размотал тряпки и оглядел свою рану. Выдохнул.

— Я ведь...

— Ну да, — я ободряюще кивнул ему. — Я уже сказал. Ты влил в себя эссенцию. Теперь ты Алый, Золто. Все прошло успешно.

Я изобразил пафосное выражение лица:

— Право Крови Обретено в Смерти. Ылч Хоот Гнейя Тнах

— Но я ... — Золто снова нахмурился и застыл.

Я сорвал травинку и принялся крутить ее, чтобы чем-то себя занять, пока Золто осмысляет свой новый статус. Не каждый день сбывается мечта всей жизни, даже такая, на мой взгляд сомнительная.

— Я ничего не чувствую, — беспомощно объявил Золто через пару минут напряженного молчания. — Совсем ничего!

— Это нормально, — кивнул я ему.

— Нет! — он сердито сверкнул глазами. — Я никак не изменился! Совсем! Твоя хаотичка была ненастоящая!

— О, поверь, она была самая настоящая, высший сорт, — с готовностью заверил я его. — С пола, правда, но зато прижилась чудесно, как ты видишь.

— Но где мои новые умения?!

— Откуда мне знать? Ты их сам обнаружишь.

— Или нет, — Золто уже шипел от ярости. — Я должен был получить что-то, но я никак не изменился, она не подействовала! Это ты виноват!

Ну конечно. Как я мог сомневаться, что во всех неудачах он станет винить меня? С Золто было кошмарно трудно порой, однако я все равно был рад тому, что не один. Компания Ногача была, конечно, душевной, но поговорить на человеческом языке, пусть даже и наполовину ругательном, было приятнее деревянного скрежетания.

— Послушай меня, Золто, — я вздохнул и повернулся к нему. — Уверяю тебя, хаотичка моя сработала, можешь не сомневаться. Я прекрасно знаю все стадии ее принятия. И ты прошел их всех с достоинством истинного Алого в пятом поколении — ты пробыл в нигредо долго и вернулся бодрый и свежий. А значит, у тебя наверняка теперь есть немалая сила, только ее природу мы пока не знаем.

Я немного приврал. Насколько мне известно, время в нигредо и дар Хаоса почти никак не связаны, но Золто сейчас явно нуждался в поддержке.

— И как же мы узнаем природу моей силы? — он опустил на землю.

— Здесь — понятия не имею, — признался я. — Силы же очень разные. Бывают очень редкие, или странные, или те, которые работают только в определённое время. Но у нас в Ван-Елдэре, если ты хочешь понять свою способность, ты идёшь в Академию, платишь деньги и встаёшь в середину старинного массива, которым Алые пользуются уже лет шестьсот как и постоянно дорабатывают. И если твоя способность совпадает с одной из нескольких сотен тысяч, которые уже были зарегистрированы, то ты получаешь её полное описание. А если нечто новое, то массив хотя бы указывает примерное направление, где искать. Затем, тебе надо оказаться в условиях, где она может подействовать — и ура, ты чувствуешь в себе нечто вроде новой возможности...

— Несколько сотен тысяч!

— Ну, это же дар Хаоса, как-никак, — я пожал плечами. — Порой получаешь способности метать молнии из глаз. А порой — умение крутить бычьи хвосты бубликом или плевать за угол.

Золто смерил меня таким злобным взглядом, что я поспешил заткнуться. В конце концов, наверное, обидно с таким риском влить в себя эссенцию и не иметь даже примерных представлений о том, какая способность тебе досталась. В этот момент я искренне пожелал Золто этих его молний из глаз или чего он там хотел.

Отчаявшись понять немедленно, чем одарил его Хаос, Золто отправился за водой, проклиная меня за оставленные в Норах сумки.

— Эх, Ногач, вот так всегда, — пожаловался я другу, — ты рискуешь жизнью ради друга, тащишь его тушу через полные опасностей подземные коридоры, а получаешь не благодарность, а только упреки! Разве такое отношение заслуживают герои и спасители?

Ногач сочувственно поцокал.

— Слушай, дружок, — сказал я ему. — А ты знаешь, где, например, та же Почерма?

— Сскккры... — манекен задумчиво проскрипел.

Потом махнул рукой в неопределенном направлении.

— Цак!

— Далеко?

— Цак, цак, — пожал плечами Ногач. — Кц, кц, кц — скррры, цак — кц.

— Ну, сколько дней ходу примерно? — я попытался задать вопрос иначе. — Моего хода?

Ногач оценивающе посмотрел на меня, наклонив голову, и показал мне две пятипалых ладони, а потом загнул три пальца. Семь. Я присвистнул:

— Так ты же у нас математику знаешь! Ну-ка, а сколько будет девятью четыре?

Ногач трижды показал мне две пятерни, потом только одну руку, потом, подумав, ещё один палец.

— Вот молодец! Какой ты умный, — искренне восхитился я.

— Цак, цак, кррррр, — довольно проскрежетал Ногач. И подсел ко мне поближе, требуя ласки.

Я поскрёб его деревянную голову, приобнял и похлопал по спине (манекен тихо скрежетал, вроде как мурлыкал) и заинтересовался его новым плащом. Очевидно, он был сделан из кожи рыкташа; по сути дела, это была выскобленная и лишённая волос шкура, с аккуратно подрезанным краем и отверстиями для головы и рук. При желании, Ногач мог в него запахнуться, а так плащ складками висел у него за спиной. Ему не помешала бы, конечно, более тщательная обработка, пока он не начал портиться...

— Сам сделал? Вижу, что сам. Слушай, а ты, может, язык жестов знаешь? Ну, как глухонемые разговаривают, видел?

— Цак, — Ногач развёл руками. — Скррыы? — он вопросительно глянул на меня.

— Не, дружок, — я покачал головой, — я тоже не знаю. Жаль, а то бы один другого научил, и поговорили нормально.

Ногач совершенно человеческим жестом хлопнул себя по лбу.

— Цак! Крррр, — и достал из кармана свой — когда-то, впрочем, мой ножик. Открыл, приложил лезвие к своему отсутствующему рту и сделал вид, будто режет. — Кр-кр, кр-кр. Цак? — спросил он, протягивая мне ножик.

— Хочешь, чтобы я вырезал тебе рот?

— Цак, цак, — он настойчиво тыкал в меня рукояткой.

— Но, Ногач, недостаточно рта, чтобы говорить, — я был вынужден разочаровать его. — Нужен ещё язык и лёгкие, чтобы воздух проникал.

Ногач поднял с земли палочку и приложил её ко рту.

— Тррррр, — затрещал он, шевеля палочкой, как будто это был язык.

— А лёгкие? Увы, Ногач, — я покачал головой. — Тут нужен искусный мастер, а я разве что печати чертить умею. Слушай, — мне стало жалко моего безголосого деревянного друга, — придём в город — обещаю, зайдём к резчику, и что-нибудь придумаем. Язык, челюсть на шарнирах, зубы, может быть, даже. Возможно, и с лёгкими получится. Какие-нибудь маленькие меха... В общем, станешь ты у меня первый в истории живуля-говорун.

— Скррры, Цак, — Ногач наклонил голову, соглашаясь.

Из леса вышел, пошатываясь, Золто. Вид он имел неважный

— Я смотрю, тебе полегчало, — не удержался я от сарказма.

— Сам ты полегчало, — сплюнул тот сердито, — голова ноет, рука болит.

Он показал ладонь. Порез на ней был тёмным и распухшим.

— А вот не надо не пойми какую дрянь с пола себе в раны втирать, — проворчал я. — Там ходит баран мёртвый, улитки и змеи тоже дохлые. Мало ли что из них насыпалось там. Инфекция — слышал такое слово у себя в деревне, а?

Золто зыркнул на меня хмуро, сорвал с ближайшей ели пучок зелёных иголок и сунул в рот. Пожевал, сплюнул полученную кашу на порез и растёр.

— Это что за ведьмачье шаманство? — мне стало любопытно.

— Дез-инфицирую, — огрызнулся он. — Анти-септические свойства еловых иголок и слюны хорошо известны невежественным ведьмакам.

— Ого, — удивился я. — Поди ж ты.

— Ивняк надо бы найти, — хмуро проговорил Золто, оглядываясь. — С жёваной ивовой корой враз затянется. Мох тоже хорошо...

— Не ивняк и мох тебе нужен, а бинты, спирт, мыло, горячая вода, — я решил тоже внести свою лепту.

— Всё было у меня, — ведьмачий сын надавил на ладонь, и оттуда потёк гной.

— Что ж ты не подождал с хаотичкой хотя бы пока из Нор выйдем?

— А штиль меня разберёт, — буркнул Золто. — Мне тогда подумалось — помру так помру, чего терять-то.

— От заражения крови не помри, — напутствовал я его. — Что делать-то будем? Ты знаешь, где мы вообще?

Золто кивнул.

— Это Бурая. Ну, речка Бурая. По ней вниз пойдём до болота, там повернём через сосняк на юго-восток, к вечеру выйдем к Мякуше. Это озерцо, на нём в прошлом году ещё стоял балаган. Если он ещё стоит, заночуем в нём.

Я покачал головой.

— Мудрость твоя превыше неба и преглубже океана. Веди меня, Алый.

Золто что-то прорычал в ответ.

Глава 18. Балаган

— Не загорается! — Золто с остервенением тер между ладонями сухую кору. — Это не то!

— А если подуть?

— На ветра подуй, ясно?!

Мы пробирались вдоль живописной лесной речушки. Я предлагал всё новые варианты способностей, которыми мог быть наделён Золто, но, пока что, никакие из них себя не спешили обнаружить.

Золто не удавалось дышать огнём, перемещать живые, неживые и оживленные (Ногач) предметы взглядом, заставляя камни менять цвет, угадывать числа, лечить свои и мои раны (я по доброте душевной даже слегка поцарапал себе руку и предложил ему её подлатать).

Он не мог менять форму своего тела, заставляя прорасти растения, вызывать ветер, замораживать воду; превращать в другие материалы дерево, камень, песок, металл, приманивать птиц и рыб, убивать животных взглядом (я слегка опасался, что Золто достанется эта способность); очень быстро бегать, с невероятной точностью кидать еловые шишки (впрочем, в меня он несколько раз довольно болезненно попал); чинить поломанные вещи, находить потерянные, призывать духов стихий и деревьев, общаться без слов, видеть будущее, возвращаться в прошлое и тому подобное.

С каждой новой попыткой Золто всё больше мрачнел. Честно говоря, его настроение передавалось и мне. Чем дальше мы шли, тем отчетливее я понимал, что какая-нибудь неплохая способность вроде доставания из ниоткуда любых нужных тебе предметов, была бы сейчас очень кстати.

Без сумок идти было легко, хотя скорость наша перемещения из-за постоянных попыток Золто была не очень велика. Впрочем, я был даже доволен этим фактом. Как сообщил мне ведьмарёк, чёрные ягоды, в изобилии растущие повсюду, назывались черникой — и были съедобными. Я поглощал их на каждой остановке в невероятных количествах, пытаюсь утолить всё возрастающий голод. Золто после нигредо всё ещё мутило, и есть он не хотел. Мне же, несмотря на ягоды, уже очень хотелось горячей еды.

Интересно, Ногач питается разлитой в воздухе эссенцией? В Норах он был невероятно бодр. Помнится, я тогда обещал ему сделать одежду с печатями; надеюсь, он не запомнил тех моих слов.

Под конец дороги Золто впал в беспредельное уныние, и последние часы шёл молча, не предпринимая никаких попыток воззвать к своим силам Хаоса.

— Балаган — это вот это?

На пригорке у озера стояло нечто, напоминающее кособокую коробку без окон. Стены — частокол палок и прутьев, крыша — посеревшее сено. Сооружение угрожающе накренилось и, казалось, немедленно развалится от хорошего толчка.

Мой мудрый ведьмачий проводник кивнул.

— Я почему-то думал, — сообщил я, — что балаган — это бродячий цирк.

Золто начал издавать какие-то звуки, похожие на икание, и я с беспокойством обернулся к нему. Как оказалось, Золто смеялся. Ему бы не помешало поработать над техникой смеха.

— Думал, мы сейчас в цирк придём, что ли?

— Ага, — огрызнулся я, — и ты будешь выступать перед публикой со своими новыми способностями. Не зря же ты тренировался всю дорогу! Ты правда предлагаешь заночевать вот в этом?

Золто посмотрел на меня, потом на балаган, снова на меня. Ему явно хотелось пошутить, но я скорчил устрашающую рожу, и он пожал плечами.

— Может, его можно поправить, — неуверенно произнёс он в итоге.

Мы подошли к кривой недолачуге. Я толкнул стену, и весь балаган зашатался. Золто открыл дверь, и мы оба почувствовали устойчивый запах протухшей рыбы.

— Скрррр, — разочаровано протянул Ногач.

Он что, запахи чувствует? С другой стороны, в отличие от глаз и ушей (а он как-то же видит и слышит), нос у него был. Может быть, он чувствует запахи даже лучше гончей собаки.

— Ночуем на улице, — подытожил я.

— На проспекте ещё скажи, — огрызнулся Золто. — Хотя бы огниво там должно быть! Давай, городской, выноси наружу всё, что там есть. Лучше мы возьмём, чем оно там сгниёт.

Итак, к списку наших с Золто преступлений добавилось разграбление рыбачьего балагана. Нам удалось добыть несколько старых и рваных сумок, кучу грязных тряпок, какие-то дряхлые лысые шкуры, прохудившееся железное ведро, деревянное корыто с обломанным краем, трехногий табурет, мешочек отсыревшей соли, драные сети, треснувшие удилица, заржавевший нож, ржавую дымовую трубу, закопченную дочерна, и, наконец, главное сокровище — почти стёртое огниво. После этого в балагане осталась только утопанная земля — да и в той Золто кое-где порылся. Выйдя из шаткой хибары, мы устали на добычу.

— Мы богаты, — сказал я Золто, ткнув его кулаком в бок. — Я за всю жизнь не видел такого изобилия. Главное, не продавай сразу всё: знаешь, деньги ударят в голову, и ты пустишься во все тяжкие, спустишь на азартные игры и женщин.

Золто сел и принялся ожесточённо рыться в сумках, запуская руку за подкладку.

— Алмазы ищешь?

Он зашипел и начал трясти ладонью, в которой торчал рыболовный крючок.

— Дурак, — ответил он почти беззлобно. — Ты хоть удить умеешь?

Удить я умел. Впрочем, вероятно, думал, что умел — обычно я забрасывал наживку с моста через канал Замыслов, и ждал, пока клюнет какая-нибудь рыба. К тому же, моя нить была укреплена эссенцией порядка. Поэтому Золто пришлось делать всё самому. Он развёл костёр, и сел на берег с удочкой, наказав мне наломать столько сухих веток, чтобы хватило на всю ночь. Эту задачу я перепоручил Ногачу, и дерево пошло ломать дерево (пока мясо ловило мясо). Сев у костра на одну из шкур, я устался в огонь, пытаюсь собраться с мыслями.

Жизнь в Ван-Елдэре казалась от меня невероятно далеко. Сколько я дней здесь хожу по этим лесам? Я начал загибать синие от черники пальцы. Встретил Ногача, зазимовёха эта, затем в лесу рыкташ, затем в Норах два раза ночевал. Сегодня шестой день. А ощущение, что прошо три-четыре декады. Если события и дальше будут развиваться в таком темпе, мои пять лет изгнания будут ощущаться как пятьдесят. Я не отказался бы от пары-тройки спокойных декад — просто пожить где-нибудь, где тепло, сухо, и хорошая еда. На всё это, конечно, нужны были деньги. Ну, не беда. В ближайшем городе пошлю пирограмму,

например, тому же Йонку, пусть вышлет мне чек. Поселюсь в гостинице, отъемся, отосплюсь.

Живот сразу свело. Где там Золто с его рыбой?

— Золто?

— Не шуми, спугнёшь — шёпотом отозвался тот. — Вскипяти лучше воды в ведре.

— Оно же дырявое, — прошептал я.

— Оно с одной стороны дырявое, а с другой — нет. Поверни его боком.

Да, нищета и изобретательность шагают рука об руку. Очень не хотелось уходить от костра, и я медлил, грея отсыревшие от влажного мха ноги у рыжих языков пламени.

Из леса вышел Ногач, неся огромную охапку веток, бросил её недалеко у костра и сел напротив меня, скрестив ноги. Посмотрел на свою деревянную ладонь, поскрёб её, убирая налипшую смолу.

Я не переставал удивляться ему. Ногач был совершенно как живой. Да он и есть живой, конечно. С каждым днём он выглядел всё умнее. Интересно, как он думает? Как воспринимает себя? Не уверен, что об этом стоит спрашивать.

Я знал, что в Кутхе широко используются «големы» — оживлённые, которые заняты в монотонной и тяжёлой работе; они, по слухам, были невероятно глупы и могли выполнять только самые простые команды. Что, это оказалось тоже неправдой, так же, как и истории про «лишённых настоящих чувств» Белых, или ленивых и бездеятельных серых, у которых нет ни воли, ни интеллекта? Я представил себе, что где-то в беспросветном рабстве держатся сотни тысяч таких ребят, как Ногач. С другой стороны, могут ли они жить свободно?

— Эй, Ногач, — окликнул его я. — Спасибо за дрова. Слушай, а тебе не лень будет принести полведра воды?

Ногач встрепенулся, посмотрел на меня деревянными глазницами. Затем мотнул головой, завернувшись в свой кожаный плащ и повалился набок. Я испугано приподнялся — но увидел, что Ногач лежит, положив под голову ладонь, и тихо стрекочет, делая вид, что спит.

Хитрец.

За водой пришлось идти мне — погонщика големов из меня не вышло.

Когда я, оттерев песком ржавчину и держа полуполное ведро на руках, как младенца, пришёл к костру, Золто засовывал в огонь какие-то странные штуки, похожие на толстые лепёшки из грязи.

— Что это?

— Еда наша. Тут съедобная земля, знаешь об этом?

Я поперхнулся. Золто, скаля зубы, бросил на меня снисходительный взгляд.

— Это лещики. В глине.

— А, — протянул я. — Читал про такой способ, но никогда не видел вживую. Говорят, это вкусно.

— Сейчас всё вкусно будет, Ройт. Мы позавчера ели. — Золто перехватил у меня ведро и положил боком на несколько горящих полешек.

— Поза-позавчера вечером, — ответил я, схватившись за поднывающий живот. — Погоди, — я недоуменно уставился на него: — ты что — назвал меня по имени? Что это с тобой, Золто, ты не заболел? Смеёшься, шутишь, обращаешься ко мне? Пожалуйста, обругай меня и сплюнь, иначе я начну беспокоиться, что слишком сильно приложил тебя головой, пока нёс по Норам!

— Ну, ты же мне жизнь, получается, спас, — улыбнулся Золто. — Я всё же не совсем отбитый. Или совсем, — он внезапно помрачнел и застыл с мрачным выражением лица.

— Ты о чём? — я заволновался.

Мне очень не хотелось каких-то еще неприятных сюрпризов, а такое выражение лица обычно не предвещало ничего хорошего.

— Я же тебя подставил, — Золто поджал губы. — Ну, хотел подставить, еще до Нор. Вывести на Сайбаровых людей.

— Дела, — зевнул я, мысленно выдыхая — это были проблемы прошлого, которые не случились — не страшно. — Да, помню, ты в Норах говорил что-то такое. Ну, не подставил же. А зачем?

Золто покосился на меня, поправил свою стряпню в костре. Отвечать он не спешил — не решался или стыдился.

— Видишь куртку на Ногаче? — в итоге выдал он; я кивнул. — Он же её с Сайбара снял.

— Если ты скажешь, что все наши проблемы из-за крутки, то я буду долго смеяться.

Я на секунду представил себе это: злобный Сайбар пытается вернуть модную куртку, из-за чего теряет друга, а мы падаем в Норы, где тоже чуть не погибаем. Отличный сюжет для юмористической книги, я такие любил.

— Нет, — прервал мои фантазии Золто, — дело в том, что в этой куртке карта. Когда ты к нам на тропинке вышел, Сайбар забрал у меня карту и положил себе в карман. А Ногач меня к себе не подпускал — я пытался вернуть карту. Ну, я договорился с Сайбаром, что он нас встретит, и карту заберёт.

Золто покаянно вздохнул и сновм пошевелил поленья. Пока что все это звучало не слишком понятно.

— Что за карта-то? — попытался я вернуть Золто к рассказу.

Тот молчал какое-то время, потом негромко спросил:

— Ты о птичьих детях слышал?

— Конечно, — я гордо выпрямился: — я же получил прекрасное образование в Алой Академии и даже книги их читал. Но о них уже триста лет нет достоверных сведений. Вряд ли они вымерли — думаю, где-то скрываются. А что?

— У меня есть карта, на которой обозначена дорога к их землям, — сообщил Золто, вскинув головой. — Нашёл в той зимовейке, в которой мы были. Я хотел отправиться к ним, но один бы не дошёл. Договорился с Сайбаром — он снаряжает поход, я в нем участвую. А он карту у меня отобрал. Вот, — он отвел взгляд. — Я пошёл с ним поговорить, пока ты в зимовейке книжку читал. Порешили, что он нас встретит и заставит тебя отдать карту. А потом мы пошли, и я как-то передумал по дороге. Но они всё равно на нас вышли. Ну, и потом...

— Ого! — я перебил его стенания. — Экспедиция к птичьим детям! Ногач! Не притворяйся, вставай!

Ногач со скрипом сел и потянулся. Деревянные мышцы заскорузли?

— У тебя в куртке где-то карта Золто лежит. Можешь отдать?

Ногач начал шарить по карманам и извлекать их содержимое. Нож, проволока, кошёлёк — Золто сразу подцепил его и заглянул внутрь, затем разочарованно присвистнул и показал мне пустые отделения. Затем манекен засунул руку себе за пазуху и достал конверт из плотной бумаги. Протянул Золто.

Тот раскрыл его и извлёк сложенный в несколько раз лист пергамента. Я придвинулся

поближе, Ногач просунул свою голову у меня под мышкой. Карта была разбита на квадраты, в каждом из которых был маленький рисунок, и совершенно не походила на карту.

— Что это?

— Это кроки птичьих детей — отметки, которым нужно следовать, — пустился в объяснения Золто. — Это не обычная карта. Вот, смотри: — он ткнул пальцем в верхний правый угол. — Это начало. Маршрут идёт по спирали к центру. Всё начинается от горы, как я понимаю, Кугуз-Канде; её надо обойти слева. Там дальше изображено ущелье...

Ногачу стало неинтересно, он убрал свою голову и снова притворился спящим. Я продолжил изучать карту. Стало понятнее. Горы, ущелья, долины, водопады, деревья. Всё нарисованно тонкой кистью, тёмно-коричневой тушью. Вот человечек с крыльями показывает на несколько камней, сложенных пирамидой.

— А это что значит?

— Понятия не имею, я же там не был, — буркнул Золто, забирая у меня карту. — Так что думаешь-то про подставу мою?

Признаться, я не думал ничего. Помимо неосуществившегося предательства Золто случилось столько всего, что тратить время на разборки совершенно не хотелось.

— Ну, забавно получилось, — я пожал плечами. — Да шгиль с ней, с подставой. У нас вода в ведре кипит.

Золто махнул рукой с досадой.

— То есть, тебе всё равно? Вообще безразлично?

— А что, я должен быть оскорблён в лучших чувствах? — я недоуменно посмотрел на него.

Похоже, ведьмачий сын был высоких моральных принципов и теперь мучился. Это меня забавляло. При всей своей суровости и грубости Золто оказался совестливым парнем.

— Слушай, — поспешил я его успокоить, — ты понимаешь, что я, вообще-то, воспитан Алыми? Если ты Алый, ты вправе делать то, что хочешь, если ты способен это сделать. Право для сильного — закон для слабых, — я привел в пример Максиму. — Если бы ты меня предал, я бы тебе отомстил. Даже не обидевшись при этом. А после этого мы бы дальше могли работать вместе, если нам было бы это нужно.

— А доверие?

— Доверие у Алых означает, что ты считаешь кого-то другом, каковы бы не были его поступки, до тех пор, пока он остаётся самим собой, — сообщил я очевидное мне. — Друг может предать, но другом он быть от этого не перестанет.

Золто возмущенно уставился на меня.

— То есть, если, допустим, есть два Алых друга. Они могут друг другу лгать, подставлять друг друга, вредить планам друг друга... и считаться при этом друзьями?

— Ага, именно, — сказал я. — Слушай, вода кипит. Зачем тебе была нужна вода? Рыбу варить?

Ведьмачий сын встал, аккуратно снял плескающееся ведро с огня, опер его на кочку и закинул в него какие-то травы. Запахло мятой.

— Ты же говорил, что бунтуешь против Алых!

— Да. Я не буду тебя в качестве мести сдавать бандитам, если что. Однако обидеться на тебя, если ты этого от меня хочешь, я не могу. Не приучен.

Золто замолчал, отвернулся и начал тыкать палочкой в обмазанных глиной лещей.

— Скоро приготовятся?

— Через час, — буркнул ведьмачий сын, и принялся ломать дрова.

Повисло молчание. Ветра, он обижается на меня за то, что я не обижаюсь на него! Все-таки, разница менталитетов двух континентов ощущалась. В Ван-Елдэре даже серый не стал бы задавать такие вопросы, а тем более — обижаться, не найдя подтверждения своим принципам в других людях.

— Слушай, Золто, привыкай, — сообщил я бодро. — Ты теперь сам Алый. Яратирские Алые, конечно, не то что наши...

— Чем наши Алые хуже? — ещё пуще обиделся Золто.

— Не хуже, другие просто. Впрочем, я только слышал так, возможно, и врут, — примирительно проговорил я. — Например, слышал, что они не изучают Максимы. Это правда?

Золто мотнул головой.

— Кто-то изучает, кто-то нет. А зачем они?

— Ну, ты их хотя бы знаешь?

— Есть такая Максима — «Здесь Можно Всё», — усмехнулся Золто. — Значит, можно и не изучать Максимы.

Я махнул рукой.

— Можно, конечно. Но это же про возможное в мире говорится, а не про можно-нельзя, как родители ребёнку. Суть не в том, что тебе всё разрешено, а в том, что ты Алый, и тебе всё можно. Вообще всё.

— То есть, это про способности? — понял по-своему Золто. — Молнии метать, летать, через камни проходить, песок превращать в алмазы?

— Ну, и так тоже.

— Так способность получаешь только одну. Значит, что-то одно можно, а другого всего ничего нельзя. К чему тогда эта Максима?

Я вздохнул. Здесь был нужен кто-нибудь из педагогов Академии, я не был силен в объяснении теории Максим. Я просто понимал их.

— Скоро там рыба будет готова?

— Ты уже спрашивал. Через час где-то.

Я потянулся и сел, запахнувшись в шкуру. Вторая осень вступала в свои права, солнце склонялось к горизонту, и становилось холодновато. Делать было в общем-то нечего, и я решил, что, за неимением Академии и ее умов, мне все-таки придется просветить Золто самостоятельно:

— Как ты думаешь, как работают способности? Как мы их вообще получаем? Что это такое?

Золто задумался. Некоторое время смотрел в костёр, шевеля губами.

— Ну, типа есть два начала — хаос и порядок. Они есть в ветре, из которого сделан наш мир. Хаос — это вроде как жизнь, потому что жизнь типа безумная и хаотичная. Порядок — это всякое неживое, ну, и законы, которым это неживое подчиняется. Мы дышим, и вдыхаем и хаотичку, и ладанку, только очень разбавленные. Если в тебя влили хаотичку, твоё тело как бы меняется, и учится применять хаотичку, которой ты обычно просто дышишь. Вот. Так как это хаотичка, получаешь абы какую способность, что вывернется. Пару раз в день можешь жахнуть и просто благодаря тому, что типа надышал в себя хаотичного ветра. А если очень мощно хочешь жахнуть, или чаще, то тут надо близко к себе держать хаотичку, чтобы типа именно её потратить, а не то, что в себе накопил. Вот.

Я кивнул. Неплохо! Совсем неплохо.

— Правда, да не вся. Сейчас я тебе открою великую тайну, которую мало кто даже из Алых знает.

— А зачем ты мне откроешь великую тайну? — удивился Золто.

— А почему бы и нет, — отозвался я беспечно. — Могу открыть и открою. В общем, так: есть другие миры, кроме нашего. Их много разных, на разных направлениях — до каких-то можно добраться, если двигаться долго в пространстве, другие находятся в иных временах, третьи пребывают в особых фазовых состояниях материи. Но есть миры, которые находятся на границе между невозможным и возможным, и их называют — Миры Хаоса. Они управляются не законами, а сражающимися между собой принципами и максимами, которые зачастую противоречат друг другу. Понимаешь?

— Не особо, — зевнул Золто. — Но ты рассказывай. Тайна-то где.

— Миры Хаоса — и есть эта тайна. Погружаясь в нигредо, ты отправляешься в путешествие через бездну. С той стороны бездны расположены миры Хаоса, и ты посещаешь один из них. Скорее всего, они тебя поглотят и оставят у себя. Но если ты удачлив и устойчив, ты вернёшься назад с некоторым, не совсем осознанным, пониманием принципов и максимум того мира, куда попал. И через тебя эти принципы могут осуществиться здесь — при этом великая эссенция будет проводником для них. Однако, так как образ миров Хаоса за пределами твоего понимания, ты ничего не помнишь о нигредо. Для тебя это будет просто чёрная вода без памяти. То, что ты принёс сюда — оно содержится не в памяти, а в твоём праве.

Я глянул на чистые, незамутнённые пониманием глаза Золто.

— Слушай... ты очень учёно сейчас говоришь, прямо как настоящий аристократ. Обычно-то ты по-иному говоришь.

Судя по всему, великая тайна охраняла сама себя и так просто не давалась тем, кто ее знать не должен.

— Золто, я, конечно, бунтарь, но учился-то я в Алой Академии. Попервах я так и тележил, как по писаному, отчего народ только глаза пучил да в затылке чесал. Так что чтобы до серяков доходило, я наблатыкался по-простецки балакать. Сечёшь?

Золто гыгыкнул.

— То-то я и смотрю, ты для знатного слишком простой, — заметил он со знанием дела.

— Какой есть. Я же Алый, а не какой-нибудь расфуфыренный кутский вельможа одиннадцатого ранга, который без метафоры в пять ярусов не может спросить, где сортир. Рыба ещё не готова?

— Да даже глина не запеклась. Ещё час где-то. Выпей чаю.

Интерлюдия. Лексина

Священный город Ван-Елдэр

— В отчете сказано, что сигнал неровный и прерывается. Слишком далекое расстояние?

Лексина Дуайт внимательно изучала карту, склонившись над столом, обычно служившим для заседаний Алого совета. Сейчас в кабинете, впрочем, была только она и Старший. Подробная карта с рельефом, границами и пометками занимала больше половины поверхности стола. Рядом сгрудились карты другого масштаба, уже изученные и отвергнутые как недостаточно точные. Бледные солнечные лучи ложились на них неровными полосами, периодически исчезающими, когда набегала очередная туча.

— Мы не знаем, — Шоннур покачал головой, не поднимая глаз от документов, лежащих у него на столе.

— Как я поняла, объект будто бы все время выпадает из пространства, — заметила Лексина, простучав пальцами по горному хребту. — Словно голова, которая то появляется под водой, то исчезает в волнах. Он ранен?

— Мы не знаем, — повторил Шоннур.

— Может это быть отражением состояния здоровья — обморок, кома, смерть?

— Мы не знаем.

Шонн сложил бумаги, поднялся из-за своего стола и подошел к ней.

— Информации мало, — произнес он, тоже глядя в карту. — Ты отправишься в Почерму и двинешься от нее к этой точке, — он показал направление. — Ройт жив, и он в этом районе континента, вот единственные достоверные факты.

Лексина кивнула. Радиус поиска был обширным, но задача не казалась невыполнимой.

— Поддержка по прибытию? Информаторы?

— Никого. Ты прибываешь тайно и сразу уходишь из города в эту область, — Шонн обозначил на карте квадрат поиска.

— В Ван-Елдэре сейчас беспокойно и...

— И ты понимаешь, что поиск Ройта Айнхейна — приоритетная задача. Его надо найти. Быстро и бесшумно, — он выразительно глянул на Лексину.

— Род Анхейн — яркая густая кровь, проблемы не будет, — уверенно кивнула она, продолжая изучать карту.

— Ройт яркий, — хмыкнул Шонн, — но есть еще кое-что, — он подал ей бумаги. — Здесь вся информация об объекте, тебе она уже почти вся известна. Я хочу, чтобы ты посмотрела последнюю страницу.

Лексина оторвалась от карты:

— Здесь подробный отчет о суде Хаоса.

— Именно, — Шонн ткнул пальцем в лист. — Ройт отмечен Храмом. Неизвестно, что это значит.

Глаза Лексины вспыхнули.

— Теперь уже хочется покинуть поскорее Ван-Елдэр, не так ли? — Шоннур улыбнулся. — Я бы сказал тебе быть осторожной, но не знаю, что это подразумевает в данном случае.

— Есть сводка по схожим случаям? — Лексина нервно дернула плечом, поднимая взгляд. — Другие вмешательства Храма в судебный процесс?

— Они тебе не помогут, — Шонн покачал головой, — это как гадать по эссенции. Факты таковы, что Ройта отправил Храм на другой континент, согласно его желанию или нет — неизвестно. У тебя время до заката, собирайся.

Лексина скрутила бумаги трубочкой, еще раз глянула на красный флажок посреди лесного массива, кивнула и вышла.

Охранительница Йис поджидала ее на лестнице. Вот кого совсем не хотелось видеть перед ответственной миссией! Неужели Шонн назначил ей сегодня встречу, когда у них и так хватает конкретных и неотложных задач помимо расшифровки туманных пророчеств?

— Нет времени, — оборвала ее Лексина, не давая сказать и слова. — У меня задание. Я уезжаю на закате.

— Бунт на речной пристани.

Охранительница Йис, как обычно, не посчитала нужным вникать в проблемы этой реальности, а ограничилась своей. Где ее знания, разумеется, были важнее срочной командировки на другой континент.

— Я же сказала, что сегодня уезжаю, — Лексина раздраженно повела плечом, быстро спускаясь мимо прорицательницы. — Передай это кому-то из своих, кто остаётся.

— В Ван-Елдэре нет речной пристани. Технически говоря, у нас канал. Я полагала, ты помнишь об этом.

Слова Йис заставили ее замереть.

«Проклятая ветрами ведьма!»

Лексина сжала перила, выдохнула и медленно развернулась.

— И что это значит? — она сердито сузила глаза.

Эти туманные намеки всегда раздражали Лексину. Конкретика, вот, что требовалось в ее работе. Чем больше данных, тем проще выполнить задание. Охранительница Йис же любила сыпать фразами, смысл которых можно было понять только после того, как описанные ею события уже произошли. По мнению Лексины, такая информация изрядно сбивала с толку, но никак не помогала.

Ко всему прочему, способности Йис вызывали у Лексины иррациональный страх, хотя она, конечно, никогда бы не призналась в этом. Но было что-то зловещее в ее способности видеть фрагменты будущего. Необратимость и власть судьбы — вот, что символизировала Йис. Эта способность, казалось, обесценивала всю работу самой Лексины — и даже ее жизнь; решения сложнейших задач, действия и планы выглядели с этой точки зрения лишь бессмысленным барахтанием в луже. Ведь если все твои будущие действия уже записаны, зачем тогда вообще что-то делать? Лексина предпочитала никогда не думать о том, что где-то есть кто-то или что-то, что уже все решило за нее, за ее друзей и коллег, даже за их потомков. Возможно, за весь мир — до конца времён.

Но не Йис. Йис предпочитала напоминать об этом ей при любой возможности. Лексина подозревала, что из одной только вредности.

— Ты знаешь, дорогая, — со вздохом отозвалась та, — что мне редко видны смыслы; чаще — это только блики, отсветы, которые отбрасывает грядущее.

«Она специально говорит так, потому что знает, как сильно меня это бесит!»

Лексина поджала губы, уговаривая себя не грубить. Охранительница Йис хоть и не была ее прямым руководителем, влияние имела не меньшее.

— И что это за блики? Что их отбрасывает?

— Твоя смерть.

Прорицательница пожала плечами с вежливой, чуть извиняющейся улыбкой, будто только что сообщила о досадном недоразумении, вроде затяжного дождя или отмены концерта, и неспешно поднялась на площадку, чтобы тут же скрыться за дверью кабинета Шоннура.

Бунт на пристани. Твоя смерть.

Нос резко втянул полный сквозняков лестничный воздух. Лиса слышала сказанные слова и теперь искала их источник.

Глава 19. Ужин

Казалось, наш ужин не начнется никогда. Я уже извелся, ожидая обещанную рыбу, и был согласен на чай — но не очень понимал, как пить его из ведра.

Золто заметил это и подал мне пример, подцепив его за доньшко и рукоятку, и приложившись к краю. Потом предложил то же сделать и мне.

— Может, подержишь? Или нет, давай я сам, — я взял у него ведро и аккуратно отхлебнул горячий взвар, довольно ароматный.

— Хм, неплохо. Хотя с рыбой бы... ладно, — остановил я сам себя, понимая, что уже надоел Золто, который был таким же голодным, но более терпеливым.

Я решил скрасить ожидание беседой:

— Вернемся к тайнам Алых?

Золто неопределенно пожал плечами. Я счел это за «да».

— Смотри, есть, например, мир Хаоса, где существует принцип... ну какой попроще? Принцип, что всё повинуется твоей воле. Всё происходит так, как ты захочешь. Понимаешь?

— Типа любые желания выполняются? — тут же оживился Золто.

— Ну, если ты чётко-чётко себе их представишь и приложишь волю, то они осуществляются сразу же, — кивнул я.

— Неплохо, — одобрил Золто.

— Значит, ты попадаешь вот в такой мир Хаоса. И немного, немного понимаешь этот принцип. И вернувшись, ты можешь делать так, чтобы твои слова становились правдой, если ты рассказываешь о, например, погоде. То есть, ты говоришь — сейчас пойдёт дождь, — и применяешь способность. И сразу же начинает идти дождь. Прямо над тобой собирается тучка и идёт дождь. Но во всём остальном ты этот принцип в себе не запечатлел. Ты ограничен условиями — нужно сказать слова, слова должны быть о погоде, возможно — у тебя должен быть слушатель, который тебе поверит. Это обычная, крохотная Алая способность. Понятно?

— Ага, — ответил Золто. — Сейчас понятно.

Он подцепил палочкой одну из глиняных лепёшек и перевернул, потом перевернул следующую. Я сглотнул слюну, но мужественно продолжил:

— Если ты увидишь, что происходит это не оттого, что просто «применилась способность», а оттого, что ты ухватил за кончик нитки огромный клубок из принципов мира Хаоса... ты можешь обрести чуть больше понимания того, что *в действительности* происходит, когда ты управляешь погодой своими словами. Ну, мне так говорили, — добавил я поспешно, замечая недоуменный взгляд Золто. — Я сам, как ты знаешь, способностей не получал, но уж слышан про это — только ветер в путь. И ещё, ты изучаешь Максимы и живёшь как Алый именно для того, чтобы действительно понимать, что произошло с тобой — это не случайность, а проявление твоего настоящего права. Ты перестаёшь бояться тьмы, смерти, но главное — ты перестаёшь бояться своей силы.

— Силы-то своей что бояться?

— Правильно, так всегда и думай, — одобрительно кивнул я. — Так вот. Потом ты отправляешься в нигредо ещё раз. И обычно снова посещаешь тот же самый мир. Всё ещё есть вероятность, что он тебя заманит, поглотит, но уже меньшая. И ты там понимаешь что-то ещё. Возвращаешься — и можешь уже не только словом погодой управлять, а, например,

если твёрдо решишь сквозь стену пройти — пройдёшь. И мало того, твоё управление погодой станет сильнее. Способности из одного мира будут как бы поддерживать друг друга. Слушай, рыба ещё не готова? Может, готова уже?

— Не готова! — Золто яростно потыкал палкой в потрескавшиеся глиняные лепёхи.

— Смотри, подгорит! Может, попробуем одну?

— Не готова, говорю тебе. Что там с твоими мирами Хаоса?

Я уныло вздохнул, отвел взгляд от манившей меня рыбы. Золто мог бы стать прекрасным палачом — пытатель людей у него получалось превосходно, я уже был готов сознаться в чем угодно, только бы рыба оказалась у меня в животе. Пусть и полусырая.

— Ну, собственно, если ты родовитый Алый и часто принимаешь эссенцию, то нужно стараться прочувствовать, какого рода мир, который ты посещаешь через нигредо, — продолжил я лекцию. — Если это один мир, то идеально, и твои способности будут быстро возрастая, но так никогда почти не бывает. Обычно их несколько, и просто один мир самый частый. А если тебя мотает каждый раз в новый мир, то у тебя будет просто россыпь случайных слабых навыков. Так вот. Ты не пытаешься вспомнить, что там конкретно за мир — ты утверждаешься в своём праве проводить его волю. И однажды ты можешь утвердиться настолько, что своей волей — ну, и с помощью ведра эссенции — сможешь перенести все его принципы сюда целиком, на какое-то время. Создать Реалиору Хаоса. В моём примере — это будет Реалиора Воли. Пространство, внутри которого всё повинуетя твоей воле, и только ей. Все желания исполняются. Здесь, в этом мире.

— Ого! — ахнул Золто; это его действительно впечатлило. — Быть такого не может!

— Здесь Можно Всё, — усмехнулся я. — Даже сейчас у каждого Архонта есть по меньшей мере одна своя Реалиора, а у Алого Брата их было, по легендам, целых четыре. Об этом не пишут в газетах, но все, кому надо, знают. Думаешь, Алые правят в Гегемонии Хаоса потому, что всех недовольных бьют молниями или ещё как-то? Не, брат, их сила в Реалиорах.

— Но Воли... это же можно что угодно пожелать!

— Это не совсем так работает, — я покачал головой, немного забавляясь его наивности. — Нужно действительно желать чего-то, и очень точно. Если честно, я не очень знаю, как оно работает на самом деле. Хотя Реалиора Воли есть у Вилириана. То есть, моего отца, Архонта Непреклонности.

— Что? Твой отец — Архонт? — Золто открыл рот, и даже отстранился от меня, глядя ошеломлённо.

Я раздражённо фыркнул. Опять эта реакция.

— Ну, да.

— Как же тебя изгнали-то? Если твой отец — Архонт? Я думал, Алые могут что угодно делать.

— Вот, значит, им было угодно меня изгнать, — я криво улыбнулся, вспоминая подробности своего здесь появления. — Устроили целый суд — дескать, нарушил то и это. Но выгнали меня из-за собаки Ликса — это мой брат. Я её посыпал эссенцией порядка, и она окаменела, а это какое-то там нарушение... То есть, весьма конкретное нарушение — я вроде как уничтожил свободную, хаотическую волю живого существа.

Я развел руками, не зная, что еще сказать по этому поводу. Этот случай с собакой и последующий суд сейчас меня волновали мало, по своей природе я не был склонен сожалеть о прошлом, как и заглядывать в будущее. Настоящее всегда казалось мне самым интересным

из времен.

— А зачем ты это сделал?

— Собака эта меня едва не загрызла, — отозвался я лениво. — Я, вообще-то, не думал, что она окаменеет. Но понимаешь, если бы я её, например, просто пристрелил, это не было бы нарушение, — все-таки объяснил я Золто. — Ну, с Ликсом бы поссорились. А эссенцией на неё влиять — серьёзное преступление. Вот так. Но на суд меня вызвали не из-за собаки, а из-за того, что я хочу, чтобы в Совете Ван-Елдэра были бы в том числе и Белые, и серые, а не одни Алые. Да плюнь ты на это архонтство, — я поплотнее завернулся в шкуру. — Ты же теперь тоже Алый. Может, и сам Архонтом станешь однажды, если в Ван-Елдэр приедешь. Только для этого нужно изучать Максимы, жить как Алый и воспринимать свою способность как своё право, — сказал я, и сразу же пожалел о сказанном — лицо Золто вытянулось от досады.

Он буркнул что-то неразборчивое, подцепил одну из лепёшек и достал из костра.

— Готово?

— Может, и готово, — ответил ведьмачонок, катая дымящуюся лепёху по траве.

Он разломил глину; внутри было белое рыбье мясо. Золто начал его трескать с огромной скоростью.

— Эй! Эй!

— Не готово, — прошамкал он. — Почти сырое, — он снова вгрызся в рыбину.

— Отдавай рыбу, — я вскочил и попытался отнять у Золто кусок.

— Я Алый, — ответил он, отбегая (и не переставая при этом жрать), — и делаю что хочу!

Научил дурака на свою голову. Я вернулся к костру, выковырял другую лепёху и палочкой покатыл её по росистой траве. Затем, обжигаясь, разломил пополам глину, подцепил пальцами белое мясо, подул на него и отправил в рот. Было невероятно вкусно.

Следующие полчаса мы провели в молчании, поглощая рыбу. Действительно — я оценил это только в последних рыбах, которые ел уже медленно и впрок — первая порция была сыровата.

— Хлеба бы, — Золто погладил себя по животу.

— Вот дойдём в город, закажу нам с тобой нормальных обедов, — пообещал я.

— У тебя деньги, что ли, есть? — удивился Золто.

— Пошлю пирограмму в Ван-Елдэр, попрошу у друзей подтвердить чек, — я пожал плечами, уж с этим проблем точно быть не должно было.

Я оставался Алым, хоть и на другом континенте.

— Какую пирограмму ещё? — Золто недоуменно нахмурился. — В Вохотме пирограф разве у мэра есть. Но нам туда нельзя идти.

— Почему нельзя? — пришло время удивляться мне.

— Потому что Сайбар в Вохотме, считай, второй мэр, а мы ему дорогу перешли, — уныло сообщил Золто. — Мне в ратушу соваться вообще нельзя — сразу арестуют за убийство. А тебя, может, и не арестуют, но как выйдешь из ратуши — скрутят в ближайшем переулке, и никто тебя не видел.

Это звучало логично, но мне все равно верилось как-то с трудом.

— Слушай, но Сайбар же бандит обычный, — озвучил я свои мысли, — вряд ли он пойдет на тебя писать жалобы.

— Он из Кяськи, — разъяснил мне Золто. — А Вохотма — она Кяськи платит за провоз.

— Чего?

Пришло время Золто разъяснить мне устройство мира. Теперь уже того, где мы с ним находились, а не тех, куда отправлялись искатели даров Хаоса.

— Ну, — начал Золто, — в общем, Вохотма торгует с разными там городами: с Дютюхом, Шунем, деревнями разными, но главное — с Почермой, по реке. До Почермы река Удо мелковата, а после Почермы — ну, чисто море. Туда уже резаки заходят... ну, режущие корабли, в общем. В общем, так что, посередке между Вохотмой и Почермой...

Я вздохнул и приготовился слушать.

Перескакивая с пятого на десятое, Золто рассказал, что Кяськи — город, который образовался несколько сотен лет назад на обнаруженных богатых залежах свинцово-серебряных руд. Из-за вредности производства там работали большей частью люди, которым было некуда податься, а также каторжники. От внешней угрозы их охраняли войска, от бунтов — надсмотрщики, друг от друга — стражники из бывших преступников, и каждый обеспеченный человек в городе нанимал себе нескольких телохранителей. Всем заправляли несколько враждующих гильдий, каждая из которых держала одну из шахт.

По мере того, как рудники истощались, Кяськи постепенно превращались в город, полный злобных, нуждающихся и вооружённых до зубов мужиков. Город оброс валом, частоколом, орудийными бастионами — а в городе поднялись внутренние крепости, башни бывших гильдий, а теперь — бандитских братств. Теперь расположение Кяськи вблизи Удо, на одной из торговых артерий Яратиры, стало большой проблемой — при желании местные заправилы могли пресечь всю торговлю между Почермой, главным речным портом Удо, и несколькими городами севернее, в частности, Вохотмой-на-Удо. Впрочем, Кяськи не особо зарывались, и держали себя так, что, вместо того, чтобы ожидать торговой блокады и разбойничьих набегов, дешевле было платить им некоторую дань продуктами, — что и делали окружающие города. Тем не менее, они считали себя вправе грабить часть торговцев, не заплативших им «подорожную», и захватывать случайных путников. Пленных заставляли работать в шахтах и плавильнях, выжимая из истощенной породы последнее, пока их родственники собирали деньги на выкуп. Наличие заложников, к тому же, давало Кяськи ещё один рычаг давления.

Совет городов Яратиры давно собирался «разобраться» с проблемой Кяськи, но войска для решения никто выделять не спешил. Каждый понимал, что взять хорошо укреплённый город, полный людей, которым нечего терять — будет стоить большой крови. Десять лет назад Кяськи брали в осаду, но они отбили несколько штурмов, а затем погнали осаждающих. Это стоило своих постов многим членам совета, ответственных за планирование военной операции, а потерпевших поражение полководцев судили — не за поражение, а за то, что они, спасая остатки войск, не смогли принести домой тела павших воинов.

Неудивительно, что новых энтузиастов в совете решать проблему Кяськи пока не находилось.

Сайбар был крупной шишкой в Кяськи, и, разозлив его, мы заработали себе кучу проблем. Мы не могли добраться лесом до Почермы, потому что обязательно напоролись бы на бандитов из Кяськи. Я не мог запросить денег из Ван-Елдэра. На деле, единственным безопасным способом добраться до Почермы из Вохотма-Удо, было сесть на теплоход первого класса, хорошо охраняемый — не считая того, что теплоходная компания имела необходимые договорённости с бандитами. Однако билеты стоили приличных денег, а их не

было.

Где взять денег — проблема, никогда передо мной доселе не стоявшая. Деньги всегда просто... были. Нет, я неплохо разбирался в экономике и предпринимательстве, и, если дать мне полгода-год и пару миллионов двойных, наверняка смог бы основать какое-нибудь прибыльное предприятие на Яратире. Однако, как заработать десяток галер — местная крупная денежная единица, эквивалентная примерно сотне наших двойных — я понятия не имел. В книгах герои продавали артефакты, добытые ими в древних руинах и пещерах, добывали трофеи в бою. В тяжёлых случаях они подрабатывали колкой дров в деревнях.

Однако, пройдя подземелье, подобно настоящим героям, мы остались даже без запасной одежды, не добыв ни единого артефакта. Трофеев в бою мы добыли — куртку Сайбара; но после того, как Ногач в ней распотрошил рыкташа, она изрядно утратила товарный вид. Золто что-то мямлил, что сможет одолжить денег у друзей в Вохотме, но судя по его постному лицу, ему ужасно не хотелось этого делать.

Что ж, Ройт Великолепный, будем рассчитывать на удачу. Ты всегда был силен в импровизации.

— Ну что, — я потянулся. — Поспим, а наутро подумаем, как решать наши финансовые проблемы.

— Если получится, — хмуро отозвался Золто. — Ночью могут быть заморозки. Видишь, какое небо?

Небо выглядело прекрасно — ясное вечернее небо. Появлялись первые звёзды. Было, действительно, холодно — изо рта шёл пар. Но я полагал, что если тепло укутаться в шкуры и придвинуться поближе к костру, можно будет и заночевать.

— А что небо?

— Вот такое вот небо осенью — значит, заморозки будут, — не прояснил ничего Золто. — Без кукулей мы ноги протянем.

— Кукулей?

— В чём ты первую ночь спал? Это был олений кукуль. Одеяло из оленьих шкур.

— А это? — я тряхнул шкурой, в которую сейчас кутался.

— Дрянной лысый баран, — хмыкнул Золто. — Тяжёлый, сырой, да и как в него завернёшься? Он тебе как куртка. Вот если ты отдашь мне обе шкуры, а сам будешь дрова подкладывать, я, может, и покемарю пару часов. Потом поменяемся. А куда ты кукули-то наши дел?

Я рассказал ему историю про живую стену. Золто впечатлился.

— То-то от меня болотом так несёт, я-то думал, — протянул он. — Значит, изрезал кукули, начертил печатей, чтобы липняка лечить — а потом всё ему отдал. Жалостливый ты — ветер в путь. Теперь липняка от хаотички раздует вдесятеро, вот норщики-то порадуются. А если печати твои уцелели, так они озолотятся.

— Не думаю, — протянул я. — Там какая-то странная штука случилась, — я поведал историю про сияющий коридор и странный гул из-под земли. — Думаю, все печати погасли или испортились.

Золто застонал.

— Весь коридор исчертить? Ты бы собрал хоть немного хаотички! Продали бы, а сказали бы, что норная. Вот и деньги были бы.

— Печать я и здесь начертить могу. Но как мы хаотичку продадим, — резонно возразил я, — если нам через Вохотму нужно незаметно прошмыгнуть?

Но у Золто уже горели глаза.

— Я Кине передам, а та продаст, — самым своим убедительным тоном произнёс он, — это не то, что с голым задом к ней приходиться и просить денег взаймы.

— Кина? Это о ней ты говорил — «друзья в городе»?

— Ну да.

Я понимающе хмыкнул.

— Ну да, у «Кины» — я подчеркнул это имя — одалживать деньги... Ладно, давай начерчу...

Честно говоря, мне и самому хотелось начертить ещё одну печать. Я помнил начертательное вдохновение, охватившее меня в Норах, и мне было интересно, вернётся ли оно ко мне здесь, на поверхности — или оно было следствием насыщенного эссенцией воздуха. Я встал, покрутил начинающими замерзать руками.

— Ножик одолжишь, Золто?

Подошёл к широкому еловому стволу, темнеющему в вечерних сумерках, и примерился.

— Я бы попросил тебя дать слово, — начал я, прикидывая размер будущего плетения, — но мне кажется это оскорбительным.

— Чего?

— Ну, это будет означать, что я считаю тебя совсем тупицей.

— Какого штиля ты гонишь?! — он тут же подскочил.

Я спрятал улыбку.

— Только совсем тупица бы не сообразил, что ни в коем случае нельзя, чтобы другие узнали о том, что я умею рисовать печати, — объявил я, делая первый штрих.

— Почему?

— Потому что в таком случае меня тут же поймают, посадят на цепь и заставят рисовать печати вовсе не для нас с тобой, а для других. Правда ведь?

— Ну да, — протянул Золто.

— Ну вот, ты это и так знаешь, — я улыбнулся, — поэтому и не прошу давать слово молчать, ты и сам понимаешь, что такой секрет нам никак выдавать нельзя, иначе ни хаотички, ни денег нам не видать. Но пока никто не знает про нас, — я сделал ещё два штриха, — мы вполне можем неплохо заработать.

Интерлюдия. Линен

Священный город Ван-Елдэр

В запылённом зеркале отражался высокий мужчина в сером костюме. Гладкая, розоватая кожа ничего не говорила о возрасте, в белых волосах не было заметно седины, но Линен чувствовал: она там есть, она угрожает. Двадцать лет до того, как тело его начнёт подводить. Тридцать лет до того, как разум его ослабеет, а мышцы одрябнут. Через сорок лет он превратится в развалину, через пятьдесят — в корм для червей. Линен и Тьори горлом ощутил подступающую панику. Время, время уходит, он может не успеть.

почему они так долго возятся почему

Он закатал рукав, вонзил в своё предплечье острый ноготь и прочертил длинную, кривую черту, сразу же заполнившуюся кровью. Это его освежило; руки перестали дрожать.

«Благородный человек не может быть обманут. Низкий человек живёт во лжи. Лги, и так ты обнаружишь благородство.

— Может быть, всё же настроить камеру не на Почерму? — лысый настройщик в запачканной металлической пылью белой мантии стоял, скрестив руки на груди, и демонстративно не торопился выполнять приказ.

— Какие-то сложности? — Линен приподнял светлую бровь.

Его глаза глядели сквозь мастера.

— За последние пятнадцать лет никто не мог пройти через неё. Обычно ходят через Дютюх, он сравнительно недалеко. Там... это проще сделать. Хорошие ребята, они правильно думают, хорошо, радостно отдают свою жизнь. Ничего сложного. В Почерме же...

— Если я пойду через камеру, расположенную в городе Дютюх, — прервал его Линен, — я окажусь в двухстах сорока газарах от Почермы. Добираясь туда, я потеряю двенадцать часов. Да, я знаю, что Почерма саботирует переносы. Очевидно, что местный мастер-логик возражает против использования камер, считая, что они отнимают слишком много жизней. Он самолично входит в приёмную камеру, и тот, кто пытается через него пройти и не способен подтвердить своё намерение, умирает. Я знаю это.

Настройщик наклонил голову, глядя на Линена.

— И?

— Вопрос здесь в чём: ты жалеешь меня, полагая, что я не справлюсь с выжившим из ума и сбившимся с пути стариком? Тогда ты глуп. Или ты сочувствуешь его одинокому походу и жалеешь его, зная, что я его сокрушу? Тогда ты предатель. Но будь ты предатель или глупец, для меня это не играет никакой роли, пока ты можешь соорудить эту камеру с камерой в Почерме. И предатели, и верные, и глупцы, и гении, и живые, и мёртвые — все приносят равную пользу и все получают равную награду.

Настройщик кивнул и положил руки на панель.

— Да, — спокойно сказал Линен. — Если через полчаса в камере будет моё мёртвое тело — упомяни, что я выступал за ужесточение контроля за камерами переноса и настаиваю, чтобы их использовали только в крайних случаях. И при любом исходе: мастера Дютюха — показательно казнить. Он оболванивает хороших мастеровых, превращая их в скот. Мёртвым он будет нам полезнее, чем живым.

Мельхиоровая дверь захлопнулась за Линеном. Мягко прошуршали замки. Темнота. Затем мягкий, рассеянный свет, идущий из ниоткуда. Светится сам воздух.

Он больше не выйдет за эту дверь. Возможно, не выйдет и за другую.

Металлический цилиндр: места хватает только, чтобы стоять одному. Полированные стены.

Линен провёл рукой по гладкой поверхности.

Под пальцами засияли, переливаясь, красные линии начертаний.

— Истинное нельзя разрушить, — спокойно сказал он.

В воздухе повисло молчание. Затем другой, чуть надтреснутый голос, ответил ему из пустоты:

— Разрушенное не было истинным.

— Брат, ты хочешь жить? — спросил Линен.

— Желание жить убивает, — произнёс с мягким укором голос. — Ты желаешь породить во мне желание жить и после убить меня им?

— Я не желаю подобного. Осуществить Невозможный План — моё единственное желание.

— Единица не способна познать самоё себя, двойка не может осуществиться в единицу. Если у тебя есть единственное желание, оно неведомо тебе. Если у тебя есть два желания, оба они ложны.

— Ты умён, и не скрываешь это. Множество — данность, единица — решение. Я принимаю решение, и выбираю своё желание. Я желаю осуществить Невозможный План.

— Ты готов отдать свою жизнь, чтобы План осуществился?

— Я не могу знать, готов ли я отдать свою жизнь, так как я не делал этого раньше, — голос Линена был спокоен. — Возможно, я готов. Возможно, нет.

— Скажи мне своё Кредо, чтобы я увидел тебя, — в голосе прорезалась заинтересованность.

— Вот моё Кредо.

Мир бессмысленен. Я клянусь, что стану смыслом. Жизнь несправедлива. Я клянусь, что стану справедливостью. План невозможен. Я клянусь, что осуществлю его. Смерти на этом пути бесчисленны. Я клянусь, что отменю их. Я осуществлю Невозможный План, сотру само слово «смерть» из языка и выстрою мир, не знающий о боли. Я оправдаю каждую пролитую слезу, верну каждого умершего, уничтожу всё неистинное, как в себе, так и в других. Там, где был страх невежества, возликует разум; где была бездна хаоса — воссияет гармония.

Тишина.

— Это хорошее Кредо, — ответил голос хрипло. — Я слышал подобное Кредо раньше, но там упоминались, в том числе, братья и сёстры по духу. Был другой, стремившийся отменить смерть. Он клялся найти своих, собрать их вместе и вместе с ними сломать врата смерти.

— Я полагаю, что он отдал своё тело для твоего переноса, так? И ты унаследовал его Кредо? Я знаю, что ты возражаешь против камер. Что ты самходишь в них, чтобы спасти свою ячейку.

— Камеры убивают хороших людей, превращая их в топливо для переброски. Мы пользуемся этой кровавой технологией несколько столетий, скрывая эту мерзость от всего мира, опасаясь, что нашу тайну раскроют. Это недостойно. Но хуже всего не это. Хуже всего

— всё более и более возрастающая бессмысленность подобных жертв. Прогресс не стоит на месте. Триста лет назад требовался год, чтобы добраться до Ван-Елдэра из Почермы. Теперь четырёхмачтовый резак проходит этот путь за шестьдесят дней. Говорят, у вас появились проекты летательных аппаратов с огромной дальностью полёта? Каркасных баллонов, с тепловыми двигателями, способных подниматься выше горных хребтов и лететь против ветра?

— Да. Есть даже экспериментальные образцы.

— Так вот, возможно, через пять лет ты смог бы добраться до меня за десять дней на подобном летающем корабле. Через двадцать лет любой лентяй с деньгами сможет взять билет на корабль Ван-Елдэр — Почерма. Но пока мы с тобой оба сидим в старинных капсулах смертного обмена, и решаем в философском диспуте, кто из нас отдаст жизнь... даже не за Невозможный План, а за то, чтобы чья-то задумка осуществилась на пять декад раньше. Пять декад! Не находишь, что это варварство?

— Варварство — полагать, что истина изменяется сообразно с выгодой или угрозой. Двое заходят в две камеры, две камеры становится одним, и из двоих людей тот сохраняет жизнь и разум, кто ближе к истине. Это справедливо.

— В камеры загоняют подростков, которым вложили в голову бессмысленную жажду самопожертвования. Это — справедливо? Мы скрываем наши тайны, действуем исподтишка, интригуем и лжём. Это — справедливо? Где беспредельная свобода, которая была тебе обещана — теми, кто отправили тебя в эту камеру? Не может ли быть, что вся наша вера — одна большая ошибка?

— Если мы ошибаемся, то смерть одного из нас справедлива, и он её заслужил. Если мы правы, то смерть одного из нас необходима, и ведёт нас к цели.

Голос вздохнул.

— Слушай... ты не думал, что может быть неправа сама логика? Что в самом том, чтобы быть правым, есть нечто порочное и глупое?

— Нет, — ответил Линен. — Я так не думал. Никогда.

В голосе послышалась мольба.

— Знаешь, у нас на Яратире не так, как у вас. Мы не настолько... однобоки, что ли. Да, мы хотим осуществить Невозможный План, и ты знаешь, что мы добились определённых успехов на этом пути. Но я чувствую, думаю, что правота — это ещё не всё. Мало того, ты тоже так думаешь. Ты думаешь, что правоты — недостаточно!

— Нет. Не думаю. Я владею истиной, и этого достаточно и для того, чтобы жить, и для того, чтобы отнимать жизни.

— Но достаточно ли этого, чтобы отдать жизнь?

Линен улыбнулся.

— Есть ли у тебя, старик, что-то, за что ты бы отдал жизнь?

Молчание.

— Да, — ответил голос.

— А у меня, — ответил Линен, — нет. Я не могу отдать жизнь, потому что я её не владею. Мало того, ей никто не владеет. Жизни не существует, старик. Жизни нет, это умозрительная концепция. Ты можешь представить себе горячий снег, но его не существует. Так же и с жизнью.

— Что?

— Жизни нет. Я видел это, я доказал это. Это иллюзия, слово, обобщающее не

связанные друг с другом феномены. Жизни нет, как нет неба: небо — это панорама, открывающаяся взгляду, когда смотришь вверх с поверхности земли. Но неба, как такового, не существует.

— А как же твоё Кредо? Невозможный План? Намерение стереть слово «смерть» и отменить гибель всех жертв на твоём пути?

— Я не сказал тебе моё Кредо целиком. Я исключил пару строк. Вот они.

Я клянусь, что создам жизнь. Истинную жизнь, которую нельзя отнять, и наделю ей всех, кто уже умер — или кто живёт ложной жизнью.

— Старик, если бы ты был бы по-настоящему живым, то ты бы не мог умереть, не так ли? Но если ты можешь умереть, то, значит, ты никогда и не жил. И поэтому ты потерпел поражение — ещё с первых своих слов. Истинное нельзя разрушить! А ты, лжец, который ценит несуществующее, который играет иллюзиями, ты умираешь.

Свет моргнул, моргнул ещё раз. У Линена возникло ощущение, что его куда-то тянут, схватив за внутренности; оно длилось несколько мгновений, потом исчезло.

Мягко прощуршали замки. Отъехала в сторону дверь, и в камеру заглянули трое: девочка лет пятнадцати, в коричневом сарафане, с платочком на голове, седой, мускулистый мужчина в кожаном фартуке на голое тело и кожаных штанах и маленькая беленькая собачка.

Линен отстранил любопытных и быстро вышел из капсулы, оказавшись в полуподвальном помещении, напоминавшем заброшенную мастерскую. Из маленького окошка под потолком пробивались солнечные лучи. Несколько стульев стояли вокруг деревянного стола, на котором были навалены какие-то бумаги. В целом, обстановка вокруг была сочетанием бедности и долгого пренебрежения уборкой.

Троица возрилась на него с ужасом. Собачка тявкнула и, стуча когтями, унеслась прочь.

— А где папа? — спросила девчонка, недоумевая.

Мужик просто пялился на Линена во все глаза.

— Твой папа умер, принося пользу. Сейчас он будет прославлен, а когда исполнится Невозможный План, он будет возрождён, — сухо сказал Линен. — Меня зовут Линен и'Тьори. Я пришёл, чтобы осуществить часть Замысла. Девочка: принеси мне тонкую бумагу для голубиной почты, симпатические чернила, щелочные реактивы, серебряные перья. Также, принеси мне гроссбух с именами и адресами всех наших братьев и сестёр в Почерме, а также сведения по Кяськи и Вохотма-Удо. Мужчина: разогрейте атанор до синего, прокипятите и стерилизуйте малый набор реторт. Мне потребуется двести гран воплощающей эссенции, девять латунных пластин номер восемь, гравировальный набор.

— Тури умер? Ты убил его? — со злобой спросил мужчина, подхватывая с пола стальной прут.

Линен стоял неподвижно, пока тот замахивался. Прут опустился на его плечо, и отскочил. Линен протянул руку и забрал прут у опешившего мужика.

— Первая книга, отпечатанная с резных досок, была издана у вас, в северо-западном Яратире, почти тысячу двести лет назад, — меланхолично произнёс Линен. — Знаете ли вы, каково было её заглавие? Очевидно, нет. Она называлась «Валды шикшо дон кумыкаж панок», или «Закаливание тела с помощью сосредоточенного ума». Досадно, что вы пренебрегаете изучением собственной культуры. И да, в процессе ежедневной тренировки я наношу себе триста ударов железной дубинкой. А теперь, пожалуйста, разогрейте атанор до

синего цвета, прокипятите и стерилизуйте малый набор реторт. И мне всё ещё нужно двести гран воплощающей эссенции, девять латунных пластин номер восемь, гравировальный набор.

Глава 20. Плетение

Западный Яратир, недалеко от Вохотма-Удо.

Мы с Золто, зевая, грелись у костра, по одному подходя проверять плетение. Оно неплохо светило — не золотом, но ярко и ровно. Однако, было совершенно неясно, собирает ли оно хоть сколько-то столь нужной нам эссенции. Процесс точно должен был идти медленнее, чем в Норах с их насыщенным ветром, но насколько медленнее?

Нам было бы достаточно даже небольшого участка слегка покрасневшей коры, чтобы срезать его, измельчить и набить получившейся трухой стручок. Ах да. Хаотичку норщики переносили в пустых стручках какой-то травы вроде гороха. Довольно остроумно — и куда дешевле, чем живое стекло.

Заморозки не наступили — вместо этого поднялся холодный, пронизывающий ветер. Даже сидя у костра, мы замерзли, и потому периодически и я, и Золто делали гимнастические упражнения, чтобы разогнать кровь. Я, честно говоря, полагал, что достаточно просто сидеть у костра, завернувшись в шкуры, но ведьмачий сын был твёрдо уверен, что двигаться необходимо. Поэтому я был уже трижды достоин чести лицезреть особый тайный ведьмачий комплекс боевых приёмов. Он не произвёл на меня большого впечатления: прыжки, пинки, махание кулаками и утробное уханье. Золто увидел танец «фарукка», фехтование веткой и практику «внутренний жар», выученный мной у того же мастера Анекара. Впрочем, большого внутреннего жара я не добился — а говорят, настоящие Белые могут прогуливаться по ледяным вершинам гор, одетые лишь в сандалии и тунику.

Якшар уже села, небо затянуло облаками, и темень была непроглядная. Стоило отойти от костра на пять алдов, и я уже не видел собственных рук. Однако, эта темнота ощущалась иначе, чем темнота Нор — она была свежей, спокойной и уютной. Полагаю, если так пойдёт дело, я буду отлично разбираться в видах темноты к моменту моего возвращения. Темнота густая, темнота просторная, темнота душная, темнота прозрачная, темнота опасная, темнота уютная. Какая ещё бывает темнота?

На голову мне что-то капнуло. Потом на плечо.

— Дождь начинается.

Золто посулил дождю вечного шгиля, что прозвучало сейчас даже забавно. Действительно, накрапывало.

— Сейчас плетение, небось, вымокнет и ничего не соберём, — расстроено протянул Золто.

— Великая эссенция не смешивается с водой, — пояснил я. — Она вроде масла. Выступит снаружи, даже удобнее будет.

— Может, уже проступила? — Золто, укрываясь шкурой, побежал к печати. — Неа, ничего. Когда она уже соберёт хаотичку-то?

— Я полагаю, что к утру, — пришлось признаться.

— К утру? — Золто присвистнул. — А много ли будет?

— Ну, стручок заполним, наверное.

— А что медленно-то так?

— А ты знаешь, какого размера Великая Печать в моём домене? — я начал раздражаться. — Двести алдов высотой. Пять тысяч квадратов, и её создавали лучшие начертатели Ван-Елдэра. И мы получаем с неё всего-то десять данхов хаотички в сутки.

— Чего? — Золто был ошарашен. — Десять данхов? Да вся Вохотма столько не стоит, наверное.

— Ну, в наших краях великая эссенция подешевле стоит, полагаю, чем у вас, — я пожал плечами. — А Айнхейн, как я уже говорил тебе, самый богатый род Ван-Елдэра, а, возможно, и всего мира. Но у нас и расходы большие, так что всё правильно.

— На что вы расходуете-то десять данхов хаотички в день? — такие масштабы Золто было не оценить.

— Десять не расходует, но два-три уходит, — пустился я в объяснения. — В одном только нашем домене Айнхейн, живёт тысяча триста Алых. Прямые члены рода, родственники, слуги, гвардия, учителя, мастера массивов, книжники, гости. Каждому выдается еженедельное довольствие великой эссенцией.

— Тысяча триста!

Я отмахнулся.

— Это немного, Золто. Кажется, что много, а так я с половиной лично знаком. У нас в домене много пустующих комнат и залов.

Сидя голодным под вырезанным ножом на дереве плетением — размером от силы полалда на алд — и стуча зубами от ночного холода, рассказывать о величии рода Айнхейн было, вообще-то, немного нелепо. Да, наверное, я мог бы купить какую-нибудь Вохотму, но толку сейчас с этого не было никакого.

— Слушай, может, лучше сам чего расскажешь? — предложил я, чтобы сменить тему. — Ночь долгая, спать нельзя — замёрзнем.

— А чего тебе рассказать, — буркнул Золто. — У нас в нашем ведьмачьем домене больше пяти не жило никогда, и то, когда были живы мама и бабушка.

— Сочувствую, — отозвался я. — У меня тоже мать умерла, от болезни.

— Тю, — удивился ведьмачий сын. — Как же она умерла, если у вас целитель на целителе?

Деликатностью Золто никогда не отличался.

— Вот так получилось. У неё был редкий паразит. Мы не смогли его обнаружить, думали, что это истощение после применения эссенции. Старший Хаор создал для неё Реалиору Возрождения. Мама стала очень-очень здоровой и сильной, клетки её тела стали быстро восстанавливаться. Ну, и паразиты стали тоже очень сильными, невероятно размножились. Она вышла из Реалиоры, а через полчаса умерла, — голос мой неожиданно пресекся.

— Беда, — в голосе Золто прозвучало понимание. Он замолчал на несколько минут. Потом начал рассказывать.

— А моя ходила в гости, а вернулась без шапки. Зимой. Вьюга была... И застудила голову на холоде. Семь декад сильно мучалась, всё голова болела, уши... Ратка тогда маленькая была совсем, а я помню. Отец её лечил-лечил, лечил-лечил... — он опустил глаза. — Голову камнями грели, травы пили разные. Надо было за Алым врачом в Почерму ехать сразу, а не травы заваривать. Нет, он же ведьмак, всё сам знает. Ну, всё же запряг сани, уехал по зимнику, а через два дня она и отошла. Не дождалась его. Врач приехал, ругался, да что толку?

Золто плюнул.

Я вздохнул. Причина его недоверия к ведьмачьему мастерству стала мне куда понятнее.

— Ну, — сказал я, чтобы поддержать хоть словом, — отец твой ошибся. Но и Хаор

ошибся. Ругаться на того, кто допустил ошибку, всякий может. Когда беда уже случилась, каждый расскажет, как надо было действовать, чтобы её избежать.

Золто ничего не ответил, а встал и начал с ожесточением выполнять движения своего боевого комплекса. Я тоже поднялся, поднял из кучи веток пару подлиннее, и вызвал Ногача на небольшой дружеский фехтовальный поединок.

Манекен, конечно, фехтовать не умел, но с воодушевлением поддержал новую игру; учитывая его скорость и напор, через несколько минут от меня уже валил пар.

Интерлюдия. Лексина. Прибытие

В городе много движения — отвлекающего, ненужного, мешающего. Шаги, открывающиеся и закрывающиеся двери, деньги, вкладывающиеся в руки, вырывающиеся из окон занавески, трепещущие на ветру флаги, бегущие ручейки пролитого на землю. Все это не важно, и засоряет поле зрения. По городу не проходит след, а звуки, движения и запахи только сбивают. Уходить из города.

Кратчайший путь шел по краю — через пристань. Здесь движения было еще больше — люди, транспорт, вода, ветер. Стертые камни и ржавые снасти, брызги от луж — темные, от воды — светлые. Слепящие вечерние огни. Тревога.

Быстрый шаг и концентрация. Не реагировать на движение, не шарахаться в сторону от звука за спиной. Идти краем, в тени построек, не останавливаться, торопиться, покрыть расстояние как можно скорее. Оставаться в необходимой форме, не прятаться, не нападать. Подавить тревогу. Пройти, ничего не касаясь, уйти.

Острая вспышка: тревога, колючая белая боль. Приземистое строение, из подвала — боль и страх. Ребёнок потерял близкого человека; горе. Мужчина потерял друга; гнев. Угрожающий, сухой, злой человек внутри: тревожный ритм, запах яда. Вокруг дома мир меняется, портится; утрачивается глубина. Вмешаться? Выбить дверь, слова закона, уложить на землю? Иначе? Сменить форму? Распахнутое окно, оттуда тянет страхом; ворваться, зубы вопьются в нежное горло злого человека, вкус крови?

Нет.

Вмешаться нельзя. Верность задаче. Найти след. Рычание. Тише. Прочь, скорее. Быстрый шаг. Не скользить, быть как другие.

Течение воды; шум деревьев у берега.

Окунуться в реке, выйдя из города, скинув его запах. Прислушаться к новым звукам, настроиться на другие движения. Падающие листья, шуршащие под ногами песчинки, круги на воде. Не тревога — собранность, готовность. Рывок: в тень деревьев, физический переход в удобную форму. Прохлада земли под подушками лап, мягкость под когтями, волна ветра по шерсти. Прыжок — переход в соответствующее форме сознание. Уход в лес.

Глава 21. Кина

— Эй! Ройт! Просыпайся!

— Ликс, отстань, — я совершенно не хотел вставать. — Попроси Миру прислать кофе. Я ужасно не выспался.

— Какое там кофе, олух. Вставай, Ройт!

Я продрал глаза и всё вспомнил. Ветра, пожалуйста, нет. Может, можно заснуть обратно и проснуться в другое время и место? Этак на неделю назад, домой в Ван-Елдэр? Интересно, есть такая способность?

Солнце ярко светило и уже приближалось к зениту.

— Мы угрелись и заснули, — Золто тряс меня. — Плетение погасло, костёр погас.

— А, шпиль, — я вскочил и подбежал к дереву. Плетение, действительно, погасло, но нижний завиток приобрёл характерный красный оттенок.

Мы соскоблили его и заполнили стручки мелко нарезанной корой, чтобы создать видимость того, что мы добыли эссенцию из деревянных живуль; в результате у нас получилось два стручка, набитых рыхлой и влажной стружкой. Золто бережно перевязал их платочком и убрал к себе за пазуху. Пора было собираться в дорогу.

Мы запихали добро из разорённого балагана обратно, и даже подпёрли его парой длинных веток. В смысле, жердей. Интересно, кто из Алых аристократов знает, чем жердь отличается от ветки? Ответ прост — это знает Ройт Айнхейн, известный специалист по лесной жизни. Если Золто обломает с сухого ствола сосенки половину сучков, получится суковетня. А если обломает все, это уже жердь. Если я, желая помочь, точно так же обработаю деревце побольше, то получится орясина. Насколько велика должна быть жердь, чтобы стать орясиной? Вот загадка, на которую пока у меня нет ответа.

Мне волей-неволей приходилось запоминать множество слов. Идём мы, например, по лесу, и тут говорит мне Золто, ведьмачий сын — «не ухни в бочажок, ротозей». В эту самую секунду я теряю связь с реальностью, поражённый лексической формулой — что не сделай? Куда не сделай? Кто я такой? И, конечно, проваливаюсь по колено в скрытую во мху яму с водой. Всё это доставляло ему множество веселья.

Потратив некоторое время на то, чтобы — по моему настоятельному требованию — соскоблить с коры следы плетения, привести нашу одежду в порядок, отмыться от грязи, смолы и пыли — мы вышли в путь, когда солнце уже склонялось. Золто это не особенно огорчило — нам нужно было, по его плану, прокрасться в Вохотму ночью. Я возражал — ночью, как раз, у всех бандитов и воров должно быть время усердных трудов; а если хочешь проскочить незаметно, то лучше всего заходить в город рано-рано утром. «Больно много ты понимаешь» — фыркнул ведьмачонок, и я умолк. Действительно, откуда мне знать режим дня местных бандитов.

Довольно скоро Золто нашёл небольшую лесную тропинку, которая, к нашей радости, привела нас на вполне себе хорошо укатанную дорогу. Рядом весело вышагивал Ногач, вертя по сторонам головой — он, полагаю, просто был рад переменить обстановку. Мы ходко шли около часа, беседуя о той еде, которую бы мы хотели съесть в городе, как вдруг Золто разыграл целое представление. Сначала он замер, словно вздыбившись, прошипел «Тише», затем завертел головой, начал принюхиваться и прислушиваться. «Кто-то идёт», — прошептал он тревожно. Мы втроём отошли от дороги, стараясь не оставлять следов, и

залегли в черничнике. Через несколько минут послышались шарканье и бубнёж, и на дороге показались двое.

Это были, вероятно, муж с женой, которые возвращались из леса с двумя корзинками грибов. Оба имели вид помятый — и отрешённый от мирских забот. Было видно, что стиркой одежды они, вероятно, не утруждали себя уже пару недель, а что до умывания — то вряд ли они были большими его любителями. Муж меланхолично хлопал полуоторванной подошвой сапога, а подвязанные верёвочкой выдавшие виды брюки норовили сползти. На нём был крайне засаленный серо-коричневый ватник; его жена щеголяла желтым платьем в горошек, довольно драным, с синими пятнами от той же самой черники. На фоне их мы выглядели щёголями.

Золто вылез из черники и поприветствовал их, и мужик дружелюбно махнул ему рукой, показав щербатый рот. Они посмотрели на Ногача с интересом, но без особого удивления. Что, живые манекены здесь не редкость? Ну, если ходячие деревянные куклы вызывают реакцию в духе «а, это живуля, ну да, понятно» — нам же меньше проблем.

— Ты смотри, какие страшные, — поддел я парня, когда грибники скрылись из виду. — Сейчас придут в город и донесут на нас.

Золто что-то прорычал, но от следующих встречных мы уже не прятались — хотя он и продолжал вскидываться и требовать тишины.

Такая бдительность в сонном осеннем лесу выглядела неуместно. Ногачу, вероятно, тоже передалась тревожность Золто — он вертел башкой и вёл себя как-то неестественно взволнованно. Пару раз он при виде встречных ни с того, ни с сего с силой вцеплялся в моё плечо твёрдыми деревянными пальцами и, наверняка, насажал синяков.

Солнце уже село, а хутора — в смысле, окружённые садами и огородами домики — только начали нам попадаться. Возле одного из них мы набрали нападавших на дорогу здоровенных краснобоких яблок и на пару ими захрустели. Яблоки были непривычными на вкус — рассыпчато-мягкими и сладкими, просто-таки таявшими во рту. Ван-Елдэрские яблоки твёрже и кислее.

Мы неспешно шли несколько часов, и стемнело уже давным-давно. Окна попадавшихся домишек уютно светились, пахло дымом и супом.

Домики попадались всё чаще, и вскоре дорога сменилась небрежно мощёной улочкой, по обеим сторонам которой стояли невысокие кирпичные дома, окружённые палисадниками, выкрашенные зелёной и красной краской. Я ожидал встретить заставу с парой хмурых стражников, но — ничего подобного. Мирно живут здесь люди.

— А долго нам еще? — поинтересовался я у Золто, когда мне надоело разглядывать дома, тем более, что в ночи было мало что видно.

Кроме того, я был голоден, холодало. После завтрака у нас были только черника и яблоки, про которые мой желудок уже успел забыть.

В том, что мы не заблудились, я не сомневался: Золто шагал уверенно, хотя и по своему обыкновению держался хмуро.

— Почти пришли, — отозвался он, — мы ж не напрямик, а кругом.

— Это — чтобы нас твои друзья-разбойники не сцапали? — улыбнулся я.

Вохотма не казалась мне опасным местом — за все время, пока мы здесь шли, на нас разве что пару раз гавкнула собака, да и то как-то вяло.

Золто не ответил, и вдруг свернул в какой-то совсем глухой узкий проулок.

Тьма здесь стояла непроглядная — мы оказались между задних стен двух домов, где не

было окон, или же те не светились. Я был готов съязвить по поводу того, что Золто не хватило Нор с их мрачными коридорами, как он неожиданно остановился.

— Пришли? — оживился я.

— Ага, — буркнул Золто.

Он был как-то странно напряжен, и будто бы не слишком уверен. Я уже собирался спросить его, в чем дело, но тут он дернул за какой-то еле заметный шнур, свисающий со стены. Где-то далеко послышался тихий звон колокольчика

— Тайный проход! — обрадовался своей догадке я. — Золто, скажи, что сейчас мы попадем в «потайную Вохотму», где правит беззаконие и свободные нравы!

Мне очень хотелось, чтобы там, к тому же, подавали горячительные напитки и было тепло. Ведьмачий сын пробормотал что-то, наверняка, бранное, но тут послышался тихий скрип, и в стене обнаружилась дверь, а за ней — девушка со свечой в руке.

— Золто? — негромко спросила она. — Ты чего здесь?

— Кина, у тебя отец дома? — Золто торопливо и нервно пробормотал.

— В Почерму уехал.

— Ветра нам в помощь! — Золто заметно выдохнул. — Кина, слушай, со мной друг и живуля, мы весь день шли. Ты прости, что мы так без приглашения. Я все расскажу, нам бы переночевать и...

— Ладно.

Я не успел даже представиться, как нас пустили. Похоже, у Золто и правда были друзья! Кто бы мог подумать?

Ориентируясь на неровный свет свечи, мы с Золто поднимались по крутой темной лестнице. К этому моменту я понял, что даже тренированные многими ступенями башни Айнхейн ноги могут устать от долгой ходьбы. Благо в этом доме ступенек оказалось немного — всего-то пятнадцать.

Наверху обнаружилось неплохо освещенное жилище, в которое мы попали, как я понял, через заднюю дверь из кухни. Ногач остался внизу — может, застеснялся? Кто разберёт, что творится в его деревянной голове.

Здесь было не так просторно, как в доме у Сандака, но и не так убого, как в зимовехе. Стол, по стенам множество подвесных шкафчиков и полок, корзины с овощами и зеленью, добротная посуда. На столе лежала открытая книга. Я скосил взгляд, но сходу мало что понял — было похоже, что это какой-то справочник. Названия мне были незнакомы.

Девушка — подруга Золто — на вид показалась мне примерно его возраста. Высокая, светловолосая и светлоглазая; завернувшаяся в плотную светлую шаль. Она смотрела пристально, явно ожидая объяснений.

— Приветствую! — начал я бодро. — Меня зовут Ройт и я прибыл издалека! Благодарю вас за своевременную помощь, милая... — я вопросительно поднял бровь, рассчитывая на то, что хозяйка представится.

— Сайбар тебя ищет? — девушка будто бы меня не услышала, а, сузив глаза, рассматривала Золто. — Вы сбежали из плена, что ли? На тебе будто чистого места нет.

— Из Нор! — снова встрял я, несколько уязвленный тем, что меня игнорируют.

Это произвело впечатление. Девушка дернула бровью, покачала головой и отошла к печурке, на которой стоял чайник.

Золто выдохнул, подошел к столу и сел. Я последовал его примеру.

— Кина — это Ройт, Ройт — это Кина, она друг, — проговорил Золто, когда хозяйка

снова повернулась к нам — теперь уже с двумя кружками, которые заманчиво дымились. — Кина — аптекарь, мы с ней...

— Последний раз виделись года два назад! — оборвала его Кина, брякнув об стол кружками.

— Потому что я был занят...

— Штилевыми делами!

— Штилевыми делами, — покорно согласился Золто. — Но теперь — нет.

— Вляпался? — Кина понимающе кивнула и села за стол. — Совсем плохо все?

— Вообще-то, нет! — встрял я, не собираясь сидеть в стороне. — Мы с Золто пережили немало опасных приключений и теперь планируем продолжить их.

Кина кивнула мне, явно не поверив, потом вопросительно глянула на Золто.

— Он с Тэшэра, столичный, — сказал он так, будто это все объясняло, — у него есть хаотичка. Много.

Теперь на меня, наконец, посмотрели с интересом. Ветра, как же эссенция нужна всем! И для чего? Ничтожного шанса на особенный дар?

— Откуда у вас хаотичка? И что вы собрались с ней делать? — Кина поджала губы. — Если ты рассчитываешь, что я помогу ее влить, то...

— Нет! — перебил ее Золто. — Никаких вливаний! Мы хотим ее продать!

Кина еще с полминуты очень недоверчиво смотрела на своего друга, но после черты ее лица постепенно разгладились. Ушла хмурая складка между бровей, взгляд потеплел. Золто молча развел руками.

Я с интересом наблюдал эту картину. Между этими двумя явно что-то случилось в прошлом, и я был готов спорить с ветром, что это вовсе не «дружба».

— У меня не то чтобы был готов ужин, — проговорила Кина, поднимаясь, — но осталось немного пирога.

Мы с Золто были счастливы пирогу с капустой и яйцом, а горячий настой на каких-то пряных травах привел меня в самое благодушное расположение духа. Золто начал рассказ про нашу с ним встречу и стычку с Сайбаром. Мне показалось, что он вещает слишком уж скучно, так что я, не стесняясь, перебивал его, добавляя важные детали, такие, например, как размер рыкташа, и то, что в Норах я проявлял смекалку и находчивость.

Попали в штиль мы на хаотичке. Золто, штиль его заberi, отчего-то не стал говорить, что сам умудрился влить в себя эссенцию, от этого рассказ про дальнейшие приключения и мои подвиги оказался несколько смазанным и быстро подошел к концу.

— Так, а где вы хаотичку-то взяли? — нахмурилась Кина, наверняка улавливая нестыковки в рассказе.

— Отломили кусок от живули, — на лёгком ветре объявил Золто. — В Норах.

— Ничего себе, — протянула Кина с восхищённым недоверием. — А как собрали?

— Он твёрдый был, но сочный. Пень ходячий. Мы его скребли-скребли... давили-давили...

— Ага, — подтвердил я. — Все ножи изломали.

— Я сперва подумала, что ты у Сайбара украл и теперь прячешься.

Кина была не глупой, однако. Я уже не стал добавлять, что это скорее Сайбар мог бы у нас украсть что-то, например, мифическую карту Золто. Золто продолжил рассказ с объяснениями, почему нам необходимо срочно продать хаотичку и исчезнуть из города, а я удивлялся, отчего он не хвастается тем, что теперь стал Алым. Еще пару дней назад это было

его главной мечтой в жизни.

Видимо, пока способностей не проявилось, хвастаться было как бы нечем. Или Кина не одобряла свободное вливание эссенции. Золто назвал ее аптекарем. Как по мне, для аптекаря она была слишком молодой и симпатичной, но на это мое замечание почему-то обиделись сразу и Кина, и Золто.

— Я не могу продать хаотичку в лавке, — заметила Кина, — и вообще не понимаю, зачем вам...

— Одежда, корабль, — начал перечислять Золто.

Кина задумчиво смотрела на него (я не был уверен в том, что она все еще верит нам).

— В Почерму, — повторила она, — а потом?

— А потом... — Золто замялся. — Кто знает? — он пожал плечами. — Знаешь, в последние дни у меня столько всего случилось, что...

— Да что случилось?! Говорите уже!

У этой аптекарши была потрясающая манера перебивать, не дослушав. Сузив глаза, она смотрела на Золто, сразу став как-то неуловимо на него же похожей. Я запоздало вспомнил о том, что на Яратире и правда другие люди — даже внешне.

Золто неожиданно густо покраснел, пробубнил что-то в кружку.

— Да ветер в окна, сколько можно?! — я закатил глаза, наблюдая его мучения. — Кина, Золто принял хаотичку и перенес нигредо. Теперь он Алый.

Кина и Золто как по команде вытаращились на меня. Если бы я не знал, что они друзья, точно решил бы, что родственники. Хотя, кто знает, может в этих маленьких городках так и есть?

— Как это — влил? — Кина переводила взгляд с моего лица на Золто. — Где?!

— В Норах, — Золто поморщился.

Ну да, признаваться в том, что ты в истерике втирал в себя капли хаотички, ползая по грязной земле, не очень-то хотелось.

— И как это было?

У Кины даже щеки порозовели, в глазах плескался неподдельный интерес. Ничего удивительного — не каждый день твой друг — простой ведьмачий сын — вливает в себя хаотичку и становится Алым.

— Я почти ничего не помню, — Золто пожал плечами, — был как во сне, а потом проснулся. Чуть заражение не получил, — он показал свою раненую руку.

Кина молча смотрела на выглядящий теперь вполне невинно шрамик.

— Золто провел в нигредо положенное ему время, это было недолго, — пустился я в объяснения, — его кровь приняла эссенцию, так что теперь, Кина, твой друг самый настоящий Алый, я это авторитетно подтверждаю.

— Ты всегда хотел этого, — медленно проговорила Кина. — И что теперь? Ты можешь...

— Не знаю пока что, — Золто покачал головой, — способности еще не проявились.

— А так бывает?

— Не бывает! — встрял я снова. — Способности есть, просто еще непонятно, какие. Часто бывает, что проявляются в критический момент жизни, или от желания самого носителя, или при определенных обстоятельствах...

— Вы не врете, — пораженно ахнула Кина. — Это все действительно правда!

— А ты не верила? — Золто нахмурился.

— Не до конца...

Кина сцепила руки пальцы вокруг кружки, тяжело выдохнула. Мы с Золто молчали. Мне почему-то показалось, что сейчас она набросится на нас, чтобы отобрать хаотичку и тоже влить в себя. Вместо этого она спросила:

— Что ты на самом деле думаешь делать?

— Плыть на Тэшэр, — Золто глянул на меня, — там есть способ узнать, какие именно способности пришли.

Это было неожиданно, я даже поперхнулся. Золто что, решил таким образом невзначай сообщить мне, что мы теперь друзья, попутчики и соратники?

Кина кивнула, снова помолчала.

— Я знаю, кто купит хаотичку, — в итоге сказала она. — Но встретиться с ним можно будет только завтра вечером.

— Кто-то из Кяськи? — тут же спросил Золто.

— Да, но не от Сайбара, все будет нормально, — заверила она его, — он знает меня и отца, а там занимается травами. Но я все равно не скажу, откуда взяла. Придумаю что-нибудь.

Это звучало как неплохой план. Мы еще посидели какое-то время. Кина просила пересказать в подробностях все, что нам с Золто удалось узнать о нигредо, так сказать, «снаружи» и «изнутри». Наши сведения были отрывочными и почти не представлявшими никакого интереса. Пока Золто был в отключке, я сражался с обитателями Нор, так что практически не обращал никакого внимания на то, что творилось с моим другом. Золто же помнил скорее эмоции, как после долгого сна.

— То жар и все черно-красное, то потом тьма и холод, но такой хороший холод, правильный.

Мы с Киной только пожимали плечами. Из его слов и обрывочных воспоминаний понять хотя бы область дара Хаоса было затруднительно.

— Красное — как огонь?

— Как настроение, — Золто хмурился, пытаясь подобрать слова: — когда всего тебя дергает и красным полыхает перед глазами.

— Гнев? — предположила Кина. — Тебе надо разозлиться, чтобы способности проявились!

— Не думаю, — я покачал головой; мои знания были не очень глубоки, но, все же, я о природе Хаоса что-то да знал, — скорее что-то с борьбой или может войной...

Золто только беспомощно разводил руками. В его воспоминаниях было много тревожно-красного и черного — успокаивающего. Откровенно говоря, это могло быть чем угодно — или вообще не относиться к делу, а быть просто его собственным переживанием нигредо, в котором были и агония и оцепенение.

Не придя ни к каким выводам, мы с Золто постепенно начали зевать. Наш день был длинным, а теплота и сытость неумолимо клонили в сон.

Кина проводила нас в комнату, вероятно, служившую одновременно гостиной и библиотекой, — я поразился тому, как много здесь было книг, — и постелила на полу. После нескольких ночевок вне стен домов я был счастлив ее гостеприимству.

Сама хозяйка сказала, что еще почитает. Я тут же вспомнил свои бессонные ночи с книгами на вершине башни Айнхейн. Одна такая случилась как раз накануне белой дуэли, после чего все пошло наперекосяк. Ветра, теперь казалось, что все это случилось чуть ли не

во времена падения Храма, так далека мне сейчас показалась моя прежняя жизнь! А ведь прошло каких-то то пять дней, что ли... Я задумался, пытаюсь посчитать, сколько уже нахожусь на Яратире, но вместо этого вспомнил утро перед дуэлью. Тогда ко мне еще пришел Йонк, чтобы предупредить — о чем?

Помнится, он говорил мне никуда не ходить, не влипать в неприятности и быть начеку. Интересно, он знал что-то про будущее или просто беспокоился обо мне? После этого события закрутились с быстротой ветра Хаоса, где причину и следствие уже не смог бы определить и мудрейший из Архонтов. Я поморщился. Суд изгнал меня на пять лет. Если вся жизнь теперь будет такой же насыщенной, то... Я, пожалуй, буду не против, неожиданно осознал я.

— Эй, Золто, — я повернулся к лежащему рядом со мной новорожденному Алому, не сомневаясь, что он еще не спит, — а эта Кина симпатичная и умная.

— И что? — ожидаемо напрягся тот, сверкнув во тьме своими глазищами.

— А вы... — я сделал многозначительную паузу.

Ответом мне было тихое рычание. Я не сомневался в том, что дружба здесь была только вынужденная, за неимением большего. Или все-таки...

— Мы с детства знакомы, — неожиданно произнес Золто, — всякое пережили. Тебе не понять.

— Да уж где мне?

— Мы раньше были лучшими друзьями, потом все пошло куда-то не туда, — продолжил Золто, глядя в потолок.

Я постарался понимающе хмыкнуть, но не удержал смех и заржал.

— Замолкни, — шикнул он на меня сердито. — Это тебя не касается.

Золто отвернулся и, судя по всему, больше не планировал обсуждать свою личную жизнь. Я хотел было еще добавить что-нибудь, но сон пришел быстрее, чем я придумал хорошую шутку.

Глава 22. Вохотма

Утром Кина ушла прежде, чем мы проснулись. В кухне нас встретил Ногач — он сидел, прижавшись к печи. Грелся, что ли? На столе, накрытые вышитыми полотенцами, стояло два ещё тёплых пирога, очевидно, оставленных для нас.

Золто, увидев их, почему-то расстроился.

— Что такое? — спросил я, заметив его понурый вид.

— Кина всегда печёт, когда нервничает. Мы её сильно обеспокоили.

— Как трогательно! — я ехидно усмехнулся. — Такие подробности знаешь.

— Да что на тебя нашло? — неожиданно удивился Золто. — У тебя нет друзей-девушек?

Я вздохнул.

— Знаешь, Золто, в том, что ты — наследник одного из кланов Ван-Елдэра, есть один серьёзный недостаток. Именно в плане полного отсутствия друзей-девушек. На меня одно время буквально шла охота, не буду рассказывать подробностей, а то я разозлюсь, а ты начнёшь пускать слюни. Самое неприятное, что эти алчные разукрашенные дуры отгоняли от меня всех нормальных девчонок, с которыми я мог бы подружиться. Мы дружили с Сейши в первый год Академии, но из-за всего этого довольно отделились. Потом я стал записным бунтарём, и у меня появились хорошие подруги среди Белого Сопrotивления. Однако, мы не были особенно близкими друзьями — просто вместе делали одно дело. Наверное, Токри была ближе всего... хотя... после того, как она подарила мне эссенцию, за применение которой меня изгнали...

Неприятные мысли промелькнули в моей голове.

— Бедный Ройт, — голос Золто сочился сарказмом.

Я махнул рукой.

— Ты точно не поймёшь. Но, наверное, я завидую тебе, потому и подкальваю.

Взяв со стола кусок пирога, я впился в него зубами и поморщился.

— Очень солёный!

— Так это же с солёными огурцами и маринованным чесноком! Очень вкусно, — обиделся Золто за пирог Кины. — Ты просто тэшерский, нашу яратирскую кухню не понимаешь.

— Очень непонятная кухня. Каша-суп-каша-суп-каша-суп пирог, — я хмыкнул. — Всё солёное. У вас сладкая-то еда бывает? Сто лет не ел сладкого, если не считать черники.

— А то, — обиделся Золто. — Целая куча сладостей! Пирожки с вареньем, яблоки в меду леденцы, козинаки, чак-чак, халва, пряники, печенье разное есть!

— Чак-чак — это ваша еда? — удивился я, сглатывая слюну.

— Ну да, — жуя свой солёный пирог, ответил Золто.

— Я же знаю и очень люблю чак-чак! Часто его заказывал в магазине круговетренных товаров. Его отсюда везут? Его здесь можно купить?

Золто уставился на меня во все глаза, прекратив жевать.

— Чего это ты?

— Ройт, — торжественно сказал Золто. — Чак-чак изобрели здесь.

— На Яратире?

— Нет, — он сделал драматическую паузу. — У нас. В Вохотме. И отсюда его рецепт разошёлся по другим землям Яратира. А здесь — самый зашибенный чак-чак под всеми

ветрами. Не знаю, что ты там ел у себя в Ван-Елдэре... У нас его готовят по тайным рецептам, которые только внутри семьи и передаются. Сейчас как раз вторая декада второй осени, и в наших пекарнях самый свежий мёд, самые спелые орехи, самая свежая, ещё не отлежавшаяся мука, и, конечно, лучшие в мире пекари Вохотмы. Я попрошу Кину вечером купить тебе чак-чак, и ты всё поймёшь.

Я несколько раз сглотнул, чтобы не захлебнуться слюной, и рванул вниз по лестнице.

— Куда ты? — крикнул Золто, сбегая за мной.

— Куплю чак-чак!

— Сейчас? Да и на что?

— Поменяю на что-нибудь! Сапоги продам! Не вздумай меня останавливать!

Сверху по лестнице скатился Ногач.

— Цак?

— Пойдём гулять, братишка!

Золто вцепился в мою рубашку.

— Ты совсем болван? Тебя же схватят!

Я остановился у двери, приоткрыв её.

— У вас в Вохотме что, на улицах стреляют?

— Никогда такого не было, — возмутился Золто.

— Ну вот, и перестань бояться. А начнут куда-нибудь тащить — Ногач меня отобьёт.

Отобьёшь ведь?

Золто смерил взглядом деревянный манекен, еле достававший ему макушкой до плеча.

— Скрррр! — угрожающе проскрипел Ногач, и протянул к ведьмачонку деревянные руки, растопырив красные пальцы, в которые намертво въелась звериная кровь.

Золто отпрянул и нервно рассмеялся. Потом повёл плечами и тряхнул головой.

— Я с вами, — сказал он. — Ты же без меня настоящий чак-чак не найдёшь. А от сайбаровцев я, если что, дворами уйду.

Думаю, ему просто стало стыдно своего страха.

Мы спустились во двор и вышли — в этот раз — через парадный вход. В смысле, через крыльцо. В ухоженном садике росли на аккуратных квадратных грядках какие-то травы, вероятно, целебные. Встрепенулся здоровенный рыжий пёс, лежащий возле конуры, и медленно затрусил к нам, махая хвостом.

— Надо же, признал, — обрадовался Золто. — Лев, Лев, привет!

Пёс вежливо обнюхал ноги Золто, затем мои, покосился на Ногача, потом — со второй попытки — поднялся на задние лапы, поставил передние на плечи ведьмачьему сыну и вежливо лизнул уворачивающегося Золто в щёку. Золто присел и начал, приговаривая какие-то ласковые глупости, трепать стоически принимающего ласку пса; я вспомнил несчастную собаку Ликса и почувствовал укол совести. Интересно, её можно... раскаменить?

Я тщательно загнал эти мысли в самый далёкий шкаф в своей голове. Сейчас не время думать о былых ошибках.

— Чак-чак, Золто, — напомнил я. Сладкого, действительно, хотелось ужасно.

Золто поднялся, его глаза были подозрительно красными.

— Два года его не видел, — смущённо пояснил он. — Совсем уже постарел наш Лев. А когда-то я на нём катался.

Я ничего не ответил. Ну, что тут скажешь? Когда я вернусь в Ван-Елдэр, тоже многое переменится.

Мы попросились со Львом, вышли наружу, закрыли калитку и пошли добывать чак-чак.

На улице уже бурлила жизнь: люди сновали по своим делам, слышались крики играющих детей, лай собак, приветствия, разговоры и брань, скрипели проезжающие повозки. Я счастливо улыбнулся — как же я скучал по людям и суматохе вокруг! Как приезжий горец в Ван-Елдэре, я вертел головой, глядя на разукрашенные ставни, черепичные крыши, флюгера. Всё это так не похоже на лес! Как здорово, что я не в лесу!

Послышался звук рожка, и, обернувшись, я увидел чёрный тепломобиль с открытым верхом. Стуча обрезиненными колёсами по бульжникам мостовой, это чудо технологии двадцатилетней давности уверенно продвигалось вперёд, выпуская клубы пара из вертикальной трубы. Кругленький водитель в кожаном плаще, перчатках и очках махал рукой, выражая на что-то досаду.

— Ого, — сказал я, посторонившись. — Прогресс добрался и до диких лесов! Это, между прочим, наша, ван-елдэрская модель.

— Да у нас тут не дикие леса, — раздражённо ответил Золто. — Вполне себе прогрессивные леса. Между прочим, в Вохотме на лесопилке автоматон работает.

— Оооо, — протянул я. — Автоматон — это серьёзно. А что он делает?

— А шгиль его знает, — махнул рукой Золто. — Может, пилит, а может, грузит. Я видел его: такой здоровенный ящик железный с дырками, а из него торчит вроде как громадная рука... эй! Эй!

— Чего эйкаешь, — удивился я, оборачиваясь — и увидел Ногача, который во всю прыть бежал за тепломобилем. Догнав его, он подпрыгнул, ухватился за откидной верх и повис сзади.

— Ногач! Постой!

Я припустил следом; тепломобиль как раз встал на перекрёстке и сигналил, чтобы его пропустили. Но не успел я подбежать, как он повернул направо и погрохотал дальше.

На следующей улице повторилось всё то же самое: петляя по переулкам, чёрный мобиль двигался не намного быстрее бегущих нас, но мы не могли его догнать, как не старались. Золто поначалу вырывался вперёд, но затем начал отставать от меня, тяжело дыша. Я же берёг дыхание и просто старался не упустить мобиль из виду. И тут, к моей досаде, он выехал на какую-то довольно широкую просёлочную дорогу, развил хорошую скорость и исчез за поворотом. Я остановился и опёрся руками о колени, Золто просто ничком свалился в придорожную траву.

— Что за шгиль? — спросил я, отдышавшись. — Ветра разбери этого болвана деревянного, что ему взбрело в башку его дубовую? Где его теперь искать?

Золто перекатился на бок и посмотрел на меня хитро.

— Как есть городской, — усмехнулся он. — Могли и не бежать никуда. Сейчас всё узнаем.

Он встал и огляделся. Затем снял шапку, запихал её в карман, пригладил волосы и медленно, вразвалочку, пошёл вперёд по дороге.

— Иди медленно, — сказал он мне. — И руки из карманов вынь. Иди как я.

Ведьмачонок улыбался, вертел головой и, очевидно, наслаждался прогулкой. Периодически он приглаживал волосы рукой.

Не прошли мы и пары сотен алдов, как услышали чей-то сварливый голос из сада:

— Молодой да дурной! Продует уши-то, будут болеть. Мама тебе не говорила шапку по холоду носить?

На забор опиралась круглолицая старушка, чья голова была повязана шерстяным платком. Такая не замёрзнет.

— Так тепло же, — вежливо возразил Золто. — Солнышко пригревает.

— Пригревать-то оно пригревает, а с земли уже морозом тянет. До зимы-то с гулькинос всего. Вишь, как лист лёг? Лицом вниз. Морозная зима будет, я тебе говорю. Страшная зима.

— Ваша правда, — поддакнул Золто. — Рябины страсть как много.

— А как гуси улетали? Высоко, и не слышать как кличут, — продолжала она.

— Да и муравейники высокие. Шишки здоровенные на елях.

— А мыши! У меня кот уже столько наловил мышей, что от еды нос воротит. Мы загодя пять поленниц сложили — против трёх в прошлом году.

— Да в прошлом году какая зима, — Золто подошёл поближе. — Название одно, а не зима. Мы дров и половину не сожгли. А вот говорят, двадцать восемь лет назад была всем зимам зима!

— Ооооо, — захохала бабка, — такая была зима! Мы и лапником, и снегом яблони закрывали — всё равно пять вымерзли насмерть. А какие были яблони! Золотой налив! Золотой! Смотришь на яблоко — все зёрнышки видны. И вот они-то и помёрзли! Краснобочки остались, кутейка как-то тоже выжила, а весь золотой налив помёрз.

— Вот беда, — покачал головой Золто.

— А эта зима-то ещё пуще будет, вот увидите! Двадцать восемь лет прошло, значит снова пора. Ещё дед мой всё подсчитал по старым ежегодникам: каждые двадцать восемь лет, значит, двойная зима. Мы ходили к мэру, говорили, запасы надо делать. А он — какие запасы? Все запасы есть.

— Ну, у них-то может и есть, — засмеялся Золто. — Чтобы мэр даже зимой без еды остался — не бывало такого!

— А вот и было такое, — ответила бабка. — Вот... в семясот втором году было такое. Мор весной пришёл, все коровы, кони все передохли. Летом — ни дождинки. Зерна даже на посев не собрали. Ни ягод, ни грибов. Люди лебеду ели, жёлуди.

— Ой, беда, — расстроился Золто. — И вы голодали?

— А вот чем ты меня слушал? Дед мой всё подсчитал. Говорит: будет мор, засуха. Циклы, значит, плохо так совпали. Так мы всю скотину продали в Почерме в первую весну. Купили пшеницы, ячменя, все амбары набили. Все соседи смеялись: посевного на сто десятин, а пахать не на чем. А мы тот год и не сеяли. Зато потом уж мы смеялись: когда к нам весь город ходил, покушать просил. Так что мэр голодал, а мы голода не знали. Мэр сам у нас столовался, в сенях ручкался, мол, разлюбезные мои, соловьём пел. У нас-то хлеб каждый день пекли. А за оградой стояли, да. Мне жалко их было — я маленькая была. Они стоят — валенки плохие, сами худые — и молчат. Вот мама напечёт пирожков, а я пару пирожков со стола и за пазуху — и на улицу. Ну, и сую кому-то, кто похудее: нате мол, ешьте. Уж как благодарили меня! Спасительница, говорили. В ноги падали. Нас все потом уважали. Следующие все года как дед мой скажет, так и делали. Скажет скотину резать и мясо солить — все режут и солят. Скажет только горох сеять — только горох и сеют. Мы главнее всех были. Нами Вохотма поднялась. Да сейчас только...

— Дела, — сказал Золто, достал из кармана шапку и надел. — Значит, зима будет суровая?

— Очень суровая, — сказала бабка твёрдо. — Всё помёрзнет.

— А мы тут поговорили с одним человеком, он говорит, что по современным расчётам будет довольно тёплая зима.

— Современный расчёт, — сплюнула бабка. — Кто это вам такую чушь-то сказал? А?

— А мужчина, который на чёрном мобиле тут порой ездит. Я и не знаю, как его звать.

— Чора его звать! Чора Кавырлевич, Пронатон его фамилия. Так он же дурачок приезжий, что с него взять. На Водовозной поселился. Теперь ездит на этой железке день-деньской туда-сюда мимо моего дома, дудит, курей пугает. Один только раз зашёл поздороваться, принёс мне бонбонерку, на бонбонерке надпись: Самиге Янбасаровне. А я не Самига, а Салима. Дурачок, я же говорю. Дом выстроил с колоннами, выкрасил всё в красный, а в саду — болванов деревянных понаставил. И жена его тоже дура. Одеждой, говорят, торгует. Бабскими пододевками она торгует. Срамота! Да и вы дурни, что его слушаете. Время только с вами теряю, а у меня куры некормлены. Думала, вы с умным человеком побеседуете, ума наберётесь. А вы ни шгиля не понимаете. Тьфу! Да чтоб вас...

Салима Янбасаровна, что-то бормоча, ушла в сад.

— Ну вот, — сказал Золто. — Чора Кавырлевич Пронатон, Водовозная улица, красный дом с колоннами. Можно было и не бежать никуда.

Я стоял, раскрыв рот.

— Золто, — сказал я восхищённо. — Мы неплохая команда.

— А? — он удивлённо посмотрел на меня.

— Ветра, ты лихо всё узнал!

Золто махнул рукой.

— Делов то. Тут же глушь, все друг друга знают. Узнать про кого-то что-то несложно. Сложнее, чтобы про тебя что-то не узнали.

Где Водовозная улица, Золто знал. На ней селились местные, по выражению Золто, «жилы», то есть, зажиточные граждане. Дом Чоры действительно отличался от остальных. И не только тем, что был выкрашен в красный цвет.

Во-первых, у него не было забора. От дороги землю Чоры отделял не штакетник, а широкая полоса красного гравия.

Во-вторых, перед домом был не разросшийся яблонево-грушевый сад, который разводили здесь обычно, и даже не цветник, а аккуратно постриженный газон. К дому вела аккуратно посыпанная гравием дорожка, и уже знакомый нам старинный тепломобиль был припаркован у украшенного колоннами портика.

Но самое удивительное, что на газоне, под деревянными навесами, за маленькими столиками сидели одетые в вычурные наряды манекены. Я заметил парочку алых и белых сюртуков, жёлтое коктейльное платье и обшитый галуном мундир. Всё вместе создавало образ несколько безумного пикника. Я присмотрелся, и увидел, что один из манекенов был облачён в знакомую мне одежду: кожаный плащ, красную куртку и драные коричневые штаны.

Волна облегчения затопила меня. Успели, какое счастье!

— Ногац! — закричал я, всё ещё не пересекая невидимой границы чужой земли. — Эй, Ногац! Привет! Это мы! Мы нашли тебя! Иди сюда!

Ногац повернул голову и помахал рукой, но не двинулся с места. В то же время двойные двери главного входа распахнулись, и оттуда, семеня коротенькими ножками, выкатился маленький, пухленький человечек в фиолетовом халате, с седой, вихрастой головой, улыбающийся так широко, что это казалось неправдоподобным. На его носу прыгали очки в

круглой оправе.

— К вашим услугам, друзья, рад знакомству! — он почти выкрикивал эти слова, подсакивая на бегу и приближаясь к нам.

Подбежав к нам, он взял нас обоих за руки и повёл к дому прежде, чем мы успели что-то сказать.

— Здравствуйте, я Ройт, — поприветствовал я его, оказавшись внутри.

— Я Золто, Золто Сандакович, — ведьмачий сын вежливо наклонил голову. Все же что-то усвоил из моих наставлений.

— Очень, очень рад, — моя рука утонула в ладонях хозяина. — Я Пронатон, Чора Пронатон. Чем...

— Простите, наш деревянный друг зашёл к вам...

— Что? — Чора опустил очки на нос и уставился на меня светлыми глазами.

— Ногач! Познакомишь нас? — я ещё раз обратился к нему.

Ногач встал и как-то робко подошёл ко мне.

— Цак, — веско сказал он, показывая на Чору.

— Отец? — удивился Золто.

Чора перевёл взгляд на Ногача. Тот воззрился на него деревянными глазницами.

— Вечный штиль! Это ты, — удивлённо сказал Чора. — Вечный штиль! Он же мой!

Ногач подошёл ко мне, ухватил за локоть, потом ухватил за локоть Золто.

— Скррр, цак. Ц-ц, скрр, цак.

— Да, — подтвердил Золто. — Мы его друзья. Нашли его в лесу.

Чора снял очки и начал их протирать, часто моргая.

— Удивительно. Он теперь живой. То есть, ты теперь живой.

Он шмыгнул носом, водрузил очки на нос, потом снял их и снова начал протирать.

— Это ужасно всё неожиданно. И радостно. Ты же полгода как пропал! Эти кровопийцы ограбили фургон с моими товарами. Я всё думал — зачем им моя одежда? А ты теперь живой. Друзей нашёл. Меня нашёл! Как ты меня-то нашёл?

Ногач повертел пальцами в воздухе и потупился.

Чора подошёл к нему и обнял его. Они были почти одного роста, но Чора был значительно толще. Мы с Золто не знали, что сказать, и просто смотрели, как деревянный и мясной родственники хлопают друг друга по спине, цокают и выражают свои чувства.

Я обвёл взглядом остальные манекены, сидевшие в креслах. Они были совершенно неживыми, но если Ногач как-то почувствовал Чору... вспомнил его? Возможно, они тоже сейчас живые... в какой-то мере?

— И вы здравствуйте, — растерянно произнёс я, повернувшись и глядя на деревянные лица.

Золто удивлённо посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на манекены. Нахмурился и коротко кивнул им. Вроде как поприветствовал, а вроде как бы и нет. Центрист, что с него взять.

Тем временем Чора с Ногачом отпустили друг друга и повернулись к нам. — Вы обязаны отобедать с нами и рассказать всё-всё, — утвердительно сказал Чора. — Тюшка! Тюшка! Куда ты запропастился?

Из дверей показался высокий, худой парень в атласно-чёрном костюме. Он церемонно поклонился нам.

— Тюшка, это самые дорогие гости. Накрывай на стол... прошу прощения, а где желаете

отобедать, в саду или дома?

— Мы не собирались обедать... — начал было я, но Золто прервал меня.

— В саду, если можно.

— Слышишь, Тюха? Буди Осаню, накрывайте стол в саду!

Тюшка шаркнул ногой и растворился.

— Пойдёмте, — Чора потянул нас к одному из пустых столиков. — Извините за мою некоторую эксцентричность. Видите ли, я долго жил в Ван-Елдэре...

— Я сам родом из Ван-Елдэра, — рассмеялся я. — Чувствую себя у вас, как дома.

— Вы из Ван-Елдэра? Какая удача! Здесь, в нашей глуши! Скажите, а вы учились?

— Я закончил Алую Академию.

— Вы Алый Магистр! Какая радость! Скажите, а мастер Эрд преподаёт?

— Да, конечно, преподаёт, — заверил его я. — Но он уже Старший Наставник Эрд. Архонт!

— Ну, конечно же, Архонт! Как он мог не стать Архонтом! Такой способный молодой человек, такой полёт мысли, такая широта души... Я был всего-то на три года его старше — преподаватель географии, он учился у меня — и я ему так и говорил: «Эрд — ты станешь Архонтом, если только захочешь». А... Семма преподаёт?

— Извините, но я не знаю, кто это... — я растерялся.

— О, это была моя подруга с курса. Не знаете? — расстроился Чора. — Досадно, да, досадно... Надеюсь, с ней всё хорошо, хотя как это можно узнать? Здесь, понимаете, глушь, невероятная глушь, письма идут по полгода, или вовсе не доходят. Разбойники, представляете себе? А время! Как ужасно течёт здесь время! Видите у веранды тополь? Я, вообще-то, не люблю тополя, и когда увидел росток, собирался его срезать. Немного, буквально немного промедлил — и вот, видите! А, простите... Извините, Ройт, а вы из какого дома?

— Эээээ... Я из рода Айнхейн, — несколько смущённо ответил я.

Чора Пронатон воззрился на меня с восхищением.

— Айнхейн? Прямая ветвь?

Я кивнул. Тот пару раз моргнул:

— Получается... ваш отец — Вилириан?

Я снова кивнул.

— Невероятно! — ахнул Пронатон. — О, небесные ветра, я восхищён. Это всё равно, что принимать у себя королевскую особу — да нет, куда там королевскую особу, все эти так называемые короли — невежественные, нищие фигляры по сравнению с Айнхейнами! Ваша семья так много сделала для города!

Золто оторопело уставился на меня. Вероятно, он до сих пор не до конца осознавал, с кем на самом деле путешествует.

Я невольно приосанился и расправил плечи.

— А... простите, а зачем вы здесь? Как вы, с вашим положением, оказались в такой глуши?

— Личные дела, — я ответил, с сожалением разводя руками.

— О, не спрашиваю, не спрашиваю, — Чора замахал пухлыми ладонями. — Прошу прощения, что спросил.

Глава 23. Лист и ветер

Мы обедали в саду. Золто налегал на домашнее угощение, будто и не было Кининых солёных пирогов. Я с удовольствием слушал рассказы Чоры про его жизнь в Ван-Елдэре. Удивительно, как я успел соскучиться — даже знакомые названия вызывали у меня теплое чувство! Проспекты, рестораны, опера, музеи, академия, столичная жизнь — посреди этой деревенской идиллии все это казалось еще более далеким и от того желанным. А ведь я только декаду как в изгнании! Что же будет через десять декад? Через год?

— Как же вы оказались здесь? — я не удержался от вопроса.

Меня съедало любопытство: Альй, к тому же преподаватель Академии — и живёт в этой глуши? Я, конечно, тоже был в этой глуши, но Чора меньше всего походил на сосланного нарушителя древних традиций.

— О, я много путешествовал за свою жизнь, дорогой Ройт, — тот широко улыбнулся. — Все три континента вдоль и поперек прошёл и проехал, участвовал в нескольких экспедициях к Вершине Мира. Порой годами не появлялся в столице. Я ведь человек любопытствующий, для меня все интересно!

— Но здесь же...

— Хороший климат, чистый воздух, рядом лес, горы, любопытная гм... система пещер, и... — он хитро стрельнул глазами, — ну, и очаровательная владелица этого чудного ателье, благодаря которой я и увлёкся изготовлением одежды. Я бы познакомил вас, но она, к сожалению, сейчас в отъезде.

Все встало на свои места. Я несколько разочарованно кивнул.

— Не так впечатляюще, да? — от Чоры не укрылись мои эмоции. — Что ж, дорогой, Ройт Айнхейн, не всем уготована яркая судьба, к некоторым ветра бывают более благосклонны, — он насмешливо улыбнулся.

— Я не...

— Не назвали бы свою судьбу яркой? — Чора хмыкнул. — При всем уважении, но вы сами в это не верите. Я, конечно, много лет прожил в провинции, но еще помню городскую жизнь. У меня были студенты, похожие на вас обоих.

Я нахмурился. Золто тоже поднял голову от тарелки.

— Это какие? — неожиданно недружелюбно произнес он.

— Как бы вам объяснить... Если сравнивать с явлениями природы, то... — Чора огляделся. — Что ж, сейчас у нас вторая осень — представьте себе, как ветер кружит над землей небольшую стайку опавших листьев. Такое наверняка видел и ты, Ройт, когда клёны возле Академии начинали ронять листву, и ты, Золто, тоже.

Его голос неожиданно приобрёл звучность и силу, и я мгновенно представил себе и листья, и Академию, и Чору в роли преподавателя.

— Итак, маленькая стайка листьев кружится над землей. Они опали, но снова поднялись в воздух. Может быть, вы обращали внимание, что этот вихрь образовывается, как правило, с того, что начинает движение один лист — того, кто покрупнее? Он сначала покачивается, потом встаёт на черенок, крутится, а потом поднимается в воздух, где начинает кружиться туда-сюда. Более мелкие же, его соседи, присоединяются и создают нечто вроде воронки, затягивающую в свой танец новых участников. Если наблюдать это явление со стороны, то кажется, будто инициатор и даже вдохновитель движения — это

именно первый крупный лист. С его взлёта начинается новая жизнь его уже опавших собратьев. Все словно движется вокруг него, будто он закручивает новые события лишь своим существованием.

— Точно, — кивнул Золто, — я видел.

— Ну да, — я тоже припомнил что-то подобное. — Один лист тащит за собой другие и начинается маленький смерч с пылью и ветром. Хотите сказать, что я этот лист?

— Точно, — выдохнул Золто ошеломлённо, — как ты появился, началась вся это ветропляска, Сайбар, беготня, Норы, а потом я чуть не помер вообще!

— Нет, молодые люди, всё совсем не так, — Чора покачал головой. — Вы делаете хоть и распространенный, но в корне неверный вывод.

— Чего? — Золто явно не бывал раньше на лекциях.

— И какие же выводы мы должны были сделать, мастер? — я не удержался и закатил глаза.

Вот чего-чего, а по Академии я точно не успел соскучиться.

— Вы пугаете причину и следствие, что довольно частое явление во многих сферах нашей жизни, — покровительственным тоном продолжил Чора. — Вам кажется, что первый лист — причина движения всех остальных участников. Что он создает события, закручивая их вокруг себя. Как Ройт, проходя свой полный неожиданных событий путь, создает цепочку из встреч, расставаний и принятых решений. Но лист поднялся с земли не самостоятельно, — Чора поднял указательный палец, призывая нас к вниманию, — его подняла внешняя сила, и по ее воле начался этот танец. Имя той силе — ветер. Этот лист просто был немного суше других и обладал большей парусностью, поэтому и был раньше других поднят ветром. И теперь только ветер решает, сколько лист будет кружиться, куда его занесёт, и когда он снова опустится.

Чора с видом победителя откинулся на плетеную спинку садового кресла и улыбнулся нам. Повисла пауза. Ученики обдумывали услышанное.

— Я не какой-то там безвольный лист на ветру, — не удержался я от спора. — Я совершаю действия самостоятельно, и меня не несет неведомо куда согласно чужой воле!

Чора подлил себе чаю. Глянул в мою кружку и подлил мне тоже. Снова улыбнулся своей улыбкой радушного хозяина ателье:

— До нас новости доходят с опозданием, дорогие господа, сами видите — глушь! — он сделал неопределенный жест рукой. — Однако я слышал, что в городе недоумевают, куда запропастился осужденный на изгнание Алый. Кажется, волею Архонотов вас должны были направить вовсе не в Яратир. Однако, что слушать деревенского дурака? — он хлопнул в пухлые ладоши. — Я-то точно не отмечен силой Хаоса, мое дело простое: хорошая ткань и крой, да мои неторопливые исследования окружающей флоры. Жизнь наша незатейлива и тем прелестна. Кстати, не желаете ли ознакомиться? У меня есть поистине удивительная коллекция мхов, собранных в местных лесах. Клянусь, господа, их великое множество, великое! Сейчас я принесу ключ, мы откроем приспособленную мной для этого оранжерею и осмотрим их!

Чора вскочил с кресла и убежал, подпрыгивая.

Мы с Золто переглянулись. В этом разговоре прозвучало что-то не то, но от меня ускользало, что именно. Я пожал плечами и перевёл взгляд на Ногача. Он, с разрешения обожающего его Чоры, сейчас ходил под деревянными навесами, совлекая со своих неживых собратьев их наряды и напяливая на себя. Сейчас на нём, к слову, красовалось то самое

жёлтое коктейльное платье, которое я заметил ещё из-за забора.

А вдруг Ногач — девчонка? Я потряс головой. И как понять пол манекена? И есть ли у него пол?

Чора что-то задерживался, вероятно, ключ было найти не так просто. Подошёл Тюха, принёс новые пирожки, но в нас с Золто уже больше не лезло.

— А чего мы тут ждём? — спросил Золто у меня.

— Ну, мы так и не решили, что делаем с Ногачом. У кого он остаётся, например.

— Да он нам нипочём Ногача не отдаст. Видишь, зубы заговаривает. Листья, ветер, сейчас мхи будет показывать.

— Ну, а может быть, он просто заскучал в глуши и рад встрече с земляком?

— То-то эти земляки его так радовали, что он от них аж сюда забрался, — Золто был скептичен. — Не, не отдаст Ногача. Надо бы сейчас хватать его и тикать отсюда. Что он нам сделает?

Я вздохнул.

— Золто, тебе, наверное, неизвестно, что для получения профессорского титула нужно пройти не менее тридцати инфузий великой эссенции.

— А?

— Он же Алый, который десятки раз в себя хаотичку вливал, балда! Ты не смотри, что он старый, он нас обоих в бараний рог скрутит, если захочет. Цыть! Вот он идёт.

Чора приближался, потрясая большим ключом. Правда, замок на двери оранжереи оказался не заперт, что породило у Чоры целый поток извинений.

На осмотр мхов пришлось потратить немало времени, их действительно оказалось великое множество. Заодно мы с Золто узнали все названия, особенности, историю их нахождения и прочие скучные подробности. Я честно пытался не зевать, Золто вроде сперва слушал внимательно, но потом выдал:

— А на кой это все? Пользы с мха немного — дом утеплять только. Так там сойдёт и тот, и этот!

Странно, потому что он совсем недавно рассказывал о том, как полезен мох при воспалении ран.

Чора принялся рассказывать по второму кругу, углубляясь все в большие научные дебри. Я его больше не слушал.

Мои мысли вернулись к собственной судьбе. Лист листом, но нам надо было возвращаться к Кине. Возможно, она уже продала хаотичку и мы можем взять билеты на корабль? Интересно, как здесь берут билеты? Есть ли билетная касса — или надо просто с деньгами подходить к кораблю?

— Мы думали отправиться вниз по реке, — сообщил я, прерывая поток слов ученого. — Хотим добраться до Почермы.

— Правда? — Чора отвлекся, высунул нос из образца мха, который он только что демонстрировал с особым энтузиазмом. — Ну, Почерма крупный город, ваш интерес понятен.

— От него можно отправиться за море и так добраться до Ван-Елдэра, — объяснил я.

— Неужели? Ну да, ну да...

Мои рассуждения будто совершенно не убедили Чору. Он отложил мох, обтер руки о штанины и недоуменно уставился на меня, словно я только что сказал какую-то глупость.

— Я собираюсь вернуться на Тэшер — объяснил я на всякий случай, — домой.

— Ты же не можешь домой, — тихо, с нажимом заметил Золто.

— Симпатичный домик в пригороде меня тоже вполне устроит.

Конечно, никто не позволил бы мне иметь домик в радиусе шестисот газаров от Ван-Елдэра. Впрочем, перебраться хотя бы на Тэшер, родной материк, было бы уже нехудо. В полисах-сателитах Гегемонии я смогу заниматься тем, к чему у меня неожиданно обнаружился талант — начертанием, и не буду опасаться, что меня посадят на цепь. А здесь я чем буду заниматься? Полоскать мох для Чоры? Драться в Норах с ожившими пнями? Может быть, учить детей танцам?

— Ну да, ну да, конечно, — пробормотал снова Чора, отворачиваясь от нас, — весьма разумно.

Мы с Золто переглянулись.

— Что не так? — не выдержал я.

Мой голос прозвучал, пожалуй, слишком сердито, однако мне не нравились странные реакции Чоры. Спустя столько дней скитаний по Яратиру я привык опасаться подвоха с любой стороны и быть всегда настороже. Ну, во всяком случае, мне так казалось.

— Все так, дорогой Ройт, — Чора повернулся ко мне и любезно улыбнулся, — я только подумал, что ваше пребывание на континенте было столь недолгим... — он пожал плечами. — Вы думаете, что это ссылка, но это танец, танец с ветром. Вы не должны были оказаться на Яратире, и сейчас Архонты разыскивают вас по всему миру. Но кто ведает волю Хаоса? Зачем-то он вас сюда направил, значит...

— Стоп! — я нахмурился. — Что значит направил?

Золто закатил глаза. Я на секунду задумался. Неожиданный укол подозрения кольнул меня, прогнав по телу волну мурашек.

— Погодите-ка, — я прищурился. — Когда мы вошли, вы спрашивали про новости из Ван-Елдэра, будто не слышали о нем ничего десятилетиями! Даже словно бы не знали о том, кто входит в состав Архонтов! А теперь утверждаете, что я не должен был оказаться на Яратире... говорите, что делают сейчас Архонты... и кстати, я ничего не говорил о том, что был сослан, а ответил, что это личные дела!

Надо отдать должное храбрости Золто: он среагировал мгновенно, сразу же оказался за спиной у Чоры и довольно-таки профессионально заломил ему руку. Я застыл в ужасе: так точно не стоило поступать с Алым профессором, который обладает ветра знают какими способностями.

— Не стоит так нервничать, — Чора поморщился. — Никакое зло не входило и не входит в мои планы. Я не враг вам. Да, признаюсь, у меня есть способ получать новости из Ван-Елдэра, и я также состою в переписке со старыми коллегами и друзьями. Считайте мою скромную уловку проверкой, — он осторожно выбрался из хватки Золто, — сейчас не самые спокойные времена, а назваться Ройтом Айнхейном может любой проходимец.

— Так уж и любой, — обиделся я.

— Вы ведь не вливали эссенцию, — мягко укорил меня Чора, — в этих краях никто не знает, как выглядит наследник рода Айнхейн, а соблазнов хватает...

— Что еще за соблазны?

— Ваша значимость все растет, Ройт, — Чора задумчиво смотрел в пространство, — слухи, разговоры, новые идеи. Лист несется сквозь воздушные потоки и события следуют за ним. Лист знает, что летит, но куда летит лист — он не знает.

— Лист отправляется в Почерму! — решительно заявил я.

Эти намеки мне надоели. В конце концов, эта «теория листа» была выдумкой старого преподавателя, который уже, судя по всему, лет десять как кроит одежду, да нюхает мох. Я предпочитал более достоверные источники информации.

Интерлюдия. Письмо

Священный город Ван-Елдэр, башни Айнхейн

Священный город Ван-Елдэр, башни Айнхейн.

В дверь кабинета осторожно постучали.

— Входите, пожалуйста, — Вилириан не поднимался от стола, заваленного бумагами.

— Не могу, — из-за двери донесся приглушённый голос наставника Эрда. — Не могу потрогать ручку.

Вилириан раздражённо вскочил с кресла, шагнул к двери и распахнул её. Седые волосы вокруг головы лукаво улыбающегося Эрда реяли облаком. Он быстро вытянул палец вперёд и коснулся запястья Вилириана, от чего того ударил разряд статического электричества.

— Ветра тебя раздери, Эрд! — зашипел Вилириан. — Что за шутки?

— Не шутки, а обитые бархатом перила у тебя на лестнице. Если, поднимаясь, осторожно касаться их рукавом...

— Да знаю я, — махнул рукой Архонт Непреклонности, — сам в детстве так развлекался. Но зачем?

— Настроение хорошее! А сейчас будет и у тебя, Виль. Ройт нашёлся!

— Да ты что? Ну да? — Виль схватил Эрда за плечи, приподнял и потряс в воздухе. Затем аккуратно поставил на землю и извинился. Тот улыбался.

— Ну? Что с ним? — Виль почти приплясывал от нетерпения.

— Представляешь, час назад сию я в переговорной Академии, черчу на пирографе послание для своих коллег в Каламотль. Раз в пять минут подходит ассистент и говорит, что пришла бумага на моё имя. Ну, обычный день. Я машинально кладу очередное письмо в коробку с входящей почтой, но глянул имя отправителя. Оно оказалось от Чоры Пронатона.

— Чора? Он жив? — Вилириан невольно удивился.

— Чего бы ему быть мёртвым? Жив, здоров. Он не настолько старше меня, Виль! Если помнишь, в своём очередном путешествии он отправился посмотреть на земли своих предков, так вот: ему так понравилось, что он решил там обосноваться. Климат, говорит, более здоровый, чем в дымном и дождливом Ван-Елдэре. Так что он уже, почитай, десять лет живёт в Вохотме-Удо, занимается минералогией, ботаникой, держит магазин одежды... но при этом поддерживает связь с Ван-Елдэром, чаще, правда, пирографом или обычной почтой. Но у него есть и почтовый массив...

Вилириан издал тихое рычание.

— Да-да. Так вот, Чора пишет, что пришёл к нему с утра в гости юноша — вылитый ты, только глаза серые. И с порога назвался Ройтом из дома Айнхейн.

Виль схватился за волосы.

— Да, понимаю. Если он по возвращению в Ван-Елдэр пойдёт на аспирантуру, заставлю его писать триста раз «инкогнито», «киднеппинг» и «шантаж». Но, действительно, он всем подряд представляется своим настоящим именем. Что до всего прочего, то Ройт цел, здоров, сыт, нашёл себе какого-то деревенского товарища. Сейчас Чора тянет время, показывая им свою коллекцию мхов. К слову, выставил мне счёт за эссенцию, которую потратил, отправляя письмо. Главное: у Ройта есть серьёзные проблемы с местными бандами, он их обидел. К счастью, они не знают, что это Ройт.

— Я залью его эссенцией по уши, если захочет, — отрубил Вилириан. — Он может ему

как-то помочь?

Эрд пожал плечами.

— Чора уже немолод, живёт тихой семейной жизнью, и, насколько я понимаю, вполне доволен ею. Но — он истинный Альй, и, к тому же, бывший профессор Академии. Полагаю дом Чоры можно штурмовать целой армией из местных головорезов, и ни один из них даже не войдёт в ворота.

Вилириан прошёлся по комнате, выглянул в окно.

Сейчас облака шли ниже девяносто третьего этажа, на котором располагался кабинет Вилириана, и солнце ярко освещало верхушки башен других родов и кланов, словно плывущих в облачном море. Этот покров отсекал неважное от важного; есть те, кто имеет действительное влияние на мир — и те, кто смотрят вверх, на серую пелену. Но сейчас самое важное происходило на земле, под облаками.

— Может он задержать Ройта у себя до того момента, как к ним придёт Лексина?

— Думаю, может; станет ли, вопрос?.. К слову, какую Шоннур дал инструкцию Хмурой Лисе?

— Найти Ройта, сопроводить его в Хытыр-Кымылан... а, штиль!

— Именно. Возможно, испуганный и голодный Ройт согласился бы следовать её приказам, но, судя по всему, он полагает, что справляется и сам. Вероятно, так и есть. Я бы на твоём месте отозвал Лексину... или просто попросил её приглядывать за Ройтом.

— Эрд, ты же понимаешь, что Рессам не перебросил вместе с Лексиной двухалдовый лист для почтового массива. У неё есть три одноразовых сигнальника, которые означают «Ройт в порядке», «Ройт умер» и «нужно подкрепление». Так, ты говоришь, они ещё в доме у Чоры? — пробормотал Виль; не садясь за стол, он быстро писал на листе бумаги размашистые, косые строки.

— Ага, именно сейчас, — Эрд подошёл к книжному стеллажу, провёл пальцами по корешкам.

— Штиль!

— Что? — Эрд уронил томик «Падение в Величие — наставление Государю» на ковёр.

— Перо сломал, — Вилириан скомкал письмо, бросил в угол. — Надо помягче с ним, помягче...

Вилириан закончил писать, промокнул лист и сложил его вчетверо. Распахнул соседнюю с кабинетом комнатку — почти всю ей занимала широкая столешница почтового массива. Его полированный металл, исчерченный линиями плетения, сверкал в лучах солнца, пробивавшегося через толстое стекло круглого, покрытого фокусирующим узором Рессама.

Виль снял колбу с эссенцией с полки у стола, и щедро плеснул алым на рисунок: линии засияли. Затем повернулся к Эрду и вопросительно уставился на него.

— Что? Ах да, сейчас. Имя получателя... Полуденный Отшельник, Говорящий Яблоневым Деревьям Правду в Лицо. Да, именно так.

Вилириан хмыкнул, обмакнул палец в эссенцию и стал чертить на краю стола символы. Через минуту они засветились жёлтым светом, и он аккуратно положил в центр плетения свёрнутый листок. Тот исчез, и стол потемнел.

— Надеюсь, мы успели, — не очень убедительно сказал Эрд.

24. Планы листа

Полдничали мы в оранжерее Чоры — тут было теплее, чем на улице. Тюшка принёс очередной чайник чая. Периодически я ловил в себе какое-то странное не совсем чувство, а скорее даже его отголосок, будто бы в происходящем была какая-то неправильность. Ветра с этим Чорой — обычный Алый со своими заморочками. Дело было не в нём.

Странное дело, но в лесу и в Норах мне было будто легче, чем в цивилизации. Не мог же я так одичать за столь небольшой срок? Скорее всего, так действовала смена ритма. До последнего дня нам с Золто постоянно приходилось куда-то бежать, пробираться, ползти и все время быть настороже. Здесь же — в относительно приятной компании и безопасности — время словно бы перестало подгонять нас и теперь тянулось медленно, капая по капле, как алая эссенция. Покой, безопасность и неподвижность. В общем, шгиль как он есть. Завтрак, обед, полдник, ужин, бесконечные пирожные и кексы, старик с наставлениями.

Да, конечно, Чора продолжал разглагольствовать.

— Я бы вас и сам отвез в Почерму на мобиле, но, знаете — тряска, теснота, плохие дороги... Да и разбойники порой нападают, — он горестно вздохнул, видимо, вспоминая свою потерю Ногача. — Пожалуй, удобнее всего будет добраться по реке Удо, Нанира моя так всегда ездит, а она ведь местная. Садитесь на утренний корабль — и днём вы в Почерме. Каюты первого класса — пять галер за место. Питание, панорамные виды с палубы... В ресторане для пассажиров играет оркестр.

Я поднял брови.

— Оркестр?

— Ну, на самом деле обычный квартет: две скрипки, контрабас и фортепиано, — Чора усмехнулся. — Местные лабухи, популярные шлягеры из классики, танцевальная музыка. Конечно, не Пламенеющая Опера, но есть в этом некоторое очарование местного колорита. Опять же, танцы на палубе, бесплатное пиво. Многие, конечно, напиваются, так что даже случаются драки. Впрочем, драчунов быстро утихомиривают. К Почерме они обычно уже спят вповалку.

Я попытался себе это представить. Выходило не так уж плохо. От мысли, что скоро мне предстоит отправиться в путь, смотреть с корабля на проплывающие мимо пейзажи, пить бесплатное пиво и, может быть, ввязаться в потасовку, я приободрился.

— Правда, корабль с каютами первого класса отправляется раз в два дня, утром, — оборвал мои фантазии Чора. — Сегодняшний корабль уже отчалил, так что следующий будет послезавтра, в шесть утра. Если вас не интересуют подобные развлечения, и вы готовы тесниться в каютах без окон, то каждый день идёт лесовозная барка, там есть недорогие места для пассажиров...

— Нет уж, — наотрез отказался я. — Поеду первым классом. Золто, ты что думаешь?

Золто как-то странно хмурился, будто бы его не слишком привлекала перспектива водной прогулки.

— А разве корабль не каждое утро идет? — спросил он Чору. — Кажется, отец говорил...

— Сократили рейсы, — отозвался Чора. — Дорого.

Золто, все еще хмуясь, кивнул ему.

— Не знаю, как вы, а я в этом часу ужинаю, — сообщил Чора, — кажется, погода

позволяет. Сядем в саду?

— Дорогой Чора, вас нам послали ветра! — сообщил я ему благодарно. — Ужин в саду — это лучшее предложение за все мои дни на континенте!

Чора отмахнулся от благодарностей и вернул свое внимание мне. Он тут же распорядился об ужине и принялся расспрашивать меня про Ван-Елдэр. Впрочем, похоже, мои рассказы были ему нужны больше для того, чтобы погрузиться в собственные воспоминания. За все наше время в саду мы с Золто узнали с десяток историй о молодости бывшего профессора Алой Академии и постепенно перешли к более зрелым годам.

Солнце село и на свежем воздухе стало ощутимо прохладно. Добродушный Чора, заметив это, перенес сиделки в дом, заодно предложив нам с Золто выбрать себе по новому комплекту одежды, что оказалось очень кстати: прямо скажем, наши с ним, пережившие и лес, и Норы штаны и куртки давно потеряли свой вид.

Я с радостью принял предложение принарядиться, Золто же поблагодарил Чору несколько сухо, пообещав, что расплатится в ближайшее время. Я видел, что мой друг мрачен и чем-то обеспокоен, но поговорить наедине у нас с ним возможности не было.

— Мой дом — ваш дом! — тем временем распинался Чора, уговаривая нас не стесняться аптекарскую дочь, а остаться на ночь у него. — Наверху есть просторная спальня, широкие кровати и все, что нужно для хорошего отдыха!

При мысли о кроватях у меня тут же заломило спину. Я не помнил, когда последний раз ночевал где-то кроме земли или другой поверхности, предназначенной для ходьбы. Ночь у Кины была, конечно, в разы лучше всех предыдущих, но широкие кровати, обещанные Чорой, вызывали больший энтузиазм.

— Нам все равно надо встретиться с Киной, у нас есть дело, — Золто выразительно посмотрел на меня.

— Может быть, она зайдет сюда? — дружелюбно предложил Чора. — Выпьем чаю, побеседуем.

Я не был уверен в том, что способен влить в себя еще хотя бы глоток, но тащиться на ночь глядя куда-то из теплого дома совершенно не хотелось. Откровенно говоря, мне хотелось уже подняться в обещанную просторную комнату и побыть немного в тишине — болтовня Чоры изрядно утомляла.

— Я схожу один, — кивнул Золто, поднимаясь.

Вид у него был все такой же хмурый, хотя в новенькой синей куртке, явно предназначенной для городской жизни, а не для шатания по лесу, он выглядел неплохо. Я и сам себе нравился. Чистые, не рваные вещи — залог хорошего настроения. Я теперь был в темно-бордовом, спасибо, что хоть не в алом цвете. Чора уверял, что это — последний писк моды, пришедшей из самой Юхати Светлой. Доберемся до Юхати — увидим. Я надеялся, что это случится скоро.

Золто ушел на встречу с Киной. Я подозревал, что гордый ведьмачий сын не хочет зависеть от чужих людей (даже таких милых, как Чора), поэтому деньги, полученные Киной за хаотичку, ему были нужны. В целом он, пожалуй, был прав. Пока мы не добрались до крупных городов, имело смысл озаботиться хоть какими-то средствами, да и я уже утомился от нищенского образа жизни последних дней и был сыт по горло романтикой бродяжничества.

Поднимаясь в гостевую комнату Чоры, я думал о вкусных обедах, оркестре на корабле и шумных портовых городах, что ждали нас с Золто в скором времени.

Лес наполняет радостным, огненным, прыгучим. Шумящие ели, журчащие ручьи, из-под ног — ворохи запахов. Свежесть и теплота; бег — радость. Искать цель — радость.

Длинный ветер говорит далёкие вести; остановиться, прислушаться. Шумят горные реки, молодая поросль на старом пожарище. Ощущение цели!

Бежать слушая; внимательная быстрота. Он здесь был. И ещё.

Старое движение; волны накладываются друг на друга, отражаясь. Шли звери, стояло много людей — цель и другие. Кровь, много крови; зверь ранен. Порох, железо, но не им. Новое — что — да, движущийся Хаос; это убивало зверя. Жестоко.

На спине шерсть встала дыбом.

Цель; и с ним другой, рядом. Оба были напуганы. Человек умирал от железа, рана в живот. Цель убегала.

Внимательно! Здесь!

Белое и красное, смешаны и разделены. Ветер? Нет? Внутри земли. Да. Что это? Что это? Сменить форму.

Да. Это внизу. Оба они уходили вниз. Тайный ход? Безопасное место? Медленное движение, осторожные шаги — вперёд, ещё немного; здесь? Ноги быстро уходят в землю. Подавить тревогу. Земля раскрывается, прыгнуть вниз.

Здесь странно; запах порядка давит и крутит. След плотный, тяжёлый. Коснусь пальцами стены, зажгу свет. Странно, хочется понять, остановиться, исследовать. Верность задаче. Для изучения нет времени.

Вперёд. Движущийся порядок, неуклюжий противник. Смена формы.

Тяжёлый воздух. Проскользнуть мимо. Здесь: другой был ранен. Да? Нет? Знакомый запах. Кровь и хаос, голова тяжелеет. Вперёд. Спать нельзя. Опасное — быстро. Страшное — тихо. Движение: сейчас. Трое: цель, Алый, Хаос.

Место действия — Западный Яратир, Почерма

Закрывая глаза, Линен видит, что вокруг — пустыня с чёрным песком, без конца и края. В чёрном небе полыхает алое, безжалостное солнце.

Он обнажён, и идёт босиком по острому железному песку, который впивается в его подошвы.

На его плечах — белая каменная плита, под тяжестью которой сгибается его спина, и ступни ног проваливаются в железную пустыню. Шаг за шагом, оставляя за собой кровавые отпечатки, он продвигается вперёд.

Перед ним, позади него, рядом с ним — другие: мужчины и женщины, старые и молодые, все — с белыми плитами на плечах. Каждый несёт свою плиту, без жалоб и стонов, напрягая своё тело для общей цели..

Глаза каждого устремлены вперёд: там, посередине чёрной железной пустыни, под мутным, грязным небом стоит белоснежная башня, вворачивающаяся в небо, как рог нарвала, и от её одинокой, хрупкой красоты Линену хочется плакать. А боль от того, что он видит недостроенные ярусы и обломанную, незавершённую верхушку, разрывает ему сердце.

Но то, что он несёт плиту, которая станет её частью, наполняет его неизмеримым, невозможным счастьем.

Здесь обычное созерцание, рекомендованное для посвящённых в Невозможный план, переходит в особое созерцание Линена, открытое им самим.

С одной стороны, он всё ещё видит себя, несущим плиту к башне.

А с другой стороны, понимает, что башня — это видимость. Фикция, концепция ума, аттрактор эмоций для тысяч фанатичных сторонников Невозможного плана. Которых, на самом деле, тоже не существует — они такая же выдумка, как и Башня.

И Линен теперь чувствует, что башня — это и есть он сам. Исполинский «Я», стоящий посреди темноты, создаваемый всеми, кто идёт к нему по этой пустыне — и создавший их всех.

Он сосредотачивает свой ум, и движения людей ускоряются. Они шагают быстрее, подходят к нему-Башне, поднимаются по спиральной лестнице, укладывают свои плиты на ожидающие их места и превращаются в пыль.

Он сосредотачивается сильнее, и в пустыне появляются ещё фигурки; десятки новых последователей Невозможного Плана. Линен открывает им своё сердце и зовёт их — скорее! Придите ко мне, любите меня, отдайте мне всю силу, что у вас есть, потому что вы — это и есть Я.

И глаза идущих в темноте загораются любовью.

Линен выдыхает, и открывает глаза.

Он сидит за простым деревянным столом, на котором в идеальном порядке разложены бумаги: донесения, характеристики, отчёты, указания. Протягивает руку повелительным жестом к чернильнице с перьевой ручкой — и она сперва начинает дрожать, а затем — вырывается из чернильницы и, оставляя на белом листе россыпь чёрных капель, оказывается в ладони Линена.

Он хмурится: этого недостаточно. Недостаточно!

Перо хрустит в его руке, ломаясь, щепка вонзается в ладонь. Линен извлекает щепку,

смотрит на набухающую каплю крови, слизывает её языком.

Так. Планируемое время прибытия Ройта в Почерму — два часа дня, двадцать восьмой день второй осени.

— Ройт, проснись, Ройт!

Золто тряс меня за плечи, срывающимся голосом повторяя моё имя. В полумраке комнаты его глаза снова светились своим ведьмачьим светом.

— Золто, погаси их, — я зажмурился.

— Просыпайся, Ройт!

— Да я уже проснулся, — пробормотал я недовольно, — вот только не понимаю, зачем.

— Этот твой Алый соврал нам, — прошипел Золто сквозь зубы, — так я и знал, что он не так прост, что-то шло от него нехорошее.

— Кто соврал? В чем?

Пришлось просыпаться окончательно. Я сел в кровати, которая, как и обещал Чора, оказалась и мягкой, и широкой — здесь он точно не соврал ни в чем.

— Чора! — Золто гневно сверкнул глазищами. — Корабль в Почерму ходит каждое утро по расписанию, как я и говорил. Никто его не отменял. Завтра утром будет такой же точно — с каютами и оркестром.

— Откуда ты знаешь?

— Кину спросил, — Золто вроде успокоился, присел на кровать, — а потом еще и до пристани прогулялся. Там он стоит, утром отправится. Я записал нас в первый класс.

— На завтра?

— Ага, — кивнул Золто, — и заплатил вперед. Твой Алый тебе врет, не знаю, зачем.

Чувство неправильности, которое весь день напоминало о себе, вернулось с такой силой, что у меня заныло в груди. Я выдохнул. Чора врал о корабле, чтобы...

— Получается, он пытался задержать нас! — сделал я логичный вывод.

— Ветра знают, зачем, но да, — Золто поморщился. — Я думал еще, не отравил ли он еду. Пока тебя тряс, страхово было, что не проснешься.

— Я себя чувствую нормально, — отмахнулся я. — Никакой Алый не стал бы травить наследника Айнхейн, это чушь!

— Почему это? — Золто усмехнулся. — В легендах королей часто травят.

— Я никакой не король!

— Но можешь стать одним из этих... Архонтов?

Я рассмеялся.

— Архонты — не короли, они... — я задумался, — ну, они управляют страной, исходя из своей должности. Вот мой отец, например...

— Отравить кого угодно можно, — отрезал Золто. — Но тебя не травили, не отпускали из дома только.

— Ты прав...

Меня затопили обида и злость. Добродушный милый Чора все это время преследовал какие-то свои цели, пока заговаривал нам зубы историями про листья, ветра и мхи! Кровать сразу перестала быть удобной, а комната — просторной. Я отчетливо ощутил себя чуть ли не в клетке, — настолько иначе теперь выглядело все это напускное гостеприимство.

— Говоришь, заплатил нам за каюту на завтра? — я прищурился.

— Ага, — Золто ухмыльнулся, — подумалось, что ты не захочешь здесь задерживаться.

— А что Кина?

— Она принесла деньги и завтра утром будет нас ждать, чтобы попрощаться перед отплытием.

— Мы не проспим?

— Я всегда просыпаюсь за час до рассвета! Правда, потом обратно засыпаю, — пробормотал Золто. — Но в этот раз не засну!

— А...

— А из окна легко можно вылезти, чтобы уйти из дома незаметно. Ногач остался в саду.

Я хлопнул Золто по плечу — что ни говори, а спутник мне попался отличный, а главное — неглупый. Больше нам и обсуждать было нечего, мы отлично знали, что делать дальше.

Глава 25. Пристань

Мы с полусонным Золто и не нуждающемся во сне Ногачом шли кружной дорогой к пристани мимо длинных, приземистых строений — очевидно, складов. Дорога была разбита тяжёлыми колёсами возков, а в колеях стояли непересыхающие лужи. Несмотря на ранний час, в воздухе витало какое-то нервное возбуждение.

Центр дороги занимали стоящие в два ряда повозки, с запряжёнными в них тяжеловозами, и мы шли по обочине. Возниц не было видно. Тревожащиеся кони всхрапывали и дергали ушами, когда замечали нас. Ногач вызывал особое беспокойство: один жеребец даже попытался лягнуть деревянный манекен, но не преуспел, ему мешали постромки.

С самого пробуждения я непрерывно зевал и мерз, проклиная ответственных за расписание регулярных рейсов в Почерму — шгиля ли они так рано отплывают? Одежда, выданная нам Чорой также не оправдала своих ожиданий — и я, и Золто мерзли в своих новых легких курточках на холодном утреннем ветру. Настроение у нас было так себе.

Издали слышался гул толпы. «Гаааа», — хором орала, наверное, сотня мужских глоток. Высокий женский голос, на диво пронзительный, виртуозно бранился.

Золто встревожился и замедлил шаг.

— Я бы повернул назад, — произнес он напряженно. — Вообще не понимаю, что делается. У нас тихий город, никогда такого не было.

Меня тоже одолевало какое-то тягостное чувство. Мы с Золто переглянулись.

— Пойдём посмотрим, — неохотно проговорил я, — не возвращаться же к Чоре!

Золто, решительно кивнув, зашагал вперёд.

Мимо нас попытался прошмыгнуть лопухий мальчишка в картузе, но Золто придержал его за плечо.

— Пусти, дурак, — обиделся тот.

— Что там делается, скажи, а?

— Докеры бунтуют! — восторженно выпалил паренёк.

Золто растерянно отпустил его, и он устремился вперёд.

— Докеры бунтуют? — удивился Золто. — С чего им бунтовать? Главное — против кого? Чего они требуют?

На эти вопросы ответа у нас не было, и настроение лучше не стало. Продолжая приближаться к порту, я попытался прикинуть, будет ли это значить, что наше отбытие задерживается — и имеет ли смысл пытаться решить этот вопрос с помощью денег.

Вскоре мы уткнулись в стену из спин. Это, очевидно, были местные зеваки, столпившиеся посмотреть на зрелище. Ногач выставил руки треугольником и начал раздвигать толпу. Отодвигаемые им в стороны люди желали нам вечного шгиля, но нам было не до приличий. Выбравшись в первые ряды, мы, наконец, смогли увидеть картину целиком.

У пристани стояла наполовину разгруженная барка с тюками... чего-то. Возможно, шерсти? Или ткани?

Слева на берегу штабелями лежали сосновые стволы, вероятно, готовящиеся к отправке.

На середине реки дрейфовал симпатичный белый теплоход. Вероятно, тот самый, что должен был доставить нас в Почерму с оркестром и бесплатным пивом. Он, очевидно, не

мог подойти к пристани, занятой баркой. С борта на двух лебёдках спускали раскачивающуюся шлюпку.

Но главное — перед пристанью стояла плотная толпа мужчин в рабочих блузах и картузах. Двое держали растяжку:

«Десятичасовой рабочий день»

Среди них были и женщины, судя по виду, тоже относившиеся к рабочему классу, несколько из них держали на руках детей. Между толпой зевак и сочувствующих стояло около десятка хорошо одетых мужчин, все почему-то в шляпах с загнутыми полями и щегольски закрученными усами. Вид у них был скорее растерянный, чем грозный.

Стоявший впереди них пожилой господин, одетый в белый китель, негромко что-то выговаривал хмурому мужику, вероятно, делегату от протестующих, который мял в руках картуз. Тот упрямо мотал головой.

— Нет уж, — почти выкрикнул он, и повернулся к толпе протестующих.

— Опять нас завтраками кормят!

— Гаааа! — согласно поддержали его докеры.

— Что мы хотим? — гаркнул парламентар. — Десятичасовую смену — раз!

Толпа радостно гакнула.

— Зарплату поднять до десяти галер в месяц — два!

— Два!

— Кто травму получил — тому отпуск и пособие — три!

— Нормальное пособие! — пискнул кто-то из первых рядов. — А не это!

— Чтобы через голову общества новых докеров не нанимать — четыре! Рабочую одежду докерам — за счёт компании — пять! Что, много просим?

Толпа отозвалась несвязным, но громким воем, полным возмущения. Я был согласен — они просили не много.

— А давно это просим?

Вой перерос в рёв.

— Можно это больше терпеть, братцы?

Терпеть больше было, очевидно, нельзя — бунтующие на разные голоса выкрикнули «нет» и затопали для усиления эффекта.

— И я говорю — никак не можно больше терпеть! — воодушевленно продолжил их вдохновитель. — Вот ты, шляпа! — он обратился к одному из хорошо одетых мужчин. — Вот сколько твоя шляпа стоит? А?

Тот что-то негромко ответил ему.

— Семнадцать галер! — громко проговорил заводила. — Да я столько за три месяца не получаю! Посмотрите все, что я ношу на голове? — он поднял в воздух засаленный картуз и потряс им. — Это же дрянь! А во что я одет? А? Дыра на дыре! — Он демонстративно показал дырявую блузу. — Дыра на дыре! Заплата на заплате! Как у нищего попрошайки? А я — нищий? Я — попрошайка? Я работаю, меня уважают люди!

Из толпы зевак вышла и решительно направилась к заводиле женщина в синем платье. Она уперла в бока кулаки и завопила:

— Знаю я тебя! Заливать тут будет он! Работает, посмотрите-ка! Ты, прощельга, негодяй, бунтовщик, вор, пропойца, лентяй! — оскорбления так сыпались из нее. — Что ты себе позволяешь? А? Что, мне тут до вечера стоять? Из-за тебя я... да ты...

Она полезла к нему с явным намерением съездить по морде. Заводила отмахнулся от

неё, та упала в грязь и заголосила.

Несколько господ подбежало к ней — поднимать; двое других подошли к заводиле. Один из них неожиданно вытащил револьвер и нацелил его на лидера восстания. Тот, почему-то обрадовавшись, начал кричать:

— А! Стрельни меня, да! Стрельни!

И полез к нему драться.

От зевак отделилось несколько людей, которые побежали вперёд с явным намерением вмешаться, за ними последовали другие. Толпа бастующих качнулась им навстречу, и я перестал понимать, что происходит. Но времени газеть уже не было — я понял, что толпа меня теснит в сторону, и я еле удерживаюсь на ногах.

Раздался выстрел, завизжали женщины. Куда-то побежали люди, толкая меня, я с трудом устоял. Началась неразбериха.

— Ройт! Эй, Ройт!

Я оглянулся на голос и пришёл в ужас, увидев, что несколько мужчин почему-то схватили Золто и куда-то поволокли. В панике, я начал пробираться к нему на помощь. Ко мне метнулся Ногач, но его сшибли, и бедняга покатился по земле. Я попытался подойти к нему и поднять, но вокруг было слишком много рук, спин и голов, люди, разгоряченные то ли страхом, то ли бунтом толкали меня то вправо, то влево, и я мог только рассчитывать, что мягкие человеческие ноги не способны повредить закалённое эссенцией хаоса деревянное тело. Ногач справится, а вот Золто...

Тут яркая алая вспышка почти ослепила меня, и я неожиданно услышал голос Чоры. Чора истошно кричал: «Назад! Назад! Ройт, Золто, Ногач — ко мне!» Обернувшись, я увидел Чору, окружённого летающими в воздухе лентами цветного огня. Люди шарахались от него, так что вокруг было пустое пространство. Я крикнул ему, что Золто унесли, но он, вероятно, не услышал меня в общем шуме. Я почти пожалел, что не обладаю хаотическими способностями.

Прозвучало ещё несколько выстрелов, что-то гулко хлопнуло, ветер понёс клубы едкого, вонючего дыма. Люди закашлялись, а я, прикрывая лицо рукавом, поспешил туда, где последний раз видел Золто. Споткнулся о какой-то тюк, перепрыгнул через него и оказался в узком проулке между двумя глухими стенами. В двух десятках алдов я увидел отчаянно вырывающегося Золто. Его тащили, кто-то пытался накинуть ему на голову мешок.

Я ринулся было вперёд, как вдруг с крыши одного из строений спрыгнула здоровенная, пушистая, рыжая лиса и бесшумно приземлилась передо мной; она скалилась и рычала.

В полной растерянности, я замер. Лиса?

Но прежде, чем я двинулся с места, тело зверя начало стремительно изменяться. Она словно бы распрямлялась, вырастая на глазах. Несколько мгновений я не мог уловить её облик — и вдруг увидел, что передо мной стоит девушка, одетая в зелёный егерский наряд. Её рыжие волосы были стянуты в пучок. Она довольно оскалилась, показав мне два ряда острых клыков, и, размахнувшись, врезала затянутым в кожаную перчатку кулаком мне в челюсть.

Я не успел увернуться, удивиться или возразить. В ушах зазвенело, перед глазами мелькнуло голубое небо, и я исчез из этого мира.

Священный город Ван-Елдэр, Гегемония Хаоса

Ликс, пронёсшийся вниз по ступенькам башни со скоростью пули, уже пару минут слонялся по ступеням перед порталом входа, расшвыривая ботинками жёлтые и красные кленовые и дубовые листья, когда Вилириан, наконец, вышел на улицу. На лице Архонта Непреклонности сияла лихая улыбка.

— Ну что, — подросток невольно улыбнулся сам, видя такого весёлого отца. — Куда пойдём?

Вилириан глянул на серое небо; чутьё потомственного Ван-Елдэрца подсказывало ему, что не более чем через полчаса зарядит дождь.

— Куда-нибудь недалеко? В "Шмеля"?

Ликс вздохнул.

— Пап, мне не восемь лет.

— Хм... а скажи, Ликс, а ты случайно не можешь посещать «Угли и Лёд»?

Этот легендарный ресторан принимал только людей искусства, не делая исключений ни для кого, будь ты хоть сам Верховный Старший.

— Ага, — кивнул тот. — Представляешь, получил приглашение с полгода как. Как цирковой артист.

— Ты цирковой артист? — удивился Вилириан. — Как так получилось?

Он сбежал по ступенькам, не оборачиваясь.

Ликс, точным пинком задулив жёлудь в статую Алого брата, поспешил за ним.

— Ну, пару лет назад я посоветовал Вайшу, как нужно содержать игуан. Мы с ним задружились, и я стал посещать других зверей... Потом лемуры ко мне очень привязались, и отказались выходить на сцену без меня. Тогда меня нарядили в дерево, и они делали свой номер на мне, представь! Вот. Потом Вайш понял, что моё присутствие на сцене успокаивает зверей, и я теперь каждую декаду пару раз работаю на манеже. В костюме. У меня вроде как талант к дрессуре. Так что да, я цирковой!

— Почему я об этом ничего не знаю, хм, — пробормотал Вилириан. — Что ж, прекрасно. Значит, нам только дойти до конца проспекта. Посидим в «Угли и Лёд», расскажу тебе хорошие новости.

— А ты что, тоже человек искусства?

— Я поэт, — хмыкнул Вилириан.

— Почему я об этом ничего не знаю? — рассмеялся Ликс.

— Потому что я перестал публиковать стихи ещё до твоего рождения, — улыбнулся Архонт Непреклонности. — Однако когда-то они считались неплохими.

— Дела. А ну прочти что-нибудь!

— Хммм... ну, раз такое дело, — не переставал улыбаться Вилириан, — тогда слушай. Как же там...

Мне было пять.

Я вошёл на светлую веранду —

И увидел, что в низких плетёных креслах

Сидят трое.

Мой отец, мой дед и мой прадед.

Они курили крепкий табак и подшучивали друг над другом.
Я остановился в дверях, глядя на них, а затем подбежал к отцу.

Он поднял меня и посадил на колени.

Руки отца — южный ветер.

Ноги отца — весёлые холмы.

Я сказал «Привет, папа», спрыгнул, и подбежал к деду.

И он поднял меня и посадил на колени.

Руки деда — дубовые ветви

Ноги деда — гранитные скалы.

Я сказал — «Привет, деда», спрыгнул, и подбежал к прадеду.

И он поднял меня и посадил на колени.

Руки прадеда — хлебные корки.

Ноги прадеда — ветхие доски.

И я испугался, что подломится подо мной

хрупкий мостик

и я упаду

в реку любви.

— А где рифма? — удивлённо сказал Ликс.

— Рифмы не предполагается, это такой стиль.

— Ээээ... Ну... Прочти что-нибудь ещё?

— О чём?

— О маме есть? — Ликс слегка замялся.

— Есть. Сейчас...

«Смотри, — сказала она, — это просто:

вытягиваешь руки над собой

приседаешь

и прыгаешь в воду руками вперёд».

Она наклонилась и прыгнула с камня в море.

Почти без всплеска

она нырнула, а затем её голова появилась

в трёх алдах впереди.

Она повернулась и крикнула мне:

«Попробуй!»

Я покачал головой.

«Выйди и покажи ещё раз».

Вилириан внезапно закашлялся.

Ликс посмотрел на отца удивлённо.

— А что здесь такого? О чём это?

— Айя когда-то учила меня плавать, — задумчиво произнёс Вилириан. — Мы тогда ездили по побережью, обновляли небольшие печати в приморских поселениях. Она плавала как рыба, а я был неважным пловцом.

Он пристально посмотрел на небо, моргая.

— Кажется, сейчас хлынет.

— Что-то я не понимаю, — с досадой произнёс Ликс, — что тут такого поэтического.

Так кто угодно может.

— Попробуй, — пожал плечами Вилириан.

Ликс замолчал, шевеля губами.

— Ну...

Мы шли с отцом по улице

И он читал мне свои стихотворения.

Но в них не было ни рифмы, ни ритма.

Я спросил: а что здесь такого?

Он сказал мне: попробуй сам.

Вот я и пробую

и мне кажется, получается неплохо.

— Да ты поэт, — рассмеялся Вилириан. — Дорогу поэтам!

Привратник, окинув их взглядом, отворил тяжёлую дверь из резного дуба с изображением восходящего солнца.

— Приветствия, — сказал он хмуро.

Ликс и Виль оставили пальто гардеробщику и вошли в залу на первом этаже. Здесь и там, около низких зелёных столиков на фиолетовых кожаных диванах лежали спящие гости, несколько людей, сидевших у барной стойки, вели негромкие беседы. Тяжёлые красные шторы были задёрнуты, так что и без того неяркий дневной свет еле освещал густой, пропахший дымом благовоний полумрак залы. Картины на стенах были темны, и казалось, что древние полуобнажённые герои на них сражаются с собственной драпировкой. Подошёл служитель в фиолетовой мантии с капюшоном: он нёс перед собой поднос со свечами, и его худое лицо, освещённое снизу, выглядело загадочным и зловещим.

— На какой этаж желаете? — прошептал он.

— На седьмой, — тихо ответил Вилириан. Служитель повернулся и, мягко ступая войлочными тапками, повёл гостей за собой. Они прошли через центральную сцену и завернули в небольшой коридор; проводник тихо отворил дверь. За ней обнаружилась залитая светом из широких окон беломраморная лестница, кривыми петляющими спиральями ведущая вверх. К выкрашенным голубой краской стенам были хаотично прилеплены отдельные листы, покрытые значками нотной грамоты.

Отец и сын начали подниматься по лестнице, стуча подошвами сапог; служитель притворил за ними дверь.

— Почему они все спят, — удивился Ликс.

— Ты разве здесь не был? Ты же сказал, что можешь посещать Угли и Лёд.

— Я могу их посещать — но я этого ни разу не делал, — буркнул Ликс. — Здесь странно.

— Это богема, — усмехнулся Вилириан. — Сейчас полдень, а они встают не раньше трёх.

— Так шли бы домой спать.

— А зачем? Идти куда-то, суетиться... а так заснул, проснулся — и праздник продолжается. Может, у них и дома никакого нет. Ничего, на седьмом этаже, под крышей, собираются ранние пташки.

— Невысокий дом!

— В то время, когда его построили, даже семь этажей считалось порядочной высотой. Сами Алые Башни были алдов по тридцать-сорок.

— А сколько ему?

— Пятьсот пятьдесят лет, — отрезал Вилириан. — Это одно из самых старых зданий в Ван-Елдэре. И с тех самых пор здесь — ресторан Угли и Лёд. И держит его всё та же семья Енеров. Так что, парень, ты, считай, находишься в клановом домене. Только это домен не Алых, а искусства. Здесь всем безразлично — Алый ты, Белый, серый. Хоть ты птичий сын будешь, или говорящий оживлённый. Важно одно: можешь ли ты творить.

— Да знаю я, — сказал Ликс. — Но какой же из меня, к штилю, творец? Я стою на манеже, говорю зверям ласковые слова. Я потому сюда и не ходил.

— Ну, — улыбнулся Вилириан, — Енерам лучше знать, кто человек искусства, а кто — нет. Они сочли тебя достойным — ты достоин.

— А говорящие оживлённые здесь что, есть?

— Представь себе. Пара беглых кутхских големов здесь прижились. Один пишет музыку, другой рисует. Почти не выходят на улицу. Ну, они не говорят — они пишут на дощечках, которые носят на груди.

— Ого! А птичьи дети?

— Триста лет никого не было. Во всяком случае, официально.

— А неофициально? — Ликс затаил дыхание.

Вилириан загадочно улыбнулся и ничего не ответил.

— Ну!

Вилириан развёл руками.

— Ходят слухи... разные ходят слухи, — неопределённо произнёс он и распахнул дверь на седьмой этаж.

С высоких сводчатых перекрытий из красного кирпича на цепях свисали птичьи клетки, в которых щебетали на разные голоса разноцветные пичуги. В кадках стояли пальмы и разные диковинные растения, в воздухе пахло оранжерейной влагой. Пол из полированного камня был покрыт листовными узорами, и в центре обширной залы журчал фонтан. Огромную залу разделяли на части ряды горшков с растениями и стеллажи с книгами. Здесь и там были расставлены столы и кресла, но в зале было почти пусто, лишь два служителя ходили по зале, насыпая корм птицам, да у одного из окон развалившийся в кресле низенький усатый мужчина в белом сюртуке жевал бутерброд, листая книгу.

Вилириан прошествовал к одному из столов около фонтана, сел, заказал еду и уже успел дождаться, когда принесут салаты. Всё это время Ликс бегал вокруг клеток, заглядывая в них, но, наконец, перевозбуждённый, плюхнулся в кресло напротив и начал делиться впечатлениями. Отец какое-то время пропускал мимо ушей рассказы сына, кивая и поддакивая, потом прервал его.

— Ликс. Ты же понимаешь, что фраза «Красногрудый яратирский клёст» мне говорит только «это птица с Яратира с красной грудью». Соизмеряй свой пыл с моими познаниями.

— Клёст — это птица вот с таким клювом, которая лушит кедровые шишки, — показал скрещенные пальцы Ликс. — Я читал, что клесты не размножаются в неволе, но здесь живёт целое семейство...

— ...а значит, они размножаются в неволе. Поздравляю, Ликс, твой мир иной, чем ты думал. К слову о Яратире: ты знаешь, что Ройт находится там?

Ликс замолчал.

— Ройт? — спросил он, сглотнув.

Вилириан молча кивнул.

— Каким образом он на Яратире-то оказался?

— Рессам хотел его переправить в один из наших фортов, но вмешался Храм, и его перебросило на Яратир.

— Он в порядке? — несколько виновато спросил Ликс.

— В полном. Нашёл себе новых друзей и приключений на голову. Мы почти декаду не могли понять, где он и что с ним происходит.

— Я здорово тогда на него разозлился, — пробормотал Ликс.

— Имел право, — кивнул головой Вилириан. — Что с Торрой, кстати?

Ликс нахмурился.

— Это не похоже на обычное воздействие воплощающей эссенции. Её смотрел Вайш Хаор, даже Рессам заинтересовался. Она не жива и не мертва. Рессам говорит, она замкнута на Ройта, и будет слушать только его команды. С каждым днём она всё больше обрастает кристаллами. Слушай... хотел спросить, ты можешь её обратно вернуть? Ну, с помощью своей... Реалиоры?

Вилириан вздохнул.

— Теоретически, могу попробовать. Вполне возможно, что и удастся. Но сейчас действительно важно, чтобы мы изучили воздействие на неё эссенции. Пузырёк, который мы нашли в комнате Ройта, содержит неизвестное вещество. Мы не знаем, как оно к нему попало, но предполагаем, что от Белых.

— Штиль разбери этих зануд! Что за штилеву дрянь они выдумали? Почему ей пользуется Ройт? Он что, совсем флюгер потерял?

— Я полагаю, что Ройт понятия не имел, что применяет. По правде говоря, я — извини — даже рад, что первой пострадала собака, а не, скажем, человек. Представь себе, что такая эссенция попала бы на кожу мне. Возможно — если бы я не успел применить способности — я бы превратился в безвольного голема, следующего приказам того, кто нанёс эссенцию.

— На шгиля это Ройту?

— Ройту совершенно незачем. А некоторые Белые были бы счастливы. Представь себе, что они сказали Ройту, что это, допустим, безопасное снотворное. Мы спорим, и Ройт применяет его на меня. После этого они говорят ему, что у них есть противоядие, но чтобы его получить, Ройт должен приказать мне сделать то-то и то-то. Например, доставить куда-то сто данхов великой эссенции. Или выпустить из Стальных Ям несколько преступников.

— Дичь какая-то. Что, думаешь, Ройт бы так поступил?

— Не знаю, Ликс. Смотря насколько он был бы напуган и растерян. Однако, сейчас Ройт на Яратире, и какой бы план не был у Белых, Ройт вне их досягаемости. Теперь он вместе с одним из наших опытных агентов, которого туда перебросил Рессам, и всё будет в порядке. Я, признаться, очень рад. Не находил себе места всю дорогу.

— Один агент на Ройта — маловато, — Ликс вгрызся в яблоко. — Чего ж ты сразу отряд не послал?

— Послать на территорию другого государства отряд Алых с помощью переноса — грубое нарушение дипломатических соглашений. Там, конечно, глухомань, но всё равно — отряд привлёк бы очень много внимания.

— И что?

— А то, что и дож Юхати, и Непререкаемый Кутха сразу начнут беспокоиться — а не перенесётся ли завтра боевой отряд Алых к ним в покой? И в страхе начнут отдавать какие-нибудь глупые приказы. Думаешь, у нас нет их шпионов? Я не хочу развязывать агентурную войну. А так... ну, послал я одного агента выручить сына. Даже если об этом станет

известно, меня поймут. Но я рассчитываю, что никто не заметит.

— Агент-то надёжный?

— Йис говорила — именно такой, какой нужно.

— Ну, если Йис сказала... — протянул Ликс, и вдруг вытянул шею, вглядываясь.

Лавируя мимо кадок, по направлению к столу быстро шёл Верховный Старший Шоннур.

Вилириан проследил взгляд Ликса, и побледнел.

— Что случилось, — он вскочил, направляясь к другу.

— Рессам исчез. — мрачно проговорил Шоннур. Он выглядел постаревшим, усталым, под глазами залегли тёмные круги.

— Что?

— Рессама нигде нет. Мало того, его словно нигде и не было никогда. Маятники кружат, собаки не берут след, искатели слепы, массивы глухи — всё бесполезно. Мы отправили агентов и детективов, они сейчас переворачивают вверх дном всю его башню.

Вилириан опустил в кресло, в глазах плескался ужас.

— Никто не должен об этом знать, Шоннур.

— Сам знаю! Но уже слишком поздно я перехватил контроль над его поисками. Слишком много людей знают.

— Значит, уже неважно. Но Рессама необходимо найти.

— Я затем к тебе и пришёл. Запусти большой поисковой массив Рессама, Виль. Рессам мог перенестись куда-то за пределы действия обычных поисковых массивов, и мы его просто не видим.

Вилириан потёр лоб. Ликс обеспокоенно смотрел на него.

— Мне нужно подготовиться. Вечером буду в башне Хинн.

Шоннур коротко кивнул и удалился.

Вилириан откинулся на спинку кресла, сложив руки на груди, и испустил печальный вздох.

— Пап?

— Если Рессам пропал, это катастрофа, — угрюмо сказал Архонт Непреклонности. — Без него Ван-Елдэр теряет четверть своей силы.

Ликс поперхнулся.

— Четверть?

— Это я ещё оптимистично высказался. Может, и треть. Все плетения на Алых башнях — Рессама. Массивы поиска, преобразования, деконструкции — Рессам. Искусство пространственного переноса — Рессам.

— Я думал, этим занимаются все Алые, что работают вместе с ним, — пожал плечами Ликс. — Он же не сам строил их все, в конце концов.

Вилириан взялся за голову, взлохматив чёрные короткие волосы.

— Сердце пьёт из глубины. Ты понимаешь, что это значит?

— Ну, что Алый постигает тайны, погружаясь в изучение своих способностей?

— Не в изучение своих способностей.

— В нигредо?

— И не в нигредо.

— А куда?

— А штиль его знает куда, Ликс, — раздражённо сказал Вилириан. — Как ты применяешь свою способность? Ты же можешь слушать некоторые растения. По-моему,

суккуленты.

— Беру и применяю, — удивлённо сказал сын. — Вроде как бы стараюсь это делать.

Беру и слушаю суккуленты.

— А как именно? Что ты при этом делаешь? Если подробно?

— Эээээ... — задумался тот. Присмотрелся к одному из кактусов, замолчал. Взгляд его стал отстранённым.

Вилириан сначала нервно постукивал о край стола перстнем, потом спохватился и перестал.

— Ну... я как бы замолкаю, а потом чем-то внутри вроде как подцепляю что-то в себе. Скорее двигаю. Потом у меня немного закладывает в ушах, и я вроде как слышу нечто вроде странных звуков, которые не похожи на звуки, и при этом чем-то понимаю, что он расстроен и жалуется на плохую почву. Они все обычно жалуется. Не очень полезная способность, знаешь ли.

Вилириан кивнул.

— А теперь подумай о том, как ты это понял.

Ликс поднял брови и уставился на отца.

— В смысле, как я это понял. А как я вообще что-то понимаю?

— Вот, и это самый главный вопрос. Как ты вообще что-то понимаешь. Попробуй посмотреть, как ты что-то понимаешь. Закрой глаза. Смотри на то, как ты смотришь. Понимай то, как ты понимаешь. Думай о том, как ты думаешь. Смотри на то, как ты смотришь. Понимай то, как ты понимаешь. Думай о том, как ты думаешь. Смотри. Понимай. Думай. — Вилириан говорил размеренно, с длинными паузами между словами.

Ликс, прикрыв глаза, обмяк в кресле. Повисло молчание. Вилириан терпеливо ждал.

— Голова так кружится, — ответил он, не открывая глаз. Голос его был какой-то чужой, незнакомый. — И ощущения странные. Немного страшные. Я будто на дно погрузился, в темноту. Там всё как бы другое: трогаешь что-то, и оно разваливается.

Он открыл глаза и начал их тереть.

— Что-то понял?

— Вроде нет. Или понял...

— А теперь попробуй ещё раз применить способность, — сказал Вилириан, отправляя к Ликсу щелчком по столу скляницу живого стекла с алой жидкостью внутри.

— Да я не потратился, — возразил было он, но Вилириан жестом прервал его.

— Попробуй.

Ликс накрыл ладонью скляницу и снова присмотрелся к тому же кактусу.

— Ого, — бодро сказал он. — Ему не хватает этого... олова? Серы? Нет... Чего-то горького... он хочет горького. Такой неприятный вкус, а ему нравится, он скучает по нему. Кислого и горького.

— Ему не хватает фосфора, — кивнул Вилириан. — Молодец.

— Ого. А что ты мне раньше такое не показывал?

— Обычно такому учат на специальных уроках в Академии. Итак, Ликс, ну как, хочешь повторить? Ещё раз попробовать понять, как ты понимаешь? Посмотреть...

Ликс замахал руками и скривился.

— Кружится голова, неприятно. Будто заболел. Нет, в другой раз. Сейчас даже думать об этом неприятно.

— Сейчас ты, скажем так, немного хлебнул из глубины, Ликс. Я помог тебе это сделать,

но основную работу ты сделал сам. Чем глубже ты будешь погружаться, тем сильнее будет твоё сердце, и тем лучше ты будешь владеть своей способностью. Если ты будешь исследовать свои глубины решительно и спокойно, вливать в себя эссенцию, изучать и применять Максимы и непреклонно следовать пути истинного Алого, ты однажды сможешь постичь искусство формирования своей Реалиоры. Возможно, даже не одной.

— Так просто?

— Это самое сложное, Ликс, что только есть под небесным ветром. Ты сейчас не сделал даже четверти шага, а уже устал. Рессам же погрузился на невероятную глубину. Его понимание природы Хаоса, природы Алой эссенции несравненно, и именно потому его массивы и Великие Печати превосходят все существовавшие до него. Он может, глядя на проект Великой Печати, внести три-четыре исправления, и она станет вдвое эффективнее. Он видит ошибку в созданном массиве, и чувствует, каков он должен быть. И его Реалиора Пространства может перебросить предмет или человека на десятки тысяч газаров так же просто, как я перемещаю чашку по столу. Наша сила и процветание зависят от Рессама. Как и от каждого Архонта. Девятка Архонтов значит для Ван-Елдэра едва ли не больше, чем все остальные Алые, вместе взятые.

Ликс хмыкнул.

— Ну, если он такой могущественный, то с ним ничего не должно случиться.

— Сейчас странные времена, — устало сказал Вилириан. — Мне уже кажется, что может случиться что угодно. Пошли домой. Мне нужно подготовиться, чтобы запустить большой массив Рессама и найти его.

— А как ты-то его запустишь?

— Реалиорой Воли, конечно.

— А ты сможешь?

— Думаешь, Архонта Непреклонности так называют за строгость со своими детьми? — усмехнулся Вилириан. — Если надо, то я могу всё.

Глава 26. Река

Первое, что я почувствовал — головную боль. Судя по всему, именно она меня и разбудила. Не открывая глаз, я плыл внутри этой монотонной боли, которая набегала волна за волной, будто хотела укачать меня, как мать — ребенка. Но вместо убаюкивающего сна я ощущал, что в мои виски врезаются острые камни. Ц-ц-ц, ц-ц-ц, ц-ц. Их острые грани царапают мой череп изнутри, боль отступает и снова накатывает вместе с новой волной. Бьется и бьется о мою бедную голову.

Я даже попытался было уснуть снова, но от этой извращенной попытки меня начало еще и мутить. Я открыл глаза. Их тут же резанул серый холодный свет; головная боль, а с ней и качка усилились. Перед моими полузакрытыми глазами раскачивался потолок, сложенный из темных досок, вторя маятнику у меня в висках. Бам-бам-бам.

Хуже похмелья в своей жизни я не помнил. Ужасно было еще и то, что пьянки накануне я тоже не помнил, помнил только, как собирался её затеять. Вот это самая грустная часть хорошей вечеринки: ты не только умираешь с утра, но и не помнишь тех вещей, которые стоили того, чтобы сегодня так страдать. И стоили ли? В такие моменты я совершенно искренне презирал себя. Как-никак, а мне не шестнадцать лет уже, пора знать меру. Ничего хорошего в таких вот мучительных пробуждениях я не видел. Как и в том, чтобы совершенно утрачивать контроль — что, по всей видимости, и произошло со мной вчера.

Ветра, и как теперь хоть что-то вспомнить? От любой попытки подумать голова начинала трещать еще сильнее.

Смотреть на раскачивающийся потолок я больше не мог. Внутри меня ворочалась мутная волна, требующая немедленных действий. Я сполз с кровати, по-прежнему плохо различая что-то из-за мучавшего меня света. Попытался влезть в свои ботинки, но пальцы рук не слушались, и я побрел как был — в носках. Хорошо еще, что не голый. Видимо, сил снять обувь мне вчера хватило, но — только и всего. До двери я добирался, качаясь, постоянно припадая то на одно колено, то на другое, и хватаясь руками за стены. Я сбил по пути стул и боком напоролся на угол стола, взыв даже не от боли, а от бессилья. Мне никак не удавалось двигаться прямо. Ноги меня не держали, голова кружилась, пол казался качающейся, ужасно нестабильной поверхностью, опереться на которую у меня никак не получалось. Это определенно было самое худшее пробуждение в моей жизни. Больше никаких вечеринок, никогда!

Дверь распахнулась наружу, и, я не ожидая этого, выпал из нее в какую-то холодную лужу. Откуда здесь столько воды? Я что, в каком-то притоне? Даже думать не хотелось, как и почему я оказался... там, где оказался.

Меня оглушил истошный крик каких-то птиц, окатила волна холодного воздуха и ослепил яркий свет. Не в силах терпеть всё это, я зажмурился и, проклиная все и сразу, свернулся калачиком и попытался умереть прямо здесь.

— Доброе утро!

Умереть мне не дали. Чьи-то цепкие пальцы ухватили меня за плечо и вытащили из лужи. Я попытался вяло сопротивляться, кажется, даже что-то сказал, но сознание и тело снова рассоединились, я упал куда-то в темноту.

Через секунду (во всяком случае, мне так показалось), меня что-то ударило, и тут же стало холодно и мокро. Я распахнул глаза, смаргивая ледяную воду и осматриваясь.

— Я что, на корабле?!

Я сидел на деревянном стуле. Справа от меня был низенький, по колено, деревянный бортик, а за ним катились мутно-серые волны с белыми барашками. За ними виднелся скалистый берег и кромка леса. Под ногами был грубый дощатый настил, изрядно побитый, посыпанный какими-то ошмётками коры.

Вот, значит, что у меня за похмелье! Я на корабле. Мир качается не только в моей голове. Еще плохо соображая, я повернул голову влево и обнаружил что-то вроде невысокого строения на палубе. Понятия не имею, какое название может иметь деревянная коробка, с окошками, вероятно — каюта. У неё было несколько дверей, и перед одной из них стояла, уперев руки в бока, сердитая рыжеволосая девушка. У ее ног валялось пустое ведро. Я перевёл взгляд с ведра на её сапоги, зачем-то изучая их. Хорошие сапоги. Ветра, как болит голова!

Из сапог девушки торчали стройные ноги в темно-зеленых брюках, из них росло туловище, в такой же по цвету куртке с многочисленными карманами. Венчало это все симпатичное, в общем-то, лицо, которое разглядывало меня хмуро и, пожалуй, презрительно.

Ситуация складывалась явно не в мою пользу. Видимо, мне предстояло как-то оправдаться. В том, что я совершенно не помню. Ну, какой же позор! Я был готов проклясть себя смертным проклятием, лишь бы никогда больше не оказываться в такой вот идиотской ситуации. Впрочем, не в первый раз. Никаких вечеринок больше!

— Слушай, — начал я осторожно, — наверное, это не очень хорошо звучит, а выглядит еще хуже, но я совсем ничего не помню, — я изобразил обезоруживающую улыбку, надеясь, что язык при этом не вываливается из моего рта.

Девушка напротив выгнула бровь, давая мне понять, что улыбка не сработала.

— Это не потому что я тебя забыл или... — мне никогда не давалось красноречие до завтрака. — Что бы я ни делал накануне, это точно был не я. Я очень уважительно отношусь к девушкам, особенно таким хорошеньким... — бровь вернулась в хмурое положение. — Ко всем девушкам! — попытался я исправить положение. — Ты сейчас мне наверняка не веришь, но на самом деле, я совсем не такой, как мог показаться тебе вчера. Что бы я там ни говорил или делал, это делал за меня алкоголь.

Честно говоря, слова давались мне с большим трудом. Голова все еще гудела, а непрекращающаяся качка только усиливала рвотные позывы. Больше всего мне хотелось сейчас прикрыть глаза и ни о чем не думать, но передо мной возвышалась явно обиженная и возмущенная мною девушка. Учитывая ее методы пробуждения, игнорировать ее чувства не стоило.

— Послушай, — продолжил я с новым пылом, — если я тебя как-то обидел, или... — я поморщился, — сделал что-то дурное, я извиняюсь. Если я там, не знаю, грязно приставал, — я поморщился, — я искренне прошу прощения. Может тебя утешит, что сейчас мне так плохо, ты даже не представляешь себе, как!

Я горестно вздохнул: так жалко звучал мой лепет. Ветра, дайте мне сил пережить это позорище!

— Грязно приставал? — девушка наконец заговорила.

Ее голос поразил меня ясностью и какой-то даже солдатской резкостью. Каждый слог в фразе она будто выговаривала с отдельно — четко, быстро, немного нервно.

— Ко мне?

— Ну да, я подумал...

— Что?

— Что, может, я был чрезмерно настойчив, например или, наоборот бросил тебя посреди веселья...

Второе было очень в моем духе, кстати, я легко мог увлечься чем-то еще, вдохновлённый алкогольными парами.

— Настойчив?

Карие глаза напротив на миг округлились, в них мелькнуло понимание, тут же сменившееся новой порцией презрения. Я не успел сообразить, что происходит, как меня болезненно потрепали по щеке ладонью в перчатке. Болезненно — потому что камни внутри моего черепа от этого прикосновения снова пришли в движение.

— На этой вечеринке настойчивой была я, — сообщила мне девушка, снова дернув бровью. — Так что не воображай лишнего. Иди в свою каюту, Ройт Айнхейн, и приведи себя в порядок, мы на пути в Почерму.

Она указала мне на дверь, из которой я вышел, и скрылась за соседней дверью.

Зайдя в каюту, я машинально, морщась от боли, стянул промокшую рубашку, утёр ей лицо и волосы. Оглядевшись по сторонам, заметил увидел лежащую на столике около койки стопочку одежды; я взял новую рубашку и, стуча зубами, натянул её на себя. Погода, однако, не располагала к водным процедурам. Накинул сюртук, замотал шею шарфом и вылез наружу, морщась и пошатываясь. Где это я, всё же?

Вышел на палубу, огляделся. Я на каком-то длинном, длинном, длинном деревянном судне, довольно обшарпанном, его пустая палуба завалена каким-то сором вроде ошмётков коры. Каюты, из которой я вышел, располагается ближе к корме; впереди, на носу, другая маленькая пристройка. Между ними, на палубе, возвышается какая-то штука наподобие крана. Нет ни мачты, ни паруса, а небольшие облачка белого дыма, вырывавшиеся из пристройки на носу, не похожи на работу теплового двигателя. Как она вообще двигается? И да, я помнил, что такой корабль назывался баржа. Кой штиль понёс меня на эту баржу? И почему с девушкой?

Я растерянно пялился на бегущие за бортом тёмные речные волны. Я на барже. На барже. Куда я плыву? Девушка облила меня водой... и сказала, что мы на пути в Почерму. Почерма, Почерма... Воспоминания возвращались каким-то вихрем из мелькающих картинок. Бунт на пристани, Ногач, Золто, Чора... Всепроникающий ветер, никакой вечеринки не было! Эта девица напала на меня!

Понимание тут же привело меня в чувство. Даже головную боль сдуло прочь. Мне нужно было немедленно выяснить, что же на самом деле произошло со мной вчера,

— Это ты меня вырубил и похитила! Из-за тебя у меня так болит голова! — я распахнул дверь каюты, полный решимости и гнева. — Я пытался спасти Золто, а ты напала на меня посреди улицы! Какого штиля происходит?! Куда ты меня везешь? Где мои друзья?!

Я сжал кулаки. Теперь, когда я понял, что стыдиться нечего, меня затопила злость. Какая-то рыжая девица спутала все наши планы, да еще и настолько не вовремя.

— Меня зовут Лексина Дуайт, — моя похитительница сидела за небольшим столиком в углу каюты, — меня послали Архонты на твои поиски.

— Зачем? — это звучало так странно, что я растерялся.

— Затем, что ты исчез после суда, и твой отец вместе с другими членами совета сбились с ног, пытаясь понять, куда ты мог подеваться, — Лексина равнодушно пожалала

плечами.

— А бить меня было зачем? И где мы находимся?

— Не было времени объяснять. Приношу извинения. Тебе угрожала смертельная опасность, поэтому пришлось действовать быстро и решительно. Я нанесла точный и безопасный для здоровья удар. Мы на зафрахтованной мной грузовой барже, капитан которой не смог из-за стачки взять груз леса. Идём вниз по реке в Почерму, где мы пересядем на корабль до Тэшера.

Вот оно что. Я выдохнул и, подавив злость, кивнул. Агент Алых. Я редко мог понять ход их мыслей и обычно считал их необходимым злом. Тренированные, прошедшие десятки вливаний Алые, часто — из младших родов. Они были эффективными... и недалёкими. Надо же, баржа. Что ж, хорошо ещё, что я не трясусь в запряжённой волами повозке, замотанный в половик — для пущей безопасности.

— То есть, Архонты поняли, что совершили ошибку, осудив меня, и теперь спешат вернуть меня в Ван-Елдэр и принести свои извинения? — хмыкнул я, представляя, как нелегко было им принять такое решение. — Что ж, я согласен, но сначала необходимо...

— Ройт Айнхейн, у меня приказ доставить тебя не в Ван-Елдэр, — Лексина с явной насмешкой смотрела на мое вытянувшееся лицо.

— Но...

— Напоминаю, ты был осужден Судом Алых и будешь находиться в изгнании пять лет. Приговор суда Алых не может быть отменён.

— Зачем тогда они прислали тебя? Контролировать меня? — я снова начал злиться. — Ну так смотри: я в изгнании! Честно отбываю своё наказание! Ты вообще понимаешь, где я нахожусь?! Это самое настоящее изгнание, изгнаннее не придумаешь!

— Значит, в форте Хытыр-Кымылан тебе будет уютно, как внутри облака.

— Где?!

Я слышал про форт Хытыр-Кымылан — какая-то дыра на границе Гегемонии. На границе пустыни и ... пустоши. Снова. Я невольно вспомнил начало своего изгнания и «пустошь», в которой я оказался. Сейчас мой лес казался таким родным! Золто, Ногач, Сандак были милейшими ребятами! Ветра, там же настоящие пустоши! Ни в какой форт я ехать не собирался.

— Я не поеду, — твердо заявил я.

— М?

— Не поеду. По суду меня отправили в изгнание, не в какой-то форт. Я в изгнании, мой приговор приведён в исполнение. Разворачивай своё судно, я возвращаюсь в Вохотма-Удо.

— Нет.

— Я возвращаюсь! — я подошёл к Лексине и сурово уставился на неё. — Мои друзья в беде. Я их не брошу.

— У меня нет никаких указаний насчет твоих новых друзей. В моих инструкциях только ты, я и форт Хытыр-Кымылан, — покачала головой Лексина. — Мы отправимся первым кораблем из Почермы.

— Ну так я даю тебе это указание! — рявкнул я сердито. — Я — прямой наследник дома Айнхейн, ты должна мне подчиняться по праву крови! Мы возвращаемся немедленно.

— Право крови обретается в смерти, кажется? — Лексина криво улыбнулась. — Я получаю приказы только от Архонтов. Войдешь в состав девяти — поговорим. Пока что ты объект, который надо доставить в нужное место — ничего личного.

С этими словами она поднялась и вышла из каюты, оставив меня одного размышлять над сложившейся ситуацией. Я был голодный, с большой головой и от того еще злее. С детства меня выводили из себя ситуации, где кто-то решал за меня, что мне делать, чего хотеть, кем стремиться стать и чем руководствоваться в жизни — довольно распространенная реакция, не так ли? Впрочем, с годами эта черта моего характера только усугубилась. Я не принимал хаотичку, не следовал обычаям Алых, плевал на авторитеты, вел себя вызывающе... и угодил под суд, да. Но, раздери-ветер, это был мой суд, мой приговор, мое изгнание! Как так вышло, что даже в этом случае обнаружили люди, которые стали решать, каким мне нужно быть изгнанником? Я был зол на Лексину, отца, всех Архонтов сразу.

До этого момента и не подозревал, как, оказывается, дорожу тем, что началось со мной после изгнания, а именно — свободной жизнью! По-настоящему, а не по игре, как было в Ван-Елдэре, где я после своих прогулок по Белым кварталам снова возвращался в башню и поднимался в свои покои, возвышавшиеся над городом. Здесь, на Яратире, я не обладал никакими привилегиями, и местные не вытягивались в струнку при моем появлении. Мне угрожали — как незащитному изгою, давали приют — как бездомному страннику, смеялись над моими шутками, если было смешно и оскорбляли, если я не нравился. Да, пожалуй, большая часть моего пребывания в изгнании прошла под девизом «хуже быть, казалось, не могло, но стало», но зато все мои победы — возможно, нелепые и мелкие, были моими. Да, приятно пользоваться своим положением, когда ты можешь просто приказать гвардейцам, пришедшим разгонять собрание ремесленников, развернуться и уйти — и наслаждаться восхищёнными взглядами. Но здесь я был просто Ройт — не «тот самый Айнхейн», не наследник, не неприкосновенный носитель древней крови. И как же я был горд своими успехами.

Просто поразительно, какими глубокими сейчас мне показались такие, в общем-то, банальные идеи! И разве не этого хотел бы от меня мой знаменитый отец? Прекратить ребячество, повзрослеть, начать делать что-то?

Вот эту мысль, пожалуй, лучше было не думать. В голове тут же возник голос отца, с иронией спрашивающий, а что, собственно, я сделал такого особенного? Ну, я выжил в Норах, когда знающие люди были уверены в обратном. Знающим человеком был, правда, Золто.

Ветра, что же с ним случилось? Куда его потащили?

Я со стоном повалился на кровать. Настроение было хуже некуда.

— Время обедать.

В каюту вошла Лексина, удерживая на одной руке поднос с кофейником и какими-то неаппетитными на вид булками. Я с тоской подумал про пароход, оркестр и бесплатное пиво. Ну, хотя бы на этом судне тоже была какая-то кухня.

— Я отказываюсь ехать в форт Хыгыр-Кымылан, — сообщил я, принимаясь за еду. — Я свободный человек, я не на службе — нет никакого закона, ограничивающего мои передвижения.

Свои права я прекрасно знал. Обычно, у меня всегда были только права. Практически в неограниченном количестве.

— Твои передвижения уже ограничены, — Лексины придвинула второй стул к столу, за которым расположился я. — Твоя служба в форте — решение Архонтов. Захочешь с ними поспорить — свяжешься оттуда.

— Я не поеду. Не можешь же ты меня постоянно вырубать, чтобы таскать с корабля на корабль!

Лексина скептически подняла бровь, и это меня вывело из себя окончательно.

— Прекрасно! — я стукнул кружкой по столу, расплескав кофе. — Значит, по-твоему, это отличный метод — тащить упирающегося человека, а, если он упирается слишком рьяно — бить по голове? Очень современно!

— Не хочешь, чтобы тебя били по голове, не сопротивляйся воле Архонтов, — Лексина пожала плечами и налила себе кофе. — Никто не желает тебе зла, наоборот даже.

— Первый раз слышу, что похищение человека — это доброе дело, — пробормотал я сквозь зубы.

Это ее спокойствие выводило меня из себя все больше. Я нервничал из-за Ногача с Золто и злился, что этому агенту Алых, похоже, совершенно плевать на все, кроме своей миссии.

— Слушай, — она, будто прочитав мои мысли, оперлась локтями о столешницу и устремила на меня пронзительный взгляд. — Я выполняю свою работу. То, что ты называешь похищением, для меня — сопровождение и защита.

— Ты грозишься вырубать меня на каждом шагу, как будто я опасный преступник!

— Преступник — да, опасный — нет. Во всяком случае, не для меня, как ты мог заметить.

Мне тут же вспомнилось ее эффектное появление в виде лисицы. Я знал, что за мной не отправили абы кого. Очевидно, Лексина — агент какого-то самого высокого эшелона, у которой в венах эссенции больше, чем крови. Шансов физически противостоять ей у меня не было.

— Я здесь представляю закон Хаоса, — продолжила она спокойно. — Если бы ты тоже его чтил, не оказался бы здесь. Твоя самоуверенность и дерзость привели тебя сюда.

— Закон Хаоса — который, кстати, нигде не записан — это, по сути, просто право сильного, — буркнул я сердито.

— Твоя слабость — твой выбор, не так ли? — Лексина равнодушно пила свой кофе. — Ты ведь не принимал эссенцию. Поэтому тебя судили, а не вызвали на поединок, например.

— И суд отправил меня сюда, а теперь...

Я осекся, вспомнив неожиданно слова Чоры. Сюда меня направил вовсе не суд. И Лексина также обмолвилась о том, что Архонты сбились с ног, разыскивая меня по всему миру.

— Я попал на Яратир не по воле Архонтов, — узор в моей голове наконец сложился.

— Суд отправил тебя в изгнание.

— О да, в форт Хытыр-Кымылан, видимо, — я растянул губы в улыбке, — вот только я здесь. Это была не моя воля, и не воля Архонотов.

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурилась Лексина.

— Это была воля Хаоса! — объявил я радостно. — Теперь я все понял!

— Что именно?

— Перед судом я обратился к Храму. Просил его о помощи, — сейчас этот момент казался таким далеким, будто воспоминание из детства, — и он отправил меня на Яратир! Храм не поразил меня смертью, не наделил способностями, не раскидал моих противников, но и не смирился с их волей.

— Архонты не твои противники, Ройт, твой отец был на суде, если ты не помнишь, —

язвительно заметила Лексина.

— И он планировал для меня военную службу на краю страны, ага, — я широко улыбнулся. — Очень в его духе, вот только Храм решил иначе. И что теперь? Ты, представляющая закон Хаоса, планируешь нарушить волю Храма? Изменить его планы? И это я еще самоуверенный и дерзкий?

Лексина опасно сузила глаза. Я отсалютовал ей кружкой с остатками кофе. Кажется, мое положение уже не было столь однозначным и безнадежным.

Несколько минут мы молчали. Лексина — напряженно, во всяком случае, мне так казалось, я — наслаждаясь горячим кофе.

— То есть, ты полагаешь, что Архонты не представляют Хаос? — все-таки, она не выдержала.

— Архонты, — сказал я, жуя булку, — упорядочены по уши, куда им Хаос-то представлять! Закон хаоса? Это же чушь, вроде сладкого камня.

Лексина щипчиками подняла кубик сахара и положила его в свою чашку, выразительно глядя на меня.

— Абсурдность этого положения и доказывает его истинность, — невозмутимо сказала она. — Закон Хаоса невозможен, и поэтому он есть. Порядок сам из себя представляет идею закона, следовательно, у него никакого закона быть не может.

— В смысле?

— У Порядка не может быть особого Закона Порядка, так же, как ты не можешь быть своим собственным сыном. Хаос рождает абсурдные вещи, следовательно, Закон Хаоса может и даже должен существовать.

— Ты же не сама это придумала?

Лексина пожала плечами.

— Если ты думаешь, что ты — первый человек на земле, который бросает обвинения Архонтам в чрезмерной упорядоченности и нападает на идею закона Хаоса, вынуждена тебя разочаровать. В школе, в которой меня учили, разбирается несостоятельность куда более весомых доводов, чем те, которые ты привёл. Я удивлена, что ты, закончив Академию, рассуждаешь так примитивно.

— Много прогуливал, — буркнул я.

Стоило мне вступить в такой спор, как я сразу вспоминал о том, что дискуссии все-таки не были моей сильной стороной. «Не способен рассуждать абстрактно», — кажется, что-то такое говорили обо мне в кулуарах Академии после очередных моих разглагольствований во время занятий. Поговорить-то я любил всегда.

— Я не могу себе это представить, — мне пришлось признаться. — Хаос порождает закон?

— Именно так.

— Следовательно, самый законопослушный гражданин будет следовать Хаосу?

— Нет. Только в том случае, если он следует закону разумно и вкладывая в свои законопослушные поступки огонь своей души. Если он следует Хаосу из страха, он совершает ошибку.

— А может закон — ошибаться?

— Может, — сказала Лексина, — закон может всё. Я с удовольствием побеседую с тобой о природе Хаоса на пути в Хытыр-Кымылан, Ройт Айнхейн. Это будет полезнее для нас обоих, чем слушать твои извинения за пьяный дебош, которого не было.

— И всё же, зачем ты, представитель закона, била меня по голове?

— Я уже объясняла, что это было самым подходящим вариантом действий в сложившихся на тот момент обстоятельствах.

— Подходящий вариант?! — немедленно возмутился я: нет ситуации, где подходящий вариант — мое избиение. — Ты же агент, а не гвардеец, посланный усмирять бунт! Если ты захватываешь объект, и твоей целью является его безопасность, бить его — значит проявлять некомпетентность, — я подпустил сухости в голосе, выпрямился и бросил на Лексину свой фирменный взор Алого.

Лексина поморщилась.

— За годы службы я наслушалась выговоров, Ройт, и выработала к ним абсолютный иммунитет.

— Лексина, если бы ты хотя бы спросила меня, куда я направляюсь, ты бы выяснила, что я еду в Почерму, чтобы оттуда отправиться в Юхать, — я сокрушенно покачал головой. — Ты могла сопровождать меня как минимум полдороги, и мы оба были бы довольны. Вместо этого что? Ты вырубил меня, когда я пытался помочь другу, захватила и везёшь... туда, куда я и намеревался попасть! Вот только теперь из-за твоего «подходящего варианта» я всеми силами рвусь назад. Мои друзья в беде. Мы вернемся, поможем им, а там решим. Может, и в Хытыр-Кымылане неплохо. Или я спишусь с Архонтами, объясню им ситуацию, и они, наконец, оставят меня в покое на пять лет, как мне было обещано по суду.

Лексина вздохнула.

— Ну? Пожалуйста?

— Нет, Ройт. Я сожалею. Ты отправляешься со мной. Я не поверну корабль. — Её голос звучал искренно и даже сочувственно.

— Ты дура! — я сорвался. — Твердоголовая дура! Я хотел путешествовать вместе с другом, а теперь его, наверняка, захватили местные бандиты! Потому что Архонты не могут оставить меня в покое даже на другом конце земли? И потому что ты — лучший агент Алых — не могла сказать мне три слова! Три слова! «Куда ты едешь?»

— Все гораздо сложнее, чем ты и...

— Все в разы проще! — рявкнул я. — Слушай меня, ты, зверь безмозглый: не знаю, как, но я не отправлюсь с тобой ни в Хытыр-Кымылан, ни в Почерму, и Хаос мне свидетель, — я рассердился по-настоящему. — Я — носитель его воли! А ты — ограниченная тупица! Наёмный костолом на службе у Алых тиранов с промытыми мозгами!

По лицу Лексины пошли алые пятна. Судя по всему, она готова мне врезать ещё раз. Я вышел из каюты. Она тут же выскочила за мной, видимо, из опасений, что я сигану за борт.

Опершись о бортик, задыхаясь от гнева, я проговорил, глядя на реку:

— Эй, Хаос! Слышишь? Я сухой лист, готовый взлететь — мне нужен твой ветер! Я готов к новым приключениям, готов спать на камнях, драться с разбойниками, раздавать свои шганы манекенам, голодать и проводить бессонные ночи — только освободи меня от этого конвоира!

Ветер пронёсся над рекой, взлохматил мне волосы и унёсся прочь.

Интерлюдия. Линен

Это была самая жалкая ячейка сторонников Невозможного Плана, которую Линен когда-либо видел. В нее входило всего четыре человека, и все они были членами одной семьи, владевшими небольшой мануфактурой. То, что их до сих пор не раскрыли, объяснялось просто — в Почерме полностью отсутствовал какой-либо институт контрразведки. На семьдесят тысяч жителей здесь приходилось около двадцати полицейских, маявшихся от безделья. Ты мог делать практически всё что угодно — и в худшем случае, столкнуться с весьма умеренным общественным неодобрением. Каждый житель в этом городе был предоставлен сам себе. У горожан не было даже паспортов! Линен даже не мог понять, как они платят налоги. Каким образом с таким попустительством, правительство ухитряется находить деньги на свои проекты?

Тури отдал свою жизнь на перемещение Линена. Оставались его сын Сотой, который при встрече попробовал ударить Линена, жена Сотоя — Понта, и дочь — Нана.

Сотой работал из рук вон плохо, а в некоторых случаях его некомпетентность граничила с откровенным вредительством. Понта и Нана вели себя смиренно и тщательно выполняли всё, что от них требовалось — хотя их лица часто казались заплаканным. Поэтому, когда Линену потребовались новые инструменты, в камеру перемещения был отправлен именно Сотой.

Через десять минут из камеры появилась Анра, гружёная свёртками и баулами.

Линен был рад её видеть: она была давней, честной и преданной сторонницей Невозможного Плана и, в отличие от некоторых фанатиков, способной на импровизацию. Их связывала долгая дружба, и он чувствовал, что она однажды станет важной частью Единого Линена.

— Тебе подарок, Лин, — сказала она, протягивая ему длинный свёрток, обёрнутый в промасленную бумагу. — У тебя же вчера был день рождения.

Линен скривился. Он ненавидел дни рождения. Хорошо, Анра хоть не сказала, сколько ему лет!

— Благодарю, Анра, — спокойно сказал он. — Положи на стол.

Она положила подарок на стол и, хитро улыбаясь, развернула бумагу, явив ему содержимое.

Линен взглянул — и не смог удержать дрожи в руках. Его дыхание пресеклось, а глаза наполнились слезами.

Она была безупречна. Каждая её линия дышала совершенством. Полированный орех изогнутой ложи, тёмный металл утолщённого ствола, покрытого отводящим тепло плетением, длинная трубка оптического прицела — всё было в ней соразмерно и прекрасно настолько, что Линен не верил, что человеческие руки способны создать подобное чудо.

Протянув руки, он бережно взял винтовку — и почувствовал себя цельным. По комнате пронёсся ветерок, металлические предметы издали тихий звон. С горящими глазами он повернулся к Анре, но не нашёл слов.

— Это... это...

— С днём рождения, Лин, — улыбнулась она. — Пусть твои враги умрут.

Она подошла и коснулась его щеки губами.

— Откуда ты взяла её?

Та прищурилась.

— Сделала сама, конечно же.

— Она великолепна, — Линен моргнул и стёр рукавом слёзы.

— Хочешь, проверим её?

Линен осторожно выдохнул.

— Да. Конечно.

Анра ходила между деревьями по другому берегу реки Удо, делая вид, что прогуливается, затем подняла что-то с земли. Фигурка Анры на этом расстоянии выглядела крохотной. Линен, разместившийся на обрывистом берегу, снова заглянул в прицел и увидел, что она держит в руке красный осенний лист осины. Помахав им несколько раз, она укрепила его на стволе сосны, затем отошла на полшага и приглашающим жестом предложила Линену стрелять.

Он глубоко вдохнул, ощущая в этот момент полное единство с миром. Ему не нужно было думать о направлении и силе ветра, о расстоянии до цели, скорости пули — все эти расчёты словно бы происходили где-то в другом месте, на задворках его сознания. Его ум был пуст, а руки словно сами направляли оружие. Он медленно выдохнул и плавно нажал на курок.

Анра довольно замахала. Снова прислонившись к прицелу, он увидел отверстие в стволе сосны точно в том месте, где был лист осины. Затем она подняла очередной листок и, отставив от себя руку, жестом другой указала на него.

Линен улыбнулся и глубже погрузился в ощущение единения. Он выстрелил почти без задержки, как только в нём возникло ощущение «сейчас» — острая точка безупречного момента, когда всё — ветер, движение, прицел, оружие и тысячи случайностей совпадают в один.

Анра стояла недвижимо, затем медленно подняла руку. Между её пальцами ничего не было. Она щёлкнула ими, а затем достала из сумки что-то белое.

Взглянув на неё через прицел, он увидел, что это цветок тюльпана — один из символов Белого сопротивления.

Она взяла его обеими руками за стебель, а затем приблизила к лицу. Линен удивлённо поднял бровь, но Анра увела руку вбок, прислонила бутон к виску, а затем отодвинула на ладонь. Ему казалось, что она смотрит прямо на него, словно вызывая на поединок волю. Осмелится ли он?

Линен хмыкнул. Затем поднял винтовку с опоры и встал. Сначала он принял классическую стойку. Увидел через прицел, как Анра помахивает ему цветком, держа его у своей головы. Она выглядела бесстрашной, уверенной в себе и в нём. И в этот момент Линен увидел её смертность: его невероятно обострившееся зрение подметило и седые нити в тёмных волосах, и морщины на лице, и даже в безмятежно-прямой осанке было что-то, что указывало на возраст — нечто, что звучало как «всё ещё прекрасно держится». Руки Линена задрожали, на него накатил иррациональный страх. Он опустил оружие, яростно закусил губу, почувствовал вкус крови, но он не принёс облегчения. Бездумно, уступая мучительному порыву, он вскинул винтовку, взглянул в прицел и — не увидел ни цветка, ни Анры: внезапно налетевший порыв ветра поднял вихрь из листьев, заслонивший ему обзор.

Линен опустил оружие и глубоко выдохнул. Его трясло так, что колени подкосились, и он упал в ломкую, жёлтую осоку. Он одновременно чувствовал облегчение и разочарование. Слишком сильные эмоции. Внутреннее противоречие может разрушить его цельность.

Поднявшись с колен, он тщательно отряхнулся от приставшей к одежде грязи и, не оборачиваясь, зашагал в город.

28. Воля ветра

После моего обращения к ветру на меня снизошло неожиданное спокойствие. Я напевал, поглядывая из стороны в сторону, ожидая, откуда придёт неожиданная помощь. Лексина держалась настороженно, словно готовая к прыжку.

— Слушай, у тебя очень интересная способность к превращению, — я попробовал немного ослабить её бдительность. — Ты можешь превращаться только в лису — или в кого угодно? Можешь превратиться в меня?

— В тебя — не могу, — коротко ответила Лексина, обшаривая взглядом землю, воду и небеса.

— А в кого-нибудь, кроме лисы?

— В кого-то, кроме лисы — могу.

— Здорово, — восхитился я. — А в кого ещё?

— В человека, — буркнула она. — Могу превратиться в человека, могу в лису.

Я нахмурился — это звучало как-то неправильно.

— погоди, разве превращение в лису не подразумевает, что ты можешь потом превратиться обратно?

Лексина вздохнула.

— Ты совсем невежественный насчёт Алых способностей?

— Это не входило в сферу моих интересов, — обиделся я. — Ну, я знаю самые важные вещи.

— Способности к трансформации в зверей, птиц, растений, камни и так далее довольно распространены, и их хорошо вычисляет главный массив Академии, — объяснила Лексина. — К сожалению, ими ты сможешь воспользоваться только один раз. После этого ты станешь тем, в кого превратился, и тем и останешься. Превратишься в собаку, или голубя, или кирпич. И останешься им. Такое бывает, и порой происходит случайно, от сильных эмоций.

— Ужас какой, — передёрнуло меня. — А ты сможешь думать при этом? Если станешь, скажем, кирпичом?

— Да, — нахмурилась Лексина. — Но не так, как думает человек, а так, как думает кирпич.

— И как он думает? погоди, кажется, у меня был один такой преподаватель...

— Двести лет назад жил Нейен, Алый, обладавший способностью возвращать всем изначальный облик. Когда он освоил свою способность, он сперва вернул человеческий облик всем, кто находился в форме зверя или растения. Эти Алые, пройдя долгий период лечения в доме Весёлого Смеха, в большинстве своём смогли вернуться к нормальной жизни, хотя и сохраняли некоторые чудачества. После этого его отвели на подземный склад Академии, где долгие годы тайно хранятся сотни Алых, превратившихся в камни, статуи и различные предметы. Он успешно вернул к человеческому обличью пятерых Алых, один из них как раз был кирпичом, — Лексина криво улыбнулась. — Шестой был серпом. После возвращения в человеческий облик он убил Нейена способностью, а затем разорвал себе горло голыми руками. Но Алого, превратившегося в кирпич, опросили, так что я могу ответить на твой вопрос. Он утверждал, что всё время думал о «маленьких-маленьких вроде как червячках, которых много-много, и которые ползут далеко-далеко, потом возвращаются

назад, а потом опять уползают». Наблюдая за этим движением, он ощущал невероятное умиротворение и покой. Большого он описать не мог. Лечения ему не потребовалось, он дал необходимые клятвы и вернулся в свой род. Прожил ещё сорок лет, и, окончательно состарившись и почувствовав приближение смерти, он снова, уже по своей воле, превратился в кирпич. Его опять положили на склад, где он и лежит до тех пор, пока не появятся одновременно два Алых — возвращающих в изначальный облик и дарующий молодость.

— Штиль, я ничего не слышал об этом! У нас есть склад полуживых Алых?! Звучит просто кошмарно!

— Ну, так это государственная тайна, — пожала плечами Лексина.

— А почему ты мне об этом говоришь?

— Потому что ты имеешь право знать. Ты же Ройт Айнхейн, в конце концов. Статус ты не потерял. А что не знаешь — потому что не спрашивал.

— А, ну да. — растерянно проговорил я. — И много ещё таких тайн есть, которых я не знаю?

— Уж поверь, хватает. Если тебя это примирит с отправлением в Хытыр-Кымылан, я могу рассказать тебе множество тайн по дороге.

Тайны я любил с детства.

— Расскажи что-нибудь, что я не знаю?

— У тебя кофейная гуша на щеке присохла, Ройт Айнхейн, — усмехнулась она.

Я потер щеку рукавом.

— Хорошо. Расскажи, как думает лиса?

Лексина нахмурилась.

— Это личная жизнь, Ройт. Но скажу, что лиса думает примерно как любопытный и весёлый, но совершенно безжалостный ребёнок.

— А как тебе удаётся убедить её... то есть, себя... выполнять задания?

Лексина вздохнула.

— Меня учили. Нас обоих учили. Сохранять понимание задачи, менять форму, действовать совместно.

— Дрессировали?

— Не так, как ты себе представляешь, — Лексина покачала головой. — Лису невозможно заставить что-то сделать, наказывая. Только любопытством, уговорами и лаской её можно убедить принять игру, которую предлагает ей человек. Впрочем, Ройт, повторяю: это личное. Спроси что-то другое.

Я задумался.

— А ты возвращаешься в изначальную форму? То есть, ты так и выглядела, до того, как стала лисой?

— Нет, — Лексина вздохнула, — мою изначальную форму я потеряла при первом превращении. Когда я выяснила, что могу превращаться и в зверя, и в человека, я взвесила все варианты и решила пройти обучение на Алого Перевертыша.

— А как ты выглядела изначально?

— Личное.

— Ты, хотя бы, была... девушкой?

Лексина подняла бровь, и повторила с нажимом:

— Личное.

Вот это поворот! Я глубоко задумался. Присмотрелся. Лицо Лексины было непроницаемым.

— Хорошо. А зачем вообще это? Становиться лисой, обучение это... неужели эта форма настолько полезна? Для агента?

— Можно это будет последний вопрос обо мне, хорошо?

— Ладно, — показал я ей открытые ладони. — Это последний вопрос.

— Очень полезна. Понимаешь, Ройт, хороший агент разведки — это тот, кто совершенно верен и тщательно выполняет инструкции. И одновременно, эффективный агент разведки — это тот, кто совершенно свободен и блистательно импровизирует. Поэтому так популярны все эти романчики, где действуют два детектива: один Белый, а другой Альф. Потому что человек не может быть одновременно и тем, и другим. А я — могу.

— То есть, лиса импровизирует, а человек следует инструкции?

— Нет. Одновременно. Звериная верность и человеческое вдохновение. Человеческая тщательность и лисий инстинкт. Это невероятное сочетание. И да, я могу выслеживать добычу. Так я тебя и нашла.

— По запаху?

— И по запаху тоже. Но главным образом — по ощущению цели. Я ощущаю, где была цель, и даже — куда она движется. И могу её там перехватить. Видел, как лисы мышкуют? Они идут тихо-тихо, и слушают снег. А потом — прыг! Цоп!

Внезапно я почувствовал толчок, и упал на деревянные доски палубы, не удержавшись на ногах. Корабль мучительно закрипел, застонал и начал как-то боком разворачиваться.

— Мы меняем курс? — оживился я.

— Нет! Как можно сменить курс на реке? — Лексина, только что спокойная, мгновенно подобралась. — Что-то не так. Стой здесь, я разберусь.

Она стремительными прыжками понеслась к носу корабля. Палуба сильно накренилась, корабль разворачивался, жалобно скрипя, как огромный плачущий Ногац. Я ухватился за бортик, опасаясь, что при очередном толчке могу не удержать равновесия. Если происходящее — воля Хаоса, очень не хотелось бы оказаться за бортом в момент ее свершения.

Лексина словно и не замечала крена и дрожи — с ходу она ворвалась в носовую пристройку и скрылась там. Баржа ткнулась кормой в обрывистый песчаный берег, из которого там и сям торчали наружу узловатые корни растущих сверху елей. Ровная земля, поросшая дёрном, начиналась чуть выше моей головы. Я подумал, что сейчас подходящий момент, чтобы сбежать отсюда, и занёс было ногу над бортом, намереваясь прыгнуть, уцепиться за какой-нибудь корень и вылезти наверх, как вдруг с обрыва на корабль начали прыгать люди в серой одежде. Первый, второй, пятый — они прыгали молча, мягко и беззвучно, и сразу же, не обращая внимания на меня, бежали в ближайшую к корме каюту и исчезали там. Мою каюту. Я заметил у них за плечами двустволки.

Я оторопел. Что происходит? Нападение? Грабёж? Люди решили проехаться без билета? Уже больше полудюжины скрылось в каюте, а я стоял, ничего не понимая. С берега больше никто не прыгал, из каюты не доносилось ни звука, и я на несколько мгновений практически потерял связь с реальностью.

Тем временем Лексина выбралась обратно на палубу и побежала ко мне. Вокруг неё горело алое марево — она, очевидно, применяла какую-то способность. И тут до меня дошло.

— Стой! — крикнул я ей, но она не замедлила бега. — Стой, тут засада!

Она продолжала бежать, когда эти вторгнувшиеся тихони разом высыпались обратно из дверей каюты, и в меня нацелилось куча дул. Я не успел испугаться: алое марево, сорвавшись с плеч Лексины, окутало меня, и я услышал шипение — как будто раскалённый металл кинули в воду. Не дыша, я смотрел на висящую в воздухе рядом с моим телом россыпь металлических шариков. Время замедлилось для меня, я видел всё невероятно отчётливо — но не мог пошевелиться.

В следующий момент раздался залп с берега, и бегущая Лексина, уже не одетая алым, словно бы поскользнулась и упала ничком. Упав, она почему-то продолжала скользить не к наклонённому вниз борту, а вперёд, ко мне, оставляя за собой на палубе длинную красную полосу, а затем — неожиданно вскочила, припав на колено, раскинула руки в стороны, и от пальцев её разлетелись в стороны тёмные лучи. Несколько из них пробило тела людей, и серые стрелки закричали от боли.

Новый залп с берега, взлохмативший доски — и Лексина снова упала. И в этот раз её тело поехало к борту, не скользя, а сползая, как намокший мешок с красной краской. Я видел, как она выбросила руку, пытаясь ухватиться за доски палубы, но корабль снова трянуло, и она упала на бортик. «Фальшборт», — пронеслось в моей голове. Почему я вспоминаю термины в такие моменты? Я попытался рвануться ей на помощь, но свечение крепко держало меня.

— Нет-нет-нет, — я закричал. — Нет, нет!

Одна из секций фальшборта проломилась, и Лексина упала в воду. Третий залп проделал кучу огромных, жутких, омерзительных дыр в досках палубы. Алое марево исчезло, и я, рыдая, опустился на колени.

Кто-то подошёл ко мне сзади и ударил по голове чем-то твёрдым. Но сознание я, к сожалению, не потерял — просто мои ноги подкосились, я повалился на бок — и почувствовал, как на голову надевают мешок.

Вместо того, чтобы впасть в забытье, я снова плыл по волнам боли.

Только в этот раз я ясно понимал, что никакой вечеринки до этого не было. Я попросил ветер хаоса помочь мне — и ветер хаоса помог. Теперь верная Алым лисичка мертва, а я, с мешком на голове и связанными руками и ногами, лежу в какой-то, вероятно, повозке, брошенный на дно, как мешок. Готов сражаться с разбойниками? Готов к приключениям? Готов? Великолепный Ройт, ты готов к великой судьбе, которая тебя ожидает? Аааа, как болит голова!

Но ты заслужил это, Ройт. С чего ты взял, что можешь кому-то помочь? Ты нёсся спасать друзей. И что?

Допустим, они в беде, и являюсь я. Не воин, без алых способностей, без друзей, без оружия. И спасаю, конечно. О, Ройт, ты спаситель людей, гордый носитель пыльного мешка на голове.

Я начал истерически смеяться, постанывая от головной боли.

Мои конвоиры, до этого хранившие упорное молчание и не реагировавшие ни на угрозы, ни на проклятия, вдруг обменялись парой фраз на местном наречии. Повозка остановилась, кто-то подошёл ко мне... и я вдруг ясно почувствовал, что меня снова ударят.

— Нет, нет — я застонал, продолжая смеяться, — вы же так из меня весь ум выьете...

И моя голова взорвалась.

Глава 29. ар-Марнар

— Ройт!

Я услышал голос Золто. Неожиданно яркий свет ослепил меня. Я застыл на том месте куда меня до этого втолкнули, хлопнув за спиной дверью. Отвечать не хотелось.

— Ройт? — Золто снова позвал меня, теперь уже не так уверенно, как в первый раз.

— Да-да, снова с вами...

Я прикрыл глаза, вздохнул и, наконец, огляделся. Свет, что сперва ослепил меня, оказался всего лишь тонкой полосой, пробивающейся через узкое подвальное окошко. Стекло было к тому же мутно-желтым — то ли от пыли, то ли просто старое.

То, что мы находились именно в подвале, я понял сразу. После Нор я, похоже, всегда смогу определить свое положение относительно уровня земли.

— Вот и тебя сцапали, — обреченно изрек Золто.

Оторвавшись от окна, я повернулся на его голос. Золто сидел в углу на куске какой-то жалкой тряпицы, под которой угадывалась тонкая стопка картонок. Вид у него был помятый, но — хотя бы живой. Я отметил это в уме — с тихим, слабым удовлетворением.

Золто же, напротив, уставился на меня с ужасом.

— Чего? — я лениво поинтересовался.

— У тебя здоровенная шишка на лбу, — почему-то виновато сказал он. — И волосы в крови. И на лице кровь.

Я прикоснулся к волосам. Действительно, мокрые. Почему-то это не особенно обеспокоило меня. Да и голова не болела. Я сел на холодный каменный пол. Зачем в подвале мостить пол камнем? Наверное, чтобы пленники не выкопались наружу. Растянувшись на каменном полу, я аккуратно поместил голову на руки.

— Ройт? Как тебя сцапали?

— Меня не сцапали, я сам хотел вернуться, — ответил я вежливо.

Почему он не может помолчать?

— Куда вернуться? — нахмурился Золто.

— В Вохотма-Удо, конечно! — я черз силу постарался улыбнуться ему.

— Мы не в Вохотме, дурила, — закатил глаза Золто, — нас оттащили в Кяськи.

Я попытался в своей голове вызвать ряд ассоциаций, связанных с этим словом. После всех этих ударов голова отказывалась сотрудничать, и ассоциации в ряды не строились. Ветра, если мое изгнание продолжится в том же темпе, то в Ван-Елдэр я вернусь с сознанием кирпича. И никаких вливаний эссенции не понадобится. Если, конечно, я вернусь в Ван-Елдэр.

— Кяськи — это город? — выдал я единственную версию.

— Дыра это, — буркнул Золто. — Когда-то было приличное место, да бандиты местные все к рукам прибрали. Я же тебе рассказывал.

— Ну, Кяськи, так Кяськи. Это лучше, чем Норы.

— Зачем ты вернулся? — Золто уныло ковырял пальцем пыль между плитами пола.

— Ну, — я начал понимать, что от вопросов мне не отделаться и сел, скрестив ноги, — на самом деле, меня вернули. Я был на пути в Почерму. Меня похитил Альый агент. Девушка. Рыжая. Принесла на баржу. Мы плыли, а потом напали люди. Её застрелили, а меня похитили.

Я слегка беспокоился, что Золто не сможет ничего понять из моего рассказа, но он только хмыкнул.

— Это сила ветра была, — неожиданно выдал он. — То, что говорил тот Алый из Вохотмы. Лист, который гонит ветер.

Однако, он запомнил эту метафору.

— Да, — спокойно согласился я. — Ветер гонит лист. Теперь лист здесь.

Я оглядел нашу темницу: невысокие каменные стены, пол, над головой темные балки, выдавшая виды деревянная дверь не выглядела особенно надежной. Впрочем, ни я, ни Золто ее выбить, пожалуй, все равно не смогли бы.

— А что я здесь делаю, не знаешь? — слабое любопытство шевельнулось во мне.

— Ну, так это Сайбар, шгиль ему в корень... Кина продала хаотичку, за ней проследили, потом меня схватили... повезли сюда, в дороге трясли, спрашивали, откуда взял хаотичку. Она же чистая была почти, такую из живуль не добудешь... Ошиблись мы.

— Ветра, как банально, — я вздохнул. — И далась вас всем эссенция! Сам знаешь, какой от нее прок!

— Никакого, — Золто снова помрачнел. — Но Сайбару-то до ветров, ему деньги нужны, поэтому теперь и ты здесь.

— Поэтому? — я, кажется, начинал понимать, куда ветер дует.

А, — мрачно изрёк Золто, — чего там. Опять сдал я тебя, Ройт. Сказал, что ты умеешь хаотичку добывать, а не я. Думал, ты уж на корабле. А уж как они тебя нашли — ветер знает.

— Ничего, — сказал я ему. — Ты не виноват. Никто не виноват.

Я лёг на пол навзничь, ощущая всей спиной холодные плиты.

Золто подошёл ко мне и сел рядом.

— Что с тобой, Ройт? Ты вообще на себя не похож.

— Это из-за шишки, — попытался я пошутить. Но глаза Золто были внимательными и серьёзными.

— Как её звали? Агента?

— Лексина. — Язык еле ворочался в моём рту.

— Думаешь, ты виноват? — сочувственно произнёс мой приятель.

— Я попросил ветер хаоса забрать меня с корабля. После этого на корабль напали.

— А зачем просил ветер?

— Думал помочь тебе.

— Такой ты мне не поможешь, — спокойно сказал Золто. — Тот Ройт, что Ногача приручил и Норы прошёл — мог бы, а ты — нет. Такой ты ни мне, ни ветру не нужен.

— Это обидно, — безмятежно сказал я. — Наверное. Но зато хорошо, что я ветру не нужен. Наверное, останусь таким.

Золто замолчал и молчал очень долго, шевеля губами. Несколько раз он порывался что-то сказать, но снова замолкал. Затем вздохнул и неожиданно спросил.

— Ты Нунора читал?

Я несколько удивился.

— Ну, да...

— Ну, дык знаешь, что его несколько людей писало? Сначала ар-Марнар, потом другие?

— И? — я не понимал, к чему ведёт ведьмачий сын.

— Так тот, кто его первым писал, он сначала веселился, так как здорово много людей его стало читать, а потом ему Нунор разонравился. И он, чтобы его больше не просили

писать, написал в книге про то, как Нуно́р умер. Книжка никому не понравилась, и её сложно достать, но мне она попала́сь. Называется «Нуно́р в Ирили». Там Нуно́р ране́ный и устале́ый, и решает, что больше не хочет подвигов. Продаёт свой Кра́сный Ме́ч. Растолстел, поглупел, много пьёт и задирается по кабакам. Потом он в драке напарывается на нож. Рана воспаляется, начинает гнить, лекарства не помогают, и он понимает, что ему нужна помощь. Он идёт к старым друзьям — волшебнику Га́йру, воровке Ти́лли, ведьме Ма́льхет — а они уже все мертвы. Вот как он отошёл от подвигов, так они и поумирали все, один за другим, кто от болезни, кого враги подстерегли. Нуно́р понимает, что ему хана. И умирает в какой-то комнатухе, от гангрены и горячки. А перед смертью ему снова снится его обычный сон, что он всё ещё ребёнок, и бежит вверх по холму к родителям. Только в этот раз он добегаёт до них, а они — просто старые пугала, одежду которых треплет ветер.

— Так неудивительно, что книга никому не понравилось. А что за разговоры о литературе, а, Зо́лто?

— Ройт, ты — то же, что и Нуно́р, — заявил Зо́лто.

— И где мой Кра́сный Ме́ч? Или ты видишь у меня мускулы величиной с бычьей ногой?

Зо́лто мрачно посмотрел на меня.

— Нуно́р — это ты. А твой ветер хаоса — это ар-Ма́рнар, писатель твой. Пока ты ему по сердцу, от всех убежишь, и из Но́р выйдешь, и из Кя́ськи, и везде будут тебе друзья, добыча и слава. А если разонравишься, всё будет как у всех. Будет, как в книгах не пишут.

— И что будет, а?

Зо́лто оскалился, и глаза засветились его жёлтым.

— Знаешь, что будет? Вот что будет. Через полчаса сюда придёт Сайбар. Он будет уговаривать тебя нарисовать эти узоры сияющие, как их там — плетения? Сначала сулить золотые горы, но тебя, Айнхейна, золотыми горами не заманишь. Потом будет угрожать. Ты откажешься. Потом он скажет тебе, что если не согласишься, он будет нарезать из меня мясные кружева. Ты согласишься. Нарисуешь ему плетение своё. Не очень хорошее, он это поймёт и отрежет мне что-нибудь. Ты нарисуешь ему много плетений, сколько сможешь. Двадцать, тридцать. Несколько дней ты будешь рисовать, а потом Сайбар забеспокоится — а вдруг за тобой ещё какой агент А́лых придёт? Тогда тебя отведут в лес, подрежут сухожилия, вымажут жиром и бросят на волчьих тропах. Меня просто прирежут и закопают. Конец.

Я приподнялся на локтях, посмотрел на Зо́лто. Во мне разгорался знакомый огонь.

— Что, я не могу лежать, ныть и думать о том, как всё плохо получилось и как безнадежно наше положение?

— Нет, — ухмыльнулся Зо́лто.

Я встал, повёл плечами и отряхнулся. Голова гудела, но вполне терпимо.

— Ну, — сказал я, — ладно. Ройт Великолепный и Зо́лто Решительный были захвачены разбойниками! Как же наши герои выберутся из этой непростой ситуации? Так?

— Ага, — сказал Зо́лто, поднимаясь с пола. — Фух.

— Значит, команда снова в сборе! — объявил я громко. — Ногача только нет, но он у нас любит пропадать и возвращаться. Так, Зо́лто, можешь ещё раз рассказать мне о Кя́ськи? Сколько здесь этих бандитских гильдий? Кто правит? Насколько влиятелен Сайбар? Сколько, действительно, денег получают Кя́ськи от своих дел разбойных? Рассказывай всё, может, какая-то деталь окажется именно той, что поможет нам выбраться.

Интерлюдия. Реалиора

Вилириан, в одной набедренной повязке, покрытый узорами алой эссенции, стоял в центре башни Хинн. Его окружали шесть высоких амфор из живого стекла, и каждая содержала десять данхов эссенции. Пять дней работы Великой Печати Айнхейнов.

— Ты, я так понимаю, будешь тщательно следовать этому древнему ритуалу, — мягко произнёс Эрд.

— Я Архонт Непреклонности, — наклонил голову Вилириан. — Я хранитель традиции, страж Максим, Алый в тридцать втором поколении. Я создаю Реалиору так.

— Не спорю, — поднял ладони Эрд. — Не спорю. Но не участвую.

Шоннур коротко кивнул. — Я участвую.

Вилириан закрыл глаза.

Низкий, рычащий звук, начинаясь тихо, стал становиться всё громче. Архонт Непреклонности запел слова древней, древней песни. Когда-то её пели у своих костров кочевники, далёкие предки Алых. Ещё до того, как упал Храм. Ещё до того, как вознеслись дворцы древней империи, разрушенные ударом Храма. До того, как люди научились пахать землю и выплавлять сталь. Эта песня пришла из времён, когда мир человека составляли конь, собака, лук и его род.

Негкер Тхойя Сах

Лечгер Анойя Сах

Шемкер Ройя Сах

Чхатем Вынраа Сах

(в проливной дождь

в пронизывающий ветер

под палящим солнцем

в чёрном мраке)

Зал погрузился во тьму, лишь эссенция мягко сияла в стеклянных амфорах. Голос Вилириана звучал одиноким призывом, идущим из бесконечной степной дали. Шоннур прикрыл глаза, и вступил вслед за своим другом, выпевая известные каждому Алому слова на древнем наречии.

Дзохын-да нрадаан

Чхотын ро нрадаан

Дзохын-да нрадаан

Чхотын ро нрадаан

(вы стояли рядом со мной

делили это со мной

стояли рядом со мной

делили это со мной)

Эрд обнаружил — неожиданно для себя — что тоже поёт, запрокинув голову.

Бецхат ысренан тха

Кырчар ысренан тха

Цзохат ысренан тха

Хюрчва ысренан тха

Дзохын-да нрадаан

Чхотын ро нрадаан
Дзохын-да нрадаан
Чхотын ро нрадаан
Саахте преш хуцаг
Саахте дарх хуцаг
Саахте хунч хуцаг
Саахте тнах хуцаг
Дзохын-да нрадаан
Чхотын ро нрадаан
Дзохын-да нрадаан
Чхотын ро нрадаан
Байкырч ысренан тха
Елдэр ысренан тха
Шамшер ысренан тха
Духуд ысренан тха
Дзохын-да нрадаан
Чхотын ро нрадаан
Дзохын-да нрадаан
Чхотын ро нрадаан
(болезнь пришла
война пришла
голод пришёл
предательство пришло
вы стояли рядом со мной
делили это со мной
стояли рядом со мной
делили это со мной
в дни поражения
в дни колдовства
в дни безумия
в дни смерти
вы стояли рядом со мной
делили это со мной
стояли рядом со мной
делили это со мной
победа пришла
радость пришла
богатство пришло
дети пришли
вы стояли рядом со мной
делили это со мной
стояли рядом со мной
делили это со мной)

Подул холодный, пахнувший силой ветер. Архонты раскрыли глаза. Стен больше не было. Пол стал бесконечной степью, покрытой чёрной травой, и по узким канавкам в земле

огненными полосами бежали узоры созданного Рессамом массива. Над тремя Архонтам сверкали невозможно яркие, чужие звёзды неизвестного мира.

Их обличие тоже изменилось. Облачённый в волчьи шкуры Эрд скрючился, опираясь на посох из резной кости, и выглядел невероятно старым; его глаза горели неземным, радужным светом, а из широченного ухмыляющегося рта торчали полустёртые, жёлтые клыки. Тело Шоннура светилось, и было видно, как под тонкой кожей течёт расплавленная лава; его туловище и правую руку закрывал непроглядно чёрный доспех, а в левой руке он сжимал дротик, сотканный из молний. Его многоцветные волосы реяли облаком вокруг головы. Вилириан выглядел как высокий, темнокожий мужчина с сияющими зелёными глазами, препоясанный оленьей шкурой. Из его головы росли величественные олени рога, и в руках он держал увитый лозой жезл.

Перед ними стоял треножник массива, на котором вращался красный песок.

Эрд откашлялся и сказал надтреснутым, низким голосом:

— Каждый раз у меня эта форма, Вилириан.

— Такова Моя Воля и Твоя Правда, — ответил Вилириан, голос его звучал как шум ветра. — Приступим, Братья. Отыщем Ройта.

— Ройта? — голос Шоннура затрещал пламенем. — Нам нужно найти Рессама, пока не померкли звёзды.

— Сперва Ройта, — сказал Вилириан, и мощь его голоса была такова, что Шоннур сгорбился, а Эрд скрючился ещё больше, опираясь на посох обеими руками.

Архонты, не споря больше, подошли к треножнику. Вилириан простёр над ним ладонь; чёрная кожа на ней треснула, и зелёная кровь потекла на песок. Огненные узоры вспыхнули высоким зелёным пламенем; занялась чёрная трава. Эрд проворно обернулся, ударил посохом о землю, что-то пробормотав, и трава погасла.

Треножник послушно изобразил карту Яратира, на которой горела звездочка Ройта.

— Ближе, — Вилириан воздел жезл к небесам. Ветер стал дуть сильнее, потянуло морозом. Трава начала покрываться инеем. Шоннур задрал голову к чёрному небу, выдохнул исполинский клуб огня.

На песке появились очертания крепости с четырьмя бастионами.

— Ближе, Яснее — Вилириан топнул ногой, и зелень пламени взвилось ещё раз. Эрд снова забормотал, застучал посохом, успокаивая огонь, удерживая его в линиях.

Песок приобрёл цвет, и они увидели Ройта, неподвижно лежащего на каменном полу. На его лице была кровь.

— Я Иду за Своим Сыном, — сказал Вилириан, отворачиваясь от треножника.

— Рессам! Ты должен найти Рессама, — прокричал Шоннур. Пламя в дорожках начало гаснуть.

Вилириан медленно повернулся к треножнику. Его лицо исказила боль.

— Ты Архонт, — произнёс Шоннур, глядя на него.

— Архо-онт, — вторил ему Эрд.

— Я Архонт, — произнёс Вилириан, проводя ладонью по песку, разрушая изображение своего сына. — Я должен найти Рессама.

Песок на треножнике вздыбился, а затем начал изображать быстро сменяющиеся сложные геометрические узоры. Огненные линии в степи снова взвились.

— Найди мне Рессама!

Песок струился, не показывая ничего.

— Яви. Мне. Рессама. Скорее. Помогите мне.

Вилириан простёр жезл над треножником. Эрд выпрямился, протянул крест-накрест посох. Шоннур присоединил свой дротик.

— Рессам, — вместе сказали они.

На песке, словно насмехаясь, неподвижно застыл идеальный куб.

— А! — Вилириан ударил в него кулаком. Часть куба осыпалась, и внутри него показался Рессам. Застывший, с открытым ртом — одна рука протянута вперёд, то ли призывающая способность, то ли пытающаяся отклонить некую неизбежную угрозу. В следующее мгновение песок снова поднялся, собираясь в прежнюю форму.

— Где это! Где! — гневно прокричал Шоннур.

Треножник треснул, песок посыпался на землю. Огонь потух, звёзды погасли, и всё погрузилось во тьму.

Пустые стеклянные амфоры, разбитый треножник, три Архонта, лежащие на полу. Тусклый вечерний свет, шум дождя, бьющего в окна. Ни единой черты гениального массива Рессама не сохранилось.

Вилириан поднял голову, медленно поднялся.

— Моего сына захватили в плен, — горько проговорил он. — Я не смог пойти за ним, я не смог найти Рессама.

— Я сейчас же напишу Чоре, — Эрд отряхивал одежду, лицо его было лишено обычной улыбки. — Это город Кяськи. Местное разбойное логово. Он сейчас же поедет туда на мобиле и перевернёт всё вверх дном. Со своей Реалиорой Кости он сорвёт мясо с этих ублюдков и заставит окровавленные скелеты танцевать на пепелище.

— Я поднимаю всех агентов в радиусе тысячи газаров от Кяськи, — Шоннур был в гневе. — Напишу всем Алым, бургомистру Почермы, найду связь с этими разбойниками из Кяськи. Если с Ройтом что-то случится на земле Яратира, я проволоку дожа Юхати на огненном аркане по всей дороге, которую пришлось пройти твоему сыну.

— Нет, — тихо ответил Вилириан. — Ройта ведёт ветер Хаоса. Если мы поднимем бурю, пытаюсь его спасти, эта же буря его и сомнёт. Я увидел, что не вмешайся мы с Лексиной, Ройт был бы сейчас в порядке. Наша задача — удержать мир здесь.

— Я, всё же, хотя бы Чоре напишу, — Эрд, не прощаясь, поспешил к выходу из зала.

Шоннур пнул ногой разломанный треножник и выругался. Вилириан медленно, спокойно натягивал мантию.

— Как ты считаешь, что мне нужно сделать, как Архонту, — негромко спросил он Шоннура.

— Тебе надо выступить перед горожанами, — вздохнул Верховный Архонт. — Мы больше не можем сдерживать их недовольство. Во всех районах города, на стенах домов, твои портреты — Архонт, убивающий своего сына. Тебя не называют иначе, как детоубийца. Виль, это очень серьёзное обвинение, и наше молчание только подогревает общественное мнение.

— Когда это мы стали так зависимы от него?! Штиль, мы Архонты Хаоса, а не цирковые артисты.

Вилириан рубанул ладонью по воздуху, пуская по воздуху десяток алых змеек. Закрутившись в плотную спираль, они повисели несколько секунд по правую руку от своего создателя, но не получившие никакого дополнительного импульса, с легким вздохом растворились в воздухе.

— Тебе надо выступить с обращением, — твердо сказал Шоннур. — Перетянем общественность на свою сторону.

— Как, если ты говоришь, что мое имя теперь равняется детоубийце?

— Никто не любит детоубийц, как никто не любит власть имущих и живущих в высоких башнях Алых.

— Именно, — Вилириан развел руками, — если я к ним выйду, меня сожрут. Или я сожру их, услышав первое «детоубийца».

— Все любят страдания, — заметил Шоннур, — и проблемы могущественных. Они испытывают в отношении тебя ярость, злость — сильные разрушительные эмоции. Заменяем их на другие, не менее сильные. Пусть сопереживают тебе.

— Поверженный, но не сломленный? Страдающий сильный?

— Именно. Дадим им убитого горем отца.

— Я и есть — убитый горем отец.

— Тем лучше, Виль, они тебе поверят.

Вилириан молча кивнул.

30. Вихрь

Я постучал в дверь камеры. Ещё раз.

Через минуту дверь распахнулась, на пороге появился бородатый мужик с глазами навывкате — вероятно, из-за какой-то болезни. Он держал в руке нацеленный на нас штурцер. Обвёл глазами камеру.

— Чвё, — чавкнул он, — биття бутем тя? Лишьня тя уеть Сайбар-ня еть вышелпля, нате.

Я оторопело уставился на него.

— Нате, хня вышелпля, — повторил мужик угрожающе и повёл штурцером. Затем отступил от двери, оставляя её открытой.

— Он хочет, чтобы мы пошли за ним, Ройт, — тихо проговорил Золто.

Я пожал плечами. Станный диалект, и всего-то.

Мы вышли в коридор; чередой деревянных дверей слева, дневной свет из забранных решетками окошек под потолком справа.

Я машинально пошёл к мужику, но тот ударил меня в грудь кулаком и, схватив за плечо, развернул спиной к себе.

— Что не так-то?

— Итипля хветь, нате, дурак хветь, хняф нафе, руки за спиной сложил и вперёд по коридору, дуракпля хветь, нате, уеть тя, — высказался он.

Посередине посыпанного гравием двора, на низком стуле, сидел аристократического вида бледный, тощий мужчина... в алой мантии. Рядом с ним переминался с ноги на ногу бледный Сайбар; по двору прогуливалось несколько головорезов с огнестрельным оружием, поглядывавших на нас. Наш конвоир поочередно стукнул нас кулаком в спины, и проплякал что-то на своём наречии, требуя, чтобы мы остановились.

— Привет, Ройт Айнхейн, — сказал красная мантия, — я — Кай Шиот. С Сайбаром ты уже знаком.

— Привет, — я пожал плечами, — знаком, но радости при его виде я не испытываю.

— Ничего, может, ещё подружитесь. Скажи: ты умный парень, Ройт?

Я невесело рассмеялся.

— Какое там! Я невежда, глупец и болван. Оказался бы я здесь, будь я умный парень?

— Смотри-ка, — обратился Кай к Сайбару с деланным удивлением: — действительно умный парень. Скажи, Ройт: а ты понимаешь, зачем ты нам нужен?

— Рисовать плетения, добывать хаотичку, — ответил я.

— А зачем, как ты думаешь? — Кай пытался, вероятно, вести свою игру.

— Деньги? Алых наклепать? Армию живуль? Способности применять часто? Живое оружие делать? Может, в алой эссенции деревянные пульки вымачивать будете?

— Пульки-то зачем, — на этот раз действительно удивился Кай.

— Ну как: таких пулек можно много наделать; замочить их в сосудах с эссенцией, а затем палить из пушек по толпе. В кого хоть штурчка попадет, тот валится в нигруху. Потом идёшь да дорезаешь, или вяжешь и на склад. Опять же, охотиться сподручно. Вот такого секача, который Сайбаров отряд погнал — из крохотного духового пистолетика можно свалить.

— Но пуля такая дороже трёх секачей выйдет, Ройт.

— Так если я вам плетений нарисую, вы купаться в ней сможете. Знай подставляй тазы да ведра. — Тазы да ведра? — Кай привстал. — Смеёшься, что ли?

Я улыбнулся.

— Моя башня приносит десять данхов эссенции в день. Притом, ветра в Ван-Елдэре скудноваты уже: много плетений понатыкано. Если башня бы стояла здесь, может быть, и пятьдесят данхов бы приходило. Но вам башня как моя и не нужна: тридцать-сорок больших плетений нарисую, и будут работать как моя башня. Пятьдесят не обещаю, но тридцать... почему бы и не тридцать? Тридцать возможно.

Кай посерел.

— Гран чистой эссенции стоит сорок золотых галер, — хрипло сказал он. — Данх будет... будет два миллиона сто тысяч галер. Шестьдесят миллионов в день? Два миллиарда четыреста миллионов галер в год? Двадцать четыре миллиарда в десять лет?

Мне стало скучновато. Люди почему-то всегда начинают заниматься какими-то бессмысленными подсчётами, услышав о возможности получить большие деньги — выходящие за пределы их мечтаний. Полагаю, мечты этого Кая никогда не выходили за миллион.

— Дайте мне кисть, чернила и льняную ткань, натянутую на круглую раму. Чернила лучше золотые или серебряные. Если их нет — любые водостойкие. И всё увидите сами. Золто мне тоже нужен, — спохватился я; — начертатели работают в паре.

Кай поднялся со стула.

— Принести ему, что он хочет! Не спускать глаз, — сказал он, уходя со двора. — Сайбар, ты со мной.

Мы остались под присмотром полудесятка охранников.

Конечно, я не мог добыть тридцать данхов великой эссенции. Чем больше печать, тем больше она даёт эссенции; великая печать давала сразу два вида эссенции, а те, которые мог рисовать я, собирали лишь хаотичку. Но огромная печать приносила гораздо больше эссенции, чем десять таких же, равных ей по площади, к тому же мои плетения со временем гасли. Много зависело от мастерства начертателя, от высоты башен, от самого ветра, но принцип оставался неизменным: выгоднее делать одну громадную печать, чем много небольших.

Но какая разница? Я обещал им громадный куш; чем больше обещаешь, тем быстрее люди теряют голову.

Я сел на холодную землю, скрестив ноги.

Меня наполняла холодная, рассудочная ненависть. Эти ублюдки убили Лексину, похитили Золто и меня, грабят и убивают честных людей. Теперь они хотят получить великую эссенцию.

Вдыхая и выдыхая, я успокаивал свой ум по методу Белых мастеров. Золто сел напротив меня, скрестил ноги и начал подражать моему дыханию.

— Что делать-то, — спросил он свистящим шёпотом. — Я ж не умею.

— Я скажу, — прошептал я в ответ, еле разжимая губы. — Жди.

Ждали мы долго; но вот из дверей одного из строений появилось несколько человек, которые несли здоровенную овальную раму с натянутой на неё тканью. Я прикинул её размер: алда три, наверное, а то и больше.

Я указал положить раму на землю. Вскоре принесли небольшую вязанку одинаковых длинных кистей — вероятно, какой-то неудачливый торговец лишился товара, и три банки с

золотой краской.

— Смотри, Золто, — сказал я негромко. — Твоя задача — взяв кисть, отступив на ладонь от края рамы, медленно-медленно рисовать длинную сплошную линию внутреннего овала. Если прокосил — делай завиток, как будто так и задумано, и рисуй дальше от завитка. Ляпнул краски — ляпни ещё раз, уже намеренно. В общем, делай вид, что ты знаешь, что делать. Выгляди уверенно. Я пока рисую само плетение.

Золто кивнул, макнул кисть в краску и начал вести линию. Я выдохнул, взял кисть и положил первый штрих.

Раз-и-два, поворот. Я в тех же Норах, вокруг меня монстры, жаждущие хаотички. И-два, третий штрих, линия. Вокруг меня, во мне — ветер Хаоса. И-три, два, поворот, три-четыре, вверх линия, поворот, штрих поверх штриха. В моих руках — нож; эта кисть с краской зарежет Кяськи. Раз-два-три-четыре, штрих, вернуться назад. Эта ткань — стена, через которую не пройти. Четыре, штрих, один-два, верхняя эпициклоида, спираль, линия вниз. Рядом со мной — Золто, глупый ведьмачий сын, который затащил нас сюда. Четыре — восемь. Он тянет свою линию, ровно, непрерывно — не живая и не мёртвая линия; шесть-девять. Мы в нигредо, и хаотичка решает нашу жизнь и смерть. Один становится тремя, это вершина. Три восходят к пяти, поворот, двойная спираль — центр. Черти, Ройт, это то, что ты умеешь; это спасает тебя и убивает тебя. Пусть сияние плетения ослепит жадных монстров. Три-пять-семь, штрих, лестница, завершить элемент, перейти к следующему узору.

Узор наливался светом. Я провёл завершающий штрих одновременно с тем, как Золто закончил свою линию.

Печать вспыхнула и засияла золотом; линия, проведённая Золто — тоже. Небольшой трюк: окружающие плетение линии также приобретали светимость. Я медленно выдохнул: теперь я и дальше смогу требовать его в напарники. Вытер пот со лба, оглянулся.

Смеркалось. Двор был полон замерших людей, молча смотрящих на горящую печать.

Я отбросил кисть и отошёл. Прекрасная работа, но я не чувствовал гордости или удовлетворения.

Люди загомонили, споря, переговариваясь, выражая удивление, недоверие, восторг. Через расступающуюся толпу подошёл Кай, в этот раз — без Сайбара, и хлопнул меня по плечу. Я ощутил кожей, как будто от его холёной руки на мне остался грязный отпечаток.

— Что делать теперь?

— Поднимите повыше, закрепите, подставьте под основание чашку из живого стекла, или что там у вас есть подходящего, — сказал я устало. — Накормите нас с Золто, дайте вымыться и выспаться. Не трогайте эссенцию, которая будет скапливаться, она пригодится, чтобы замешать её в краску для завтрашних плетений, это увеличит выход чистой эссенции в десять-пятнадцать раз.

Кай крикнул, услышав последние слова. Я безразлично продолжал:

— Подготовьте наутро действительно большой холст — хорошо бы хотя бы алдов семь в высоту, овальный. Если сможете, два или три. Козлы, чтобы с них рисовать. Также нам потребуется четыре-пять кистей из конского волоса, толщиной в пять пальцев, на длинных рукоятках. Желательно — сосуд из живого стекла для краски. Тогда я смогу добыть хотя бы жин за завтра.

— Всё обеспечить, — крикнул Кай. — Ройта, Золто — в центральную башню, выгоните Ярта из его хазы. Плетение охранять! Этих двоих — охранять, башню охранять, всё охранять.

спать сегодня никто не будет! Семак — проводи их в баню. Нет: Семак, Шуша, Яснец — проводите их в баню, Суня — беги бегом в баню, и чтобы там к их приходу никого не было! Тюха — беги к Ярту, скажи, чтобы выметался: когда эти двое выйдут из бани, чтобы духу его не было в башне! Весняк — передай плотникам, пусть делают самые большие, какие могут, подрамники. Любое дерево, пусть снимают хоть дуги с телег, деньги не имеют значения! Не имеют значения!!!

Мы успели помыться в местной бане, пока некий Ярт любезно освобождал для нас свои покои (довольно просторную, хотя и напрочь убитую комнату с камином), а растрёпанные служанки застлали для нас две кровати. В комнате воняло перегаром, жареным мясом и сладкими духами, а от матрацев исходил кислый дух немытых тел. Никакого сравнения с лесом.

На двери хлопнул засов, запирая нас внутри.

Я открыл ставни, впуская внутрь прохладный осенний воздух, и выглянул наружу. Высоко; слишком высоко, чтобы спуститься. Хотя, конечно, по сравнению с моей башней — это просто сорная куча.

Кяськи, несмотря на позднюю ночь, действительно не спали. В соседних башнях светились окна, на площадях горели костры, куда-то бежал отряд с факельщиком впереди. Перекликались бандиты, лаяли собаки, у одного из костров кто-то играл на дудке. Высунувшись в окошко, я разглядел слева золотое сияние печати и цепочку из охранников вокруг.

Ведьмачий сын принялся, чихнул, а затем стащил простыню с одеялом на пол и попытался устроиться на шкурах около камина. Я последовал его примеру.

— Что, — сказал он, — думаешь, нас вытащат отсюда? Если ты их поманишь большими доходами, они будут нас беречь, а потом за нами придёт кто-нибудь?

Я усмехнулся зло.

— Золто, я вырос среди клановых интриг. Сколько, ты говоришь, здесь, в Кяськи, кланов? В смысле, гильдий?

— Четыре.

— Ну, и сейчас остальные три узнают, что одна может безумно, баснословно разбогатеть, и приобрести невероятную силу. Сам подумай. Два миллиарда в год — в это невозможно поверить, и именно поэтому верить хочется. А прямо сейчас вокруг нашего плетения стоят люди, и видят, что в подставленную чашку стекает хаотичка, и каждая капля её стоит сорок золотых галер. И с каждой каплей они всё больше убеждают себя в реальности обещанного мной завтра жина хаотички.

— А ты не сможешь?

Я простонал.

— Золто, если добавить хаотичку в краску, ничего не изменится. Сам посуди: ведь краска плетения и так собирает хаотичку, она там уже присутствует с первых минут. Откуда возьмётся «в десять-пятнадцать раз?»

— Почему ты им наврал тогда?

Я зло усмехнулся.

— Потом что это загадочно! Потому что это похоже на таинственный секрет! Смотри, Золто — за ночь они соберут, ну, может, пятьдесят гран. Прилично, но не настолько, чтобы ошалеть от жадности. Но в их голове эти пятьдесят гран будут значить завтрашние тысячу. Я

обещал сделать три печати в три раза больше — почему бы и не целый жин? Одна же заработала, ведь правда? Вот она — сияет, хаотичка каплет, плотники в мыле стругают огромные дуги для новых полотнищ, охранники бегают, никто не спит.

Золто сглотнул и кивнул.

— Заметил, кстати, что Кай ничего не спросил? Он опасается, что я выдам ещё какой-нибудь секрет. Нас охраняют, а тех, кто нас охраняет, стерегут, чтобы они не подслушивали наши разговоры. Но я уверен — слухи с каждой минутой распространяются, умножаясь. Скоро безумная алчность охватит крепость, как пожар. Пройдёт несколько часов, и кланы будут резать друг друга, а мы с тобой станем самым ценным призом в этой схватке. Попробуй поспать сейчас, потому что под утро начнётся пальба.

Золто вместо этого вскочил.

— А мы что будем делать? Когда начнётся пальба?

— Мы призвали ветер хаоса, не так ли? Значит, мы — хороший, геройский Нунор. Теперь время для ар-Марнара делать свой ход и спасти своего героя. Спи давай!

Интерлюдия. Линен

Ярость Линена была так велика, что лес виделся ему бело-синим, а небо — желтым. Такое случалось с ним от сильных эмоций.

Баржа, на которой, согласно сведениям Линена, агент Алых вез похищенного им Ройта в Почерму, не прибыла вовремя. Не прибыла она и через пару часов. Спасательная операция, в процессе которой агент должен был быть спровоцирован и устранён, а Ройт — стать преданным сторонником Невозможного Плана, задерживалась. Вскоре хмурая Анра принесла известия: баржа была обнаружена дрейфующей по течению, без единой живой души на борту. Тела капитана и двух матросов плыли рядом с баржей — словно и после смерти они не хотели расставаться со своим судном. Ройта и агента нигде не было.

Линен, в гневе, самолично отправился разведывать маршрут, в гребной лодке без теплового двигателя, но уже через несколько часов пожалел об этом. Если рядом с Почермой разлившаяся Удо текла неспешно, и ладная лодка неслась, как птица — то выше по течению река сужалась, её течение ускорялось, и как Линен не налегал на вёсла, он продвигался на какие-то восемь-десять газаров в час. Даже его тренированное тело не справлялось с непривычной нагрузкой; по спине и груди тёк пот, а рукава и штаны намокли от брызг. Через три часа он миновал баржу, вокруг которой суетилось два мастеровых с белыми повязками на борту. Они почтительно приветствовали его, но Линен лишь приналёг на вёсла. Он тщательно осматривал берега реки в поисках хоть каких-то следов, но через ещё два начала смеркаться.

Линен понял, что выдохся и устал. Ройт пропал, и поиски надо начинать заново.

Почему он не взял катер? Почему он не отправился вместе с Анрой, которая могла бы его сменить?

— Идиот, — обругал себя Линен вслух.

Мало того, поддавшийся эмоциям идиот.

Он причалил к берегу и остановился, отдыхая. Его руки дрожали.

Линен начал делать шестичастное укрепление тела, постепенно возвращая себе контроль над собой. Раздул внутренний жар, усмирил ум, но нормальное цветовосприятие всё не возвращалось. Несмотря на это, он даже начал получать некое удовольствие — рассматривая пейзаж в необычных тонах. Ярость пульсировала в нём, и он ощущал, как синие, ледяные волны прокатываются по его телу — и было приятно контролировать это чувство.

Тут он заметил, что по воде плывёт что-то тёмное; оттолкнувшись от берега, он в три взмаха достиг стремнины — и обнаружил, что это здоровенная мёртвая лиса. Она плыла странно — на спине, оскаленная морда торчала над поверхностью. Шуба её облаком колыхалась в тёмной воде.

Поддавшись странному порыву, Линен зачем-то ткнул труп лисы веслом. Он камнем ушёл под воду, оставляя цепочку пузырей.

Линен взгляделся в тёмную воду... как вдруг она забурлила, из неё высунулась рука и крепко ухватилась за борт. Через секунду из воды поднялась и голова — женская.

— Я не буду залезать в лодку, — быстро сказала женщина; — можете подгрести немного к берегу, я выйду?

В этот момент на Линена снизошло озарение. Оно сменилось спокойствием, и глубокой

верой в непогрешимость собственных решений и неминуемый успех Невозможного Плана. Он, не торопясь, балансируя в лодке, подплыл к песчаному пляжу, вышел из лодки и протянул руку, помогая женщине подняться.

Выглядела она ужасно: даже в сумерках было видно, что она сильно ранена. Одежда на ней была изорвана и окровавлена, правая рука висела плетью, и она, очевидно, не могла наступать на правую ногу.

— Позвольте, — сказал Линен, — позвольте вам помочь!

Он полез во внутренний карман и, прежде чем женщина успела что-то сделать или сказать, с силой бросил ей в лицо небольшой бумажный свёрточек.

Он раскрылся, и оттуда вылетела серебряная пыль.

Глава 31. Ход

Я попытался заснуть, но обнаружил, что тело сковано напряжением последних дней. Проговорил несколько белых мантр, расслабился, и ко мне вернулась поджидавшая меня головная боль.

Полное ощущение, что я держал разбитую голову собранной воедино одним лишь усилием воли, а сейчас немного отпустил её — и вот, теперь кусочки раздробленного черепа плавают в каше из мозгов.

Аааа, шпиль! У героических героев всё очень быстро заживает, если память мне не изменяла. И ничего не болит. Тот же Нунор, помнится, славился своей «звериной живучестью», а рядом с ним всё время была какая-нибудь грудастая жрица с целебной мазью. Или добрый друг-волшебник, исцелявший прикосновением...

Я покосился на сопящего в две дырки Золто. Даже в блеклом свете луны был виден здоровенный синяк у него под глазом. Прикосновением, очевидно, он исцелять не умел.

«Соберись воедино, моя голова», — упорно думал я, медленно вдыхая и выдыхая. Мне нужно было ещё одно небольшое чудо — вроде того, что случилось в Норах. Перед моим внутренним взором снова возникли движущиеся алые шипы храма Хаоса.

— Ну же, Храм, — сказал я шёпотом. — Ещё одно загадочное хаотическое чудо? Целая голова для твоего героя!

Золто пошевелился. Я снова покосился в его сторону. Он смотрел на меня светящимися жёлтыми глазами.

— Чего? — спросил он сонно.

— Спи, Золто, — сказал я. — Это я сам с собой. Спи.

Он повернулся в другую сторону и снова засопел.

Медленное движение алых линий убаюкивало меня. Головная боль действительно немного отступила, и я не заметил, как провалился в сон.

Я проснулся оттого, что за дверью слышался шум и лязг. Стремительно вскочив, я порадовался тому, что не раздевался на ночь. Золто тоже поднялся неожиданно плавно и бесшумно — не иначе, как очередной ведьмачий навык.

В окно теперь лился рассветный свет, и комната в его лучах выглядела беспредельно убого.

На двери лязгнул засов, она открылась, и внутрь забежало несколько хмурых мужичков с огнестрелами, которые сразу же оказались нацелены на нас.

— Молчать! Молчать! — прошипел один из них, хотя мы и не вступали с ними в диалог.

Нам связали руки за спиной и заткнули рты какими-то жёсткими невкусными тряпками. Краешек одной тряпки попал мне под язык, и я яростно корчил рожи, пытаюсь переложить его поудобнее. Затем нас повели вниз по лестнице, на первый ярус башни, где на деревянном полу лежали какие-то тюки. Сейчас тюки были отодвинуты в сторону, доски пола разобраны, и из тёмной дыры выглядывала деревянная лестница. Это не предвещало ничего хорошего. Золто вытаращил глаза и замычал. Я был с ним полностью согласен.

Нас толкали к дыре, мы упирались. Я мычанием пытался втолковать, что со связанными руками этот спуск станет последним в моей жизни.

Мужички вполголоса переругивались. Мне продели через локти верёвку и попытались

спустить в дыру. Я замычал еще громче и начал отбрыкиваться, чувствуя, что сейчас лишусь рук.

В этот момент наружная дверь затряслась под ударами, а затем я услышал голос Кая:

— Все прочь от двери!

Сверкнуло, и дверь мгновенно превратилась в уголи. Видимо, Кай Шиот не зря носил свою алую мантию.

Тут же на наших похитителях загорелась одежда, и им стало не до нас. Мы с Золто, не сговариваясь, упали на пол и поползли в сторону двери. Над нашими головами свистели пули. Что-то грохнуло ещё раз.

Нас вытащили из двери, разрезали верёвки на руках, и Кай облегчённо вздохнул. Я увидел во дворе сияющую печать, оцепленную тремя кольцами охраны. Двор был набит вооружёнными людьми.

— Семьдесят гран эссенции! — восхищённо сказал он мне, как будто это сейчас было самым важным. — Три тысячи золотом за одну ночь!

Я выразительно промычал, вытаскивая тряпку изо рта и отплёвываясь.

— Что это были за люди?

— А, другие гильдии, — небрежно махнул рукой Кай. — Но мы приняли меры. За эту ночь мы перекупили половину всех наёмников в Кяськи, так что теперь у них просто не хватит сил, чтобы...

Я в ужасе застыл. Перекупили половину всех наёмников? Они идиоты?

Вероятно, моё лицо было слишком выразительным — настолько, что даже до Кая начало что-то доходить. Он отвернулся от меня, обвёл взглядом полный вооружённых людей двор... поднял руку, вокруг которой начали формироваться языки пламени...

В следующую секунду, наверное, каждый человек с оружием во дворе выхватил его и начал палить. Куда — я не вглядывался, потому что уже лежал на земле и со скоростью быстреего четвероногого полз обратно в башню. Золто обгонял меня на полкорпуса.

Похитившие нас мужички лежали скучными трупами на полу и тюках, некоторые из которых меланхолично тлели.

На удивление, Кай выжил. Он вбежал за нами, даже не пригибаясь, и движением руки повесил огненную завесу в дверном проёме. Мы стремительно, один за другим, спустились по лестнице в тёмную дыру.

Кай запустил в воздух пару пламенных змеек, и я разглядел, что под башней находится банальный восьмиугольный погреб с каменными стенами. На утопанном земляном полу стояли бочки с вином. Одна из стен погреба была разобрана, и за ней был виден земляной лаз — вероятно, наши неудачливые похитители сделали его этой ночью.

Кай метнул в лаз пару пламенных узоров, которые, свистя и обгоняя один другой, скрылись в темноте. Через полсекунды бахнуло, и лаз осыпался.

Способности этого разбойника были довольно неплохими — в принципе, он мог бы служить гвардейцем в одном из небольших кланов Ван-Елдэра.

Он подошёл к одной из стен, упёрся в неё и начал давить изо всех сил. Мы с Золто изумлённо уставились на неё.

— Что стоите? Помогите открыть потайной ход, — прокряхтел он нам.

Сверху доносился шум пальбы, стоны, проклятия, рёв и прочие звуки баталии. Мы переглянулись, подбежали и приналегли.

Ничего не изменилось.

— Может, не здесь? — выдохнул Золто, не прекращая налегать.

Кай отошёл от стены, огляделся, а затем стремительно подбежал к другой и начал давить уже на неё.

Что-то заскрежетало, забулькало, и часть стены отъехала в сторону.

Мы, не сговариваясь, побежали в ход.

Я сразу же налетел лбом на какую-то перекладину, помянул нечестивые ветра и дальше продолжил путь, пригибаясь — и почти бегом. Золто не отставал. Между нами метались золотые змейки, освещая выложенные известняком стены узкого коридора.

Кай что-то пытался втолковать по дороге, но я не слушал. Всё это было довольно-таки похоже на героическое приключение, должен признаться. Сердце колотилось как сумасшедшее, я чувствовал бодрость и невероятное воодушевление. Ха-ха, Ройт, ты всех обхитрил!

Через десяток минут мы добрались до конца коридора. Поднимавшиеся ступени заканчивались деревянной дверью.

Кай снова навалился на неё, мы подсобили. Посыпалась земля, и дверь распахнулась.

Мы стояли в лесном овражке, по дну которого струился ручеёк. Наконец-то пахло лесом. Я с наслаждением вдохнул осенний, пахнущий хвоей, грибами и палой листвой лесной воздух. Посмотрел на Золто, но тот выглядел злым. Он смотрел на нашего проводника, сжимая кулаки.

Лицо Кая Шиота было хмурым и решительным. Откуда-то достав воронёный, вполне современный револьвер, он нацеливал его на нас.

— Я бы не хотел, — сказал он, — портить с вами отношения. Я хочу взаимовыгодного сотрудничества...

В этот момент что-то просвистело, хлопнуло, и посередине его лба появилась дыра. Кай свалился, как мешок.

Я в тревоге оглянулся, но никого не заметил. Золто схоронился в кусты, я тоже поспешил убраться с открытого места.

Мы сидели в кустах несколько минут. Сначала было тихо, затем начала чивикать какая-то птица. Прошло ещё несколько минут.

— Никого, — сказал я удивлённо.

— Ага, — хмуро проговорил Золто.

Ведьмачий сын подошёл к мертвецу и забрал из его пальцев револьвер. Затем распутал завязки мантии, стащил её с тела. Снял с мёртвого Кая ножны, подумал, вытащил пояс из штанов Кая, и подпоясался сам, повесив ножны на пояс. Начал обшаривать карманы. Я поневоле скривился.

— Ты ещё сапоги у него забери, — возмутился я.

— Надо будет — заберу, — огрызнулся Золто. — У меня ни спичек, ни огнива, ни оружия, ни верёвки!

— У Алого с огненной способностью огнива точно нет, — я хмыкнул

.

Золто тем временем достал нечто вроде кисета, и высыпал из него на ладонь десяток крохотных стеклянных бутылочек. Некоторые были пустыми, но половина светилась алым светом.

— Ух ты, — поразился я, — живое стекло!

— А?

— Ну, специальное стекло, чтобы хаотичку хранить. Он, вероятно, весь ночной урожай при себе держал.

Золто хмыкнул, завязал кисет, положил его за пазуху, а бутылочки рассовал по карманам.

— Добрый день, — прозвучал дружелюбный, приветливый голос.

От неожиданности я крутанулся на месте и увидел, что в овраг широкими шагами спускается высокий светловолосый мужчина средних лет в белом плаще и светлорыжих штанах. В его руках была винтовка необычной конструкции.

Золто резко повернулся и наставил на него револьвер. Мужчина даже не пошевелился. Я молчал, ожидая, как будет развиваться ситуация дальше.

Незнакомец поднял примирительно ладони и мягко улыбнулся.

— Сразу хочу предупредить, что не намерен причинять вам вред или как-то ограничивать вашу свободу. Я также не мечтаю захватить вас в плен и заставить рисовать плетения, разрушая и без того хрупкий экономический баланс Западного Яратира, Ройт Айнхейн, — он выразительно глянул на меня. — И не имею никакого отношения к вашим преследователям из Кяски, уважаемый Золто Сандакович.

— Вас Архонты прислали? — устало поинтересовался я. — Вы — очередной агент? Предыдущий плохо закончил, хочу сразу предупредить.

— Напротив. Я — частный детектив. Моё имя — Линен и'Тьори. И нет, я не обладаю никакими Алыми способностями. Предупреждая дальнейшие вопросы: о вас мне рассказали в Белом Сопротивлении. В первую очередь, ваш наставник Анекар, хотя Токри тоже беспокоилась. Она винила себя в том, что вас изгнали.

Я улыбнулся и выдохнул.

— Золто, можешь не тыкать в нашего гостя дулом. Он наш.

Золто, однако, не опускал оружие. Он стоял весь какой-то взъерошенный, трясущийся, но револьвер держал крепко. Прежде я никогда не видел его таким, хотя ситуации, куда мы умудрялись попадать, были значительно опаснее этой. Он нервно скалил зубы и щурился, тяжело дыша. На виске билась жилка, а пальцы, сжимающие револьвер, побелели.

— Ройт, — прошипел он мне, — можно я его пристрелю? Ради нашей дружбы? Мне надо пристрелить!

Я оторопел.

— Зачем?

— Это же не человек! Это волчара бешеный! — Золто говорил, не разжимая зубов, и его нижняя челюсть выдвигалась всё больше и больше вперёд. — Я убью его, хорошо? Я все равно его убью, даже если ты мне не разрешишь!

Линен сделал стремительный, мягкий шаг вперёд и встал перед Золто — так, что дуло револьвера теперь упиралось ему прямо в грудь. Затем медленно протянул руку к ведьмачьему сыну, улыбнулся... и его одетая в перчатку ладонь ласково погладила взъерошенные волосы Золто.

— Ты очень переволновался, дружок, — сказал он тихим голосом. — Но у тебя хорошее сердце, и ты правильно чувствуешь. Я действительно опасный человек — возможно, самый опасный из всех, кого ты видел, Золто. Но, клянусь своим путём, клянусь своим сердцем, клянусь своей мечтой — я не причиню зла ни тебе, ни Ройту.

Золто глядел в глаза Линену, который продолжал спокойно держать руку на его голове. Несколько секунд он ещё скалился, но мало-помалу черты его лица постепенно

разглаживались, напряжение уходило из тела. Жёлтый отблеск глаз погас, рука с оружием разжалась, и револьвер упал на землю.

Линен обнял Золто и погладил его по спине. Ведьмачонок доставал ему только до плеча, потому картина получалась довольно трогательная. Затем Линен отстранился, поднял с земли револьвер и протянул его Золто — рукоятью вперёд. Золто машинально взял его и засунул куда-то себе за пазуху.

Повисло неловкое молчание.

Я кашлянул и произнёс:

— Скажите, уважаемый и'Тьори, а как вы нас нашли?

Тот довольно улыбнулся и постучал себя согнутым пальцем по лбу.

— Я не обладаю способностями Алых, но по праву горжусь своим интеллектом, — с явным удовольствием пустился в объяснения он. — Когда совет Архонтов обнаружил примерное место, где вы находитесь — с помощью поискового массива, Шоннур сказал Вилириану, Вилириан сказал Эрду, Эрд сказал своим друзьям в Академии... в общем, не прошло и часа после того, как поисковой массив нашёл вас, а Анекар уже стоял в очереди к пирографу и отправлял мне сообщение. Алые ещё думали, какого агента им отправлять, а я уже разослал ваше описание своим друзьям, зафрахтовал тепловой катер и двигался вверх по течению реки Удо, — Линен гордо улыбнулся. — Первая весточка пришла, когда я был на полпути к Почерме — дескать, несколько дней назад человека, подходящего под ваше описание, разыскивал некий Сандак, член Полыхающей Гильдии из Кяськи. Следующее сообщение — вы в Вохотме, гостите у Чоры Пронатона, продаёте хаотическую эссенцию. Я обеспокоился. Безусловно, вы должны были изучать начертание в Академии, но, признаться, я рассчитывал, что вам объясняли, насколько важно не светить такими способностями на других континентах! — его тон изменился, теперь он мне выговаривал. — Обычные начертатели дают кровавую клятву не создавать печати вне Гегемонии Хаоса и иначе, чем по разрешению Совета. Конечно, с вас, наследника дома Анхейн, кровавую клятву никто не брал. Но я никак не рассчитывал, что вы не понимаете простейших вещей! — Линен раздражённо рубанул рукой воздух.

Я потупился, как отчитываемый школьник.

— Вы угрожаете даже не себе — вы угрожаете Яратиру, понимаете ли это? — продолжал распаляться Линен.

— Яратиру-то что? — удивился я.

Линен вздохнул.

— В Ван-Елдэре именно из-за начертательной монополии уже многие сотни лет правит фундаменталистская олигархия, — он вернулся к несколько менторскому тону, чем отдаленно напомнил Чору. — Долго бы простояла власть Алых, если бы башни перестали приносить им ежедневный огромный доход? Думаю, не прошло бы и нескольких десятилетий, как хаоситы стали бы кастой наёмников, предлагающих свои услуги тем, кто больше заплатит. Если в Яратире возникнут свои начертатели, Ван-Елдэр не остановится ни перед чем, чтобы их уничтожить. Сначала это будут диверсионные группы — вроде того Алого агента, которого послали за вами, а затем — полноценные армии. Яратир, естественно, не потерпит подобного, и начнётся страшная война, подобной которой не видел свет.

Я хмуро кивнул. Все, о чем говорил Линен, было разумным и дальновидным. Жаль, я не обладал этими качествами. Хотя стоило бы.

— Итак, я ожидал, что в Вохотма-Удо вас встретит агент Архонтов, чтобы доставить в Почерму, а оттуда уже в Гегемонию Хаоса, — продолжил он свой рассказ, хотя я уже понимал, к чему все сводится. — Я не успевал вас перехватить, но думал отбить у агента по дороге. На полпути к Вохотме я обнаружил покинутую баржу, изучил следы и понял, что вас захватили бандиты из Кяськи. Направился в сторону Кяськи, чтобы освободить вас, и по дороге увидел зарево над башней Полыхающей Гильдии — что символично. Предположил, что Кай уже уводит вас подальше от беспорядков: либо по подземному ходу, либо через западные ворота. Забрался на высокую сосну на ближайшем холме — так, чтобы видеть оба маршрута. Через четверть часа я увидел, как вы и Кай выходите из подземного хода. Он угрожал вам оружием, и я пристрелил его из винтовки. Затем направился к вам, и вот я здесь.

— Великолепно, — я кивнул головой. — Всё действительно очень просто! Но скажите, уважаемый Линен...

Он быстро повернулся к проёму, через который мы вышли, одновременно доставая винтовку из-за плеча, припал на одно колено и дважды выстрелил в темноту. Я вздрогнул.

— За вами погоня, — пояснил свои действия Линен, передергивая затвор.

— Может, тогда уйдём поскорее отсюда?

Линен мягко улыбнулся и посмотрел на меня своими выцветшими, бледно-голубыми глазами.

— Зачем? Перебьём их здесь. У меня двести семнадцать патронов. Меньше людей будет за вами охотиться.

Он похлопал тёмный ствол винтовки.

При этих словах Золто отмер и выругался.

— Слушай, — сказал он, — как-тебя-там, Линь, тебе вообще наплевать, что люди умирают?

Линен поднял бровь.

— Это же бандиты, Золто.

— Да там половина из них — выменянные, должные, обещанные, которых обманом в долги залучили, — плюнул Золто на землю. — Их посылают вперёд, потому что их не жалко. Я сам мог вот сейчас по этому ходу идти, понимаешь?

Линен пожал плечами, достал из внутреннего кармана какую-то маленькую финтифлюшку и кинул в ход.

— А вот теперь, — сказал он, — предлагаю уйти, и поскорее. Мой катер стоит у берега в газаре отсюда.

И подал нам пример, удаляясь скорым шагом. Золто не отставал, а я медлил, оглядываясь на тёмный провал. Что туда кинул Линен?

Но ничего не происходило.

— Ройт Айнхейн, поспешите, а то заснёте, — окликнул меня Линен. — Я кинул в ход колбу с сонным газом. Припас несколько на случай, если мне придётся проникать в Кяськи, чтобы вас освободить. Наш добрый Золто может совершенно не переживать за их жизни.

Я поспешил покинуть овраг.

— Скажите, Линен, — обратился я к нашему опасному спасителю, пока мы шли по ельнику. — Когда вы осматривали баржу, вы не видели там девушку? Или... тело девушки? Рыжеволосая, в зелёной одежде?

Линен с сожалением развёл руками:

— Не припоминаю.

— Может быть, вы видели... лису? Очень большую лису?

— Лису? Да, я видел невдалеке от места крушения баржи следы лисы, которые уходили прочь от берега. Я так полагаю, это был агент-перевёртыш, посланный за вами?

Я с облегчением выдохнул. Лексина жива! Это была лучшая новость за последние двое суток!

— Я смотрю, вы рады этому известию, — неодобрительно покачал головой Линен. — А ведь это жестокий агент, Ройт, который захватил вас силой. Он имел обличье очаровательной девушки, я так понимаю? Вы ведь понимаете, что это, скорее всего, очень старый и опытный Алый, у которого в жилах эссенции больше, чем крови, и который всю жизнь занимается тем, что выполняет приказы Алых диктаторов? Такие, например, как тихое устранение тех, кто желает изменить сложившийся консервативный порядок?

Я поморщился.

— Она рисковала жизнью, чтобы защитить меня.

— Посмотрите на меня, Ройт Айнхейн, — мягко сказал Линен. — Я — агент Белых Детектив, стрелок, убийца. Хотя я не владею Алыми способностями, но, полагаю, способен в одиночку перебить половину бандитов Кяськи, не вспотев. При этом меня, бывшего неподалёку, попросили вам помочь по старой дружбе, и я — далеко не самый лучший и опытный из Белых. Как вы думаете, кого пошлют решать проблему исчезнувшего невесть куда наследника рода Айнхейн? Кого-то менее умелого и опытного, чем отставной Белый детектив? Юную девчонку, не способную оценить ситуацию и справиться с ней? Или лучшего из лучших?

Я хмыкнул, соглашаясь с ним.

— Я немного разобрался в оставленных на корабле следах побоища. Насколько я понимаю, она взяла тихоходную баржу и держала вас на палубе, как приманку. Когда произошло нападение, агент бросила вас — вместо того, чтобы сразу прикрыть вас щитом и увести в трюм, что для телохранителя — безусловный рефлекс. После она продемонстрировала вам «трагическую гибель», как раз перед тем, как вас захватили бандиты.

— Но зачем это ей? — поразился я.

— Полагаю, Архонты хотят, чтобы вы умерли, — пожал плечами Линен. — Вряд ли с этим согласен ваш отец, потому для него разыгрывается небольшая история о том, как они старались вам помочь, но ужасные злодеи с дедовскими самопалами разрушили их планы, и наследник Айнхейн лишился жизни во время беспорядков в Кяськи. Вы выжили. Теперь, полагаю, агент будет искать нового удобного случая, чтобы подстроить вашу безвременную гибель.

— Ага, — пробормотал я сквозь зубы. — Понимаю. Мой отец, убитый горем, оставит пост Непреклонного — его считали слишком мягким для законодателя — все эти реформы права, свобода слова... Вместо него придёт какой-нибудь твердолобый пёс Алого режима. Моему брату Ликсу плотно сядут на уши, пользуясь его чувством вины, и вылепят из него то, что захотят.

— Видите, вы сами всё понимаете, — Линен поднял руку, будто хотел хлопнуть меня по плечу, но передумал. — Наша задача — сохранить вам жизнь. Мечта Белых — Ройт Айнхейн во главе Алого совета. И тогда, возможно, совет, наконец, станет двухцветным.

— Трёхцветным, — на автомате заметил я, все еще пребывая в своих злобных мыслях.

— Простите?

— Есть те, кто не следуют ни одному из путей. Они тоже должны быть в будущем совете.

Я услышал мягкий женский голос:

— Мальчик говорит дело, Линен.

На берегу реки, около сверкающего белыми бортами катера, стояла темноволосая женщина средних лет в светло-голубой форме.

— Познакомьтесь с Анрой, — сказал, улыбаясь, наш проводник. — Она — мой деловой партнёр.

Анра подала мне для рукопожатия затянутую в тонкую перчатку руку.

— Приятно познакомиться, Ройт.

— Ээээ, — сказал я, подумав, что до этого Линен не говорил ни о каком напарнике, — а это Золто Сандакович, мой товарищ, который не раз выручал меня из беды.

— Привет, — буркнул молчавший до этого всю дорогу Золто.

— Добро пожаловать на борт, — произнесла Анра.

Мы поднялись по трапу и уселись на задние сиденья, обтянутые белой кожей.

Катер был современным, дорогим и пах керосином. Мотор двигателя мягко рокотал, и из четырёх труб на корме вылетали облачка пара. На борту золотыми буквами было написано «Тюльпан».

Я посмотрел на тёмные воды Удо, по которым плыли жёлтые листья. На её берега, поросшие высокими елями. Обернувшись, я увидел высокие белые горы хребта Суур-Леведыш. Прохладный, свежий ветер пах поздней осенью.

Внезапно мне захотелось немедленно выйти из катера, оставить позади этих вежливых Белых и снова идти с Золто по лесным тропам, думая, где остановиться на ночлег. Отчего-то за время моей ссылки я стал нелюдимым, или это называется осторожность? Пожалуй, я все еще не мог доверять на этом материке никому, кроме Золто и Ногача.

— Погодите, — сказал я Линену и Анре, понимая, что это звучит очень глупо. — Мы, пожалуй, сами доберемся до Почермы.

Линен удивлённо приподнял бровь.

— Через холодный лес, полный диких зверей и бандитов, жаждущих вас поймать?

— Именно, — тут же поддержал меня верный Золто. — Вот именно что через холодный лес. Можете даже огнива нам не давать. А лучше, Ройт, давай-ка заглянем в Вохотму ещё раз, там у нас есть пара дел незаконченных.

Линен рассмеялся.

— Если хотите — пожалуйста, но я пойду с вами, чтобы удостовериться, что вы доберётесь целыми и невредимыми. Но если вам так неприятно моё общество — не лучше ли потерпеть его четыре часа, чем три дня? Вскоре мы будем в Почерме, и там поступайте, как знаете.

— Ага, — скривился Золто. — Да-да, конечно. Поступайте, как знаете, вот только поймите, что вам надо поступить так-то и так-то, послушайте доброго дядю Линя.

— Линен, — подняла брови Анра, — ты напугал ребят?

Детектив развёл руками.

— Ну, моё появление было довольно эффектным, наверное.

— Золто, — улыбаясь, сказала Анра, — я давно знаю Линена, и могу за него поручиться.

— Да и тебе нет веры ни на грош, вот что я скажу, — продолжал раздухарившийся Золто. — Я сижу в этом катере, как в медвежьем капкане, и больше всего мне хочется из него выскочить прямо в воду.

Линен возвёл глаза к небу и тяжело вздохнул.

— Ребята, — медленно начал он, но я его прервал.

— Знаете, Линен, я согласен с планом — добраться с вами до Почермы и там разойтись, — я принял решение, хотя оно мне и не особенно нравилось. — Честно, я думаю, мы можем сами позаботиться о себе. Спасибо за помощь и заботу.

Линен передёрнул плечами, Анра хмыкнула, катер заурчал и понёсся вперёд по воде, оставляя за собой длинный пенный след.

Интерлюдия. Речь

— Распогодилось. Это добрый знак.

Шоннур и Вилириан сидели в небольшой наспех выставленной полевой палатке. За ней располагалась Трибуна Свободного Изъяснения, которой Алые не пользовались уже очень много лет.

— Площадь заполнилась? — Вилириан не смотрел на друга.

— Еще час назад.

— И кого больше?

— Сообщают, что примерно половина Белых, но точно сказать сложно, многие ведь маскируются.

— Думаешь, они попытаются меня убить?

— Вероятность большая.

— И от Ройта по-прежнему нет вестей?

— Чора ищет его, — Шонн устало потер лицо, — он в пути.

— Я должен быть не здесь, а там, — Вилириан вскинулся, — честное слово, мой сын пропал в каком-то преступном притоне, что я здесь делаю?!

— Пытаешься управлять государством, как и обычно, друг мой.

— И у меня не очень-то получается.

— Там все готово, — в палатку заглянул Эрд. — О-о, — протянул он, наблюдая унылые лица, — мы уже сдались?

— Нет еще, — Вилириан усмехнулся и потянулся, щелкнув суставами.

— Многие пришли с оружием, — сообщил Эрд, зевнув.

— Прелестно, — Вилириан улыбнулся ему. — И что же они хотят? Публично растерзать детоубийцу?

— Вроде того.

— Мне подходит.

Он встал рывком и одернул чуть сбившуюся алую мантию. Глаза опасно блеснули.

— Тебя надо объявить... — начал было Шоннур, но Вилириан оборвал его.

— Не надо! Все знают, кто я такой!

Он в два шага дошел до свободного полога палатки и резко откинул его в сторону. В лицо ударил яркий солнечный свет. Вилириан сощурился и быстрой походкой отправился к сцене.

Толпа перед сценой волновалась. Он чувствовал это кожей. От тысяч устремленных на него глаз кровь внутри вскипала. Опасность, недовольство, азарт, страх — сильные эмоции клубились над толпой. Вилириан моргнул и шагнул к краю сцены.

— Жители Ван-Елдэра, собравшиеся сегодня здесь и готовые разнести услышанное по своим семьям, соседям и друзьям! — обратился он, глядя в самый конец площади. — Немало волнений выпало на вашу долю в последнее время, не так ли вы считаете?

В толпе одобрительно зашумели.

— Правда? А почему? — Вилириан дернул головой, будто бы услышал ответ от кого-то конкретного. — Кто-то из вас осудил собственного сына? Приговорил его к многолетнему изгнанию? — в толпе послышались нестройные шепотки. — Или, может, у кого-то здесь пропал бесследно старший сын, наследник и опора? Обвиняют ли вас в убийстве

собственного сына, когда вы в беспомощности ищете его следы по всему миру?

Вилириан сделал паузу, будто бы ожидая ответа.

— Нет, как я погляжу, — он криво улыбнулся. — Все описанное не происходит ни с одним из вас. Только со мной.

Он перевел взгляд на первые ряды, где, подсвеченный солнцем, сиял транспарант. «Смерть убийце!» — требовал он.

— Вы говорите о том, что ваша жизнь не достаточно хороша, — Вилириан проигнорировал это обвинение, — сегодня я не склонен согласиться с вами. Сегодня в городе нет человека печальнее и обеспокоеннее меня, ибо мой сын ранен, в плену на другом континенте, в городе с дурной славой, название которого я узнал лишь вчера. Сейчас его жизнь, вероятно, висит на волоске. И, пока это так, мне сложно проявить понимание в отношении налогов, привилегий и угнетений людей по сословному признаку. Возможно, ваша жизнь не достаточно хороша, моя же максимально ужасна. Не ждите от меня разумности и понимания — я убитый тревогой отец. И жалости во мне тоже нет.

Он сделал легкий поклон и удалился. Три вылетевшие в его сторону пули расплавились, ударяясь об Алое поле Архонта.

Глава 32. Воля листа

Около Почермы Удо разлилась широко, и катер проносился мимо небольших островков, поросших высокой травой. Сидевший на одном из них рыбак с удочкой, увидев нас, начал кричать нам что-то оскорбительное — вероятно, потому что я не слышал его голоса из-за шума двигателя. Оглянувшись, я увидел, как волны, поднятые катером, заливают островок, гася небольшой костерок, над которым коптилось в дыму несколько рыб.

Лес отступил от берегов. Правый берег Удо был обрывистым, а левый — пологим, и я смотрел налево, на широкие зелёные поля и косогоры, на которых то там, то здесь виднелись ярко раскрашенные дома. Солнце поднялось высоко и пригревало, и меня начало клонить в сон; Золто вообще свернулся калачиком и дрых, открыв рот. Линен расчехлил свою жуткую винтовку и держал её на коленях, поглаживая, а Анра, казалось, наслаждалась скоростью.

Постепенно домики стали попадаться чаще, и впереди, за высоким центральным пролётом деревянного моста, показались верхушки мачт.

Мы лихо развернулись на стремнине, пронеслись под мостом — и моим глазам предстала Почерма.

Улицы сбегали вниз с нескольких холмов, стремясь к пристаням. Старомодные кирпичные и каменные дома выглядели уютно и мило.

На самом высоком из холмов виднелись аккуратные башенки старинного замка.

У пристаней теснились корабли — одно-и двухмачтовые пузатые каботажники, баржи, лесовозные барки, катера и приземистые металлические буксиры. Среди них, как взрослый среди детей, возвышался великолепный четырёхмачтовый резак — длинный корабль, количество парусов на котором поражало воображение. Анра заглушила двигатель, и мы начали на малом ходу пробираться к пристани.

Я толкнул Золто в бок. Он встрепенулся и открыл глаза.

— Смотри, — сказал я ему, показывая на парусник, — вот на нём мы поедем в Юхатъ Светлую.

Ведьмачий сын расплылся в улыбке, глядя на корабль влюблёнными глазами.

— Восемьдесят газаров в час в круговетренном потоке, — сказал он. — Может быть, и девяносто.

Анра хмыкнула.

— Катер его легко обгонит, Золто Сандаков.

— Ха, ну да, пока керосин не кончится, ага.

— Ведутся разработки полностью металлических кораблей с установленными на них плетениями, собирающими воплощающую эссенцию. Она будет непосредственно преобразовываться в энергию движителей, и корабль не будет нуждаться в дозаправке.

Тут уже рассмеялся я.

— Они ведутся уже тридцать лет, Анра, — сказал я. — И пока они жрут эссенции вдесятеро больше, чем производят. Всё дело в том, что нельзя поставить слишком высокое кольцо для печати.

— Последний проект — шестипоплавковый стальной катамаран с тороидальным плетением, показывает хорошие результаты на тестах, — Анра, очевидно, была задета за живое.

Я отмахнулся.

— Создание печати для такого корабля будет дороже, чем вся прибыль, которую он сможет принести за сто лет.

— Ведутся разработки, — с нажимом сказала Анра, — по механическому нанесению извлекающих эссенцию плетений, с помощью квази-эмоциональных автоматов и счётных машин.

— Да ну? И как успехи? — осведомился я. — Что-то я не слышал о таких разработках!

— Заткнись, Анра, — мягко сказал Линен. — Закрой свой рот.

Анра замолчала и так резко развернула катер кормой к пристани, что Золто едва не вывалился за борт.

— Полегче, тётя, — сказал он гнусаво.

Линен выскочил, привязал катер и откинул трап. Мы сошли на пристань, я нагнулся несколько раз, разминая затёкшую спину.

— Нас должен был ждать человек на пристани, — проронила Анра. — А его нет. Вообще пустовато как-то здесь.

Действительно, людей на мостках было мало. Прислушавшись, я услышал знакомый крик многих голосов, доносившийся с берега.

— Гааааа!.. Даёшь!

Нет-нет-нет. Нет-нет.

— Линен, Анра — уезжаем отсюда, — сказал я командным голосом.

Те вылупились на меня с деланным недоумением.

— Тут тоже беспорядки, слышите?

Линен, ничего мне не отвечая, перехватил винтовку и направился по мосткам к берегу, туда, откуда раздавался шум.

Анра пожала плечами.

— Ребята, это наши. Нас просто встречают, — сказала она, ровным счётом ничего не пояснив, и пошла за Линеном. Я смотрел, как они уходят по мосткам, как скрываются за какой-то древней шхуной, пришвартованной у берега.

— Гааааа... — раздавалось вдалеке.

Я посмотрел им вслед, плюнул и сел обратно в катер. Пошарил по панели... конечно же, ключа, запускавшего движитель, не было. Вылез и посмотрел на Золто.

Он стоял, поёживаясь — вероятно, замёрз, пока спал, и глядел на меня выжидающе.

— Ну, что, по-твоему, должен тут делать Нунор? — меня охватило странное ощущение, будто сейчас наступает решающий момент моей жизни. — Валить на тот берег? Лезть в гущу?

— Твой ветер, ты и думай, — буркнул Золто, потирая ладони. — Я с тобой, чо.

— Ну, мы можем отвязать какую-нибудь лодку и на вёслах уйти отсюда, пока нас не хватились эти двое, так?

— Здорово бы было, если бы могли, — хмуро ответил Золто. — Сели в лодку — и знать ничего не знаем. Снасти тоже можно стырить. Вечером костерок запалим, рыбы пожарим, заночуем. Так неделька пройдёт, всё уляжется. Придём в Почерму, продадим ту хаотичку, что я у Кая забрал, сядем на корабль и поедem в Юхать.

— Но мы не будем так делать, да? — отозвался я Золто в тон.

— Не-а, — ответил Золто. — Мы в гущу полезем. И там огребём.

Я мрачно кивнул.

— Сильно огребём-то?

— Ну, — вздохнул Золто, — наверное, сильно.

— Главное, — усмехнулся я, — чтобы по голове опять не прилетело. А то это традиция уже какая-то.

Золто достал из кармана пыльную вязаную шапку и протянул её мне. — На голову надень, не так больно будет.

Я осмотрелся вокруг. Заглянул в одну лодку, в другую. Увидел на дне одной из них заржавленный котелок, ополоснул его водичкой. Намотал на голову шарф, как тюрбан, надел поверх котелок — он пришёлся удивительно впору, поверх — вязаную шапку.

— Как выгляжу?

Золто махнул рукой. Достал из-за пазухи револьвер Кая, посмотрел на него, положил обратно за пазуху. Вздохнул.

И мы пошли вперёд, а ветер тем временем поднимался.

В самом деле, поднимался: корабли начали качаться на прибрежной волне, какие-то незакреплённые железки и деревяшки на них ритмично стучали.

Когда мы с Золто вышли на твёрдую землю, нас уже встречали. Линен и Анра стояли перед парой сотен человек и что-то втолковывали им; затем Линен повернул голову в мою сторону и приглашающе махнул рукой.

— Ройт! Подходи!

Толпа зашумела, замахала руками, выражая своё дружелюбие.

— Вот, — сказал Линен, — это Ройт из Ван-Елдэра! Наш товарищ, которого едва не убили его собственные родители за то, что он пошёл против диктатуры Алых в своём городе. Он Алый по крови, но отказался принимать эссенцию и поддерживал Белое движение. За это его сослали туда, где он должен был бы погибнуть — а чтобы удостовериться в этом, послали одного из своих агентов. Но мы с Анрой спасли его из рук бандитов и привезли в Почерму. Ройт! Прошу любить и жаловать!

Я помахал рукой, недоумевая. Как-то оно всё не так было...

— Скажи нам, Ройт, как живёт простой народ в Ван-Елдэре! А? — сказал, обращаясь ко мне, Линен. — Каково ему под пятой Алых деспотов?

— Плохо живёт простой народ в Ван-Елдэре, — сказал я. Эта тема была мне знакома. — Налоги большие, работы мало. Образование сложно получить. Дети бедняков, желая лучшей доли, принимают хаотичку. А так как денег у них нет на неё, они покупают её на чёрном рынке. И умирают, влив всякую дрянь в кровь.

Толпа гневно загудела.

— Скажи мне, Ройт, а что ты делал, чтобы простой народ жил лучше?

— Я-то? Мы подавали петиции, выдвигали требования, ходили на демонстрации, выпускали листовки. У нас была газета своя — Белый Ветер. Мы вели гражданскую борьбу, — сказал я, потрясая кулаком.

— И как отреагировали на это диктаторы Ван-Елдэра?

Тут я призадумался. А как, собственно они, отреагировали? Сослали меня? Сослали меня, по факту, за собачку, будь она неладна. А!

— Они обыскивали дома моих товарищей, таскали на допросы, разгоняли стачки! Многие мои товарищи были высланы из Ван-Елдэра с вечным запретом на въезд! Некоторые были осуждены — попали в тюрьму, на каторгу, их ограничили в гражданских правах...

— Деспоты не щадили никого, — провозгласил Линен. — Они не пощадили даже своих собственных детей! Расскажи нам, как тебя сослали, Ройт!

— Меня вызвали на Алый суд, предъявили обвинения...

— Его обвиняли в том, что он был пособником Белого движения! Так ведь?

— Да, но...

— И его сослали на другой конец света, потому что они боялись его! Но и здесь они не оставили его в покое! Они послали своего агента, чтобы он тайно убил Ройта! Они хотели свалить вину на нас, жителей Яратира, чтобы получить повод для новой войны! Если бы Ройт погиб, на наши земли ворвались бы Алые мясники, неся смерть и разрушение, устанавливая и здесь свою диктатуру! Посмотрите на коварство и жестокость замыслов Алых! Одним махом они избавились бы от мятежника в своих рядах — и развязали бы войну, отправив на неё обманутую бедноту!

Толпа взвыла.

— Но Ройт — жив, — сказал Линен спокойно. — Войны не будет, потому что Ройт — жив, Ройт знает правду, Ройт — наше оружие против войны, и мы не дадим Ройта в обиду. Не дадим?

— Не дадим, — крикнул кто-то из толпы, и люди одобрительно зашумели.

— Эй, — сказал я, намереваясь возразить, но в этот момент с одного из кораблей прыгнула рыжеволосая фигурка. Лексина!

Окружённая алым пламенем, она спокойным шагом направилась ко мне.

— Заканчиваем балаган, — выплюнула слова Лексина. — Вы не сможете помешать планам Алых Владык. Ройт погибнет во время беспорядков в порту, и война начнётся.

Что она несёт? Я, раскрыв рот, смотрел на неё. Что-то с ней было не то.

Линен сорвал с плеча винтовку и выстрелил в Лексину, но пуля застыла в окружавшем её огне. Анра выхватила револьвер и выпустила в Лексину несколько пуль — без толку.

— Беги, Ройт, — трубно прокричал Линен. — Мы задержим её! Братья, защитим Ройта!

Толпа оцетинилась оружием, захлопали беспорядочные выстрелы. Пара десятков человек бросилась между мной и Лексиной, отделяя меня от неё живой стеной.

Лексина неестественно захохотала, и окружавшее её пламя превратилось в длинные иглы, пронзившие моих защитников. Они с криками повалились на землю. Толпа отшатнулась. — Эй, Лексина, что ты делаешь? — ужаснулся я, подходя к ней.

— Уходи, Ройт, — крикнул Линен, снова стреляя в Лексину. — Тебя может задеть!

Она подняла руку, направляя её в меня.

— Ты... ты...

— Что с тобой, Лексина? — я не испытывал страха. — Что происходит, эй?

И тут я увидел, что её неподвижное лицо покрывают маленькие блестящие кристаллики, а в глазах плещется дикий ужас.

Время для меня остановилось, и мысли бешено закрутились в моей голове.

Лексина под эссенцией порядка. Под той же эссенцией, которую дала мне Токри. Той же эссенцией, которая превратила собаку Ликса в послушную окаменелость. Ей управляет Линен.

Всё это огромная ловушка, в которой я играю роль жертвы. Возможно, я играю в ней роль жертвы уже давно — с того самого момента, как ко мне попала бутылочка с активной эссенцией. Я вспомнил душный аромат духов Токри, свою сонливость в тот день. Собаку, эссенцию, суд, ссылку... штиль, меня разыграли! Разыграли как игровую фишку.

Но кто? Кто мог такое провернуть? Рассчитать моё поведение, знать, что случится, как я поступлю?

Перед моими глазами встала фигура Охранительницы Йис на коне, дающей мне совет, как быстрее попасть к началу дуэли. Так. Значит, это она? Она заодно с Линеном? Она направила сюда Лексину? Зная, что будет делать Линен, что будет делать Лексина, что буду делать я, ведя всех нас к этому моменту, где я погибну, став жертвой — в какой-то ещё до сих пор непонятной мне истории? Или всё же Йис не могла так поступить? Конечно, она Кемла, но...

Так-так, не отвлекайся, Ройт. Сейчас ты умрёшь. Либо тебя убьёт Лексина. Либо в тебя попадёт «случайная» пуля одного из агентов Линена в толпе. Либо добьёт эта сладкая парочка, Анра и Линен. Никакой возможности выжить.

Что же, будем умирать. Но я не хочу быть жертвой! Что же, если я могу, то я плюну напоследок этим хитроумным планировщикам в суп.

Я заорал, подхватил с земли какую-то доску и с воплем «за Ван-Елдэр и Архонтов» ломанулся к толпе. Какой-то докер в синей робе ошарашенно уставился на меня, и я опустил доску на его голову; он упал. Развернулся, снова заорал «За Алый Совет» и ударил ребром доски очередного типа. Время текло для меня медленно-медленно.

— Лексина! — крикнул я. — Бей беляков! За Алый Совет! За Ван-Елдэр!

Кто-то ударил меня дубинкой по голове, но мой импровизированный шлем не подвёл. Я захохотал и пнул его ногой. Меня схватили за плечи, попробовали повалить, но я вывернулся.

— За Хаос! — орал я, яростно пинаясь.

— За Хаос! — услышал я знакомый крик. О, это Золто присоединился.

— За Хаос! За Ван-Елдэр! — голос Лексины прозвучал механически, но люди вокруг меня разлетелись, как кегли. Прогремел выстрел Линена, и, захваченная алым пламенем, рядом со мной повисла пуля.

— Правильно, Линен! Помогай! Стреляй в бунтовщиков!

Толпа начала редеть: растерянные рабочие побежали прочь.

— Приказ два! — заорал Линен, и Лексина остановившись, повернулась ко мне. Она выхватила откуда-то нож и неуклюже, очевидно, сопротивляясь приказу, ткнула им меня в живот.

Я почувствовал холод и толчок, но больно не было. Она разжала руку, и нож остался торчать у меня в животе.

— Лексина! Ради хаоса, меня, Ван-Елдэра, Алых, всего, во что ты веришь, превращайся в лису!

Лексина вытащила очередной нож. На этот раз он воткнулся мне в бедро. Наверное, это означает, что моё убеждение действует?

— Эй! Лексина! Если убьёшь меня ты, я не знаю, что будет с Ван-Елдэром! Пусть меня убьёт кто-нибудь другой! Перекидывайся в лису!

Лексина крикнула и ударила меня по щеке когтистой рукой. Правый глаз сразу перестал видеть, но больно всё ещё не было.

Я зарычал и попробовал съездить по лицу Лексине растопыренными пальцами. Она пригнулась, и вцепилась зубами мне в бок; я упал.

Надо мной стояла рычащая лиса, без малейших следов каменной крошки на лице. То есть, морде. Она оскалилась, а затем развернулась и длинными прыжками побежала прочь. Я смотрел ей вслед, глядя, как она скрывается в проулке.

Золто — белый, как мел, подбежал ко мне, схватился за нож в бедре и вытащил его из

меня. Мне сразу же стало **ОЧЕНЬ** больно.

— Не трогай меня! Хххх! Не вытаскивай ножи!

— Тише, тише, — пробормотал ведьмачий сын, схватился за нож в животе и дёрнул за него — причем мне показалось, что он дёрнул его как-то ужасно, с подвывертом. Кровь хлынула потоком. Он выругался и начал зажимать руками рану.

— Золто, ты идиот, идиот, не трогай меня, — я взвыл.

— Тише, тише, Ройт!

Золто поднял глаза и отшатнулся. Затем вскочил и понёсся прочь.

Я с усилием повернул голову и увидел Линена, стоящего надо мной и надевающего резиновые перчатки.

— Убьёшь? — спросил я его, и почувствовал, что рот наполняется кровью. Шевелиться я не мог.

— Ты и не был никогда по-настоящему жив. Теперь ты послужил Невозможному плану, поэтому ты будешь прославлен, а когда план будет исполнен, ты будешь возрождён.

Линен подобрал один из ножей Лексины, приставил его к моей груди, и я ощутил — словно время для меня замедлилось — как холодное лезвие прорезает мою кожу, с трудом проходит между рёбрами и входит в моё сердце.

Что-то внутри хрустнуло, потекло, и тут всё вокруг начало стремительно темнеть, а звуки — крики людей, пальба, скрип и перестук, доносящийся с воды, стали всё более и более удаляться от меня. Я проваливался в тёмную, узкую яму тяжёлого небытия.

Мне вдруг стало ужасно обидно, что я умираю. Как жаль! Как жаль!

И наступило ничто.

моё тело — тёмный кусок ноздреватой плоти, красно-чёрной, сворачивается в темноту, мысли распадаются, осыпаются, как сухой песок. Я тянусь, как каучуковый лист, изгибаюсь, корчусь в изучающих меня пальцах смерти — красно-зелёных, твёрдых лучах, что ощупывают меня снаружи и изнутри, ищут отверстие, через которое я буду вывернут, рану, в которую проникнет смерть, чтобы вырвать меня из кожи.

Ран две: сине-белая рана от ножа Линена, который разорвал моё сердце, разрастающаяся внутрь ледяными кристаллами, и вторая — красно-жёлтая, нанесённая Лексиной, из которой серым потоком изливается в ничто моя жизнь.

Острые лучи собираются вокруг раны, оставленной Линеном, и я чувствую, как они лезут внутрь, загибаются, порастают коготками, вцепляются в края и потоком устремляются внутрь. Странное отвращение охватывает меня — я не хочу умирать от руки этого ублюдка. Пусть моя жизнь уйдёт через рану, нанесённую кем-то другим! Я устремился к дыре в животе, стремясь умереть через неё, скорее выдавить через неё свою жизнь.

Тело расширяется, плавится, искажается, и в смертном сне я вижу его, как огромный дом, высокую башню с бесчисленным количеством лестниц. Я — маленькое живое пламя, бегущее вверх, по извилистым переходам, убегая от приливной волны ледяных змей, и в беге я умножаюсь — вот меня десятки, сотни живых огоньков, бегущих вперёд и вверх, прочь от острых пальцев, от разрушенного сердца, выскакивая через купол красно-жёлтой раны в голодную пустоту ничто.

Я вылетели прочь, разбегаясь во все стороны, радуясь, что и в смерти проявил свою волю, и поодиночке затухая, стали спокойно ждать исчезновения последнего себя, как усталый рабочий после смены ожидает монорельсовую платформу, которая отвезёт его в домой.

Мы научились чувствовать, кто затухнет следующим — и это невероятно весело: смерть оказалась больше всего похожа на ледяную щекотку. Кто бы знал, — думает один из я, — кто бы знал, что мы хохочем от щекотки, потому что мы умираем — и сама эта мысль веселит нас ещё пуще; один из я надувается оранжевым смехом, и, вместо того, чтобы чинно затухнуть, лопается — рассыпаясь в ничто оранжевыми искрами. Вид этого фейерверка помогает забыть о том, что когда-то мы были одним существом, и мы смеёмся, ловим искры, бегая в небытии.

Но вот над нами, неотделимо от небытия, растёт, ширится, возникает красное пятно, широкий красный медленный вихрь, как облако, подсвеченное подземными лучами, и мы заморожено смотрим вверх.

Кто же мы?

Мы — Ройт, говорим мы, и в тот же момент я обнаруживаю себя единым — и одновременно неполным. Эта неполнота внутри меня не нова: она была со мной всегда, но сейчас, когда я гляжу вверх, я мучительно переживаю эту неполноту. Это тоска, это стремление, безымянная, болезненная пустота, и красное облако отвечает мне на мою муку — смехом и гневом, лаской и уничтожением — нет, некоей новой, невозможной смесью из всех когда-либо испытанных мной чувств. Нет — неким чувством, которое знакомо мне, которое нужно мне — и я не знаю его имени, но тянусь к нему. Вот оно, — думаю я, — вот то, что я искал. И оно становится моим. Новое чувство во мне бьётся, жжёт мой огонь.

Как жаль! Как жаль! Снова чувствуется во мне предсмертное эхо сожаления. Но мне уже не жаль, что весёлая смерть забрала меня. Каменная крошка на одеревенелом лице Лексины — вот о чём я сожалею. Я вижу её лицо, и хочу стереть с неё эту крошку — и это новое чувство становится странной нежностью, с которой я утираю песок с её лица.

Теперь всё будет хорошо, — думаю я, теперь всё не напрасно.

Лихое умиротворение охватывает меня. Я всемогущ. Я могу изменить мир, переписать все его законы, вернуть мёртвых, повернуть ветра вспять — но настолько доволен своим всемогуществом, что не делаю ровным счётом ничего.

Я слышу отдалённый шум: это падают камни, ударяясь о моё тело. Я хочу видеть это, и сразу же вижу — моё тело в холщовом мешке, в чистой белой одежде, под которой грубыми нитками три зашитые раны. Золто, с его трогательно хмурым выражением лица, сбрасывает в яму лопатой песок и камни. Мой отец не знает! Мой отец не знает, — вспоминаю я, и вижу отца.

Он очень похудел за последние дни, глаза потухли, плечи опустились. Бедный мой отец, — спокойно думаю я, продолжая нежиться в довольстве. Умерла жена, умер сын, а он не знает, как весело быть мёртвым, каким могуществом обладает неживой! Я чувствую, что могу сказать ему об этом, но я слишком доволен.

Я пропадаю, и снова возникаю. Теперь могила выровнена. Сколько звёзд! Это потому что ночь. Где я похоронен?

Берег реки около Почермы. Какое, всё же, забавное имя! Может быть, мне переделать это имя? Одно движение мысли — и все забудут смешное имя Почерма, все будут думать, что они жили в городе с гордым названием... каким-нибудь гордым названием... я слишком доволен, слишком!

Деревянный манекен подходит к месту, где закопано моё тело. Смешной живой деревянный манекен в смешном городе! Ему совсем не подходит имя Ногач, почему я дал ему такое имя? Деревянный манекен несёт лопату и начинает копать мою могилу. Смешной деревянный манекен! Зачем ты делаешь это? Ногач, не надо, перестань! Я хочу помешать ему, я действительно хочу — я использую своё всемогущество, но в тот самый момент, когда я пытаюсь помешать ему, могущество оказывается фальшивкой. Я ничего не могу! Ничего! Я исчезаю. Стоило начать сомневаться в себе — и я исчез.

Открыв глаза, я увидел деревянные доски потолка, испещрённые многочисленными сучками. Сколько сучков я вижу? Раз, два, три, четыре... коричневые кругляшки мельтешили перед глазами, я не мог сфокусироваться. Сделав над собой усилие, я отметил одну из досок, и начал считать сучки на ней. Досчитав до двенадцати, я понял, что не вижу часть доски — она над моей головой — и попробовал запрокинуть голову, чтобы досчитать до конца.

Движение отозвалось болью во всём теле, и я непроизвольно застонал, но смог увидеть начало доски. Тринадцать, четырнадцать...

И тут с таким трудом полученный мною обзор загородило обеспокоенное лицо Золто.

— Ройт жив, — крикнул он прямо у меня над ухом.

— Ошибаешься, — прохрипел я. — Я умер. Мне пробили сердце.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net